

никогда не испрашивал разрешения папы³. Доктор Белоголовый тоже женился – вы, должно быть, знаете.

¹ О подготовке “Сборника посмертных статей А.И. Герцена” и вмешательстве Нечаева см. в АО, 78–82 и “Лит. наследстве”, т. 41–42, с. 162–163.

² Осада Парижа немцами и подавление Парижской коммуны версальцами весной 1871 г.

³ Замечание Нат. Ал. вызвано слухами, что В.Ф. Лугинин будто бы отправился в Рим, чтобы (как сообщал ей Герцен) испросить у папы Римского разрешения (для жены) выйти замуж за православного (см. XXX, 183).

Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Обзор Л.Р. Ланского

Энергичная собирательница, публикатор и исследователь творческого и эпистолярного наследия “людей 1840-х годов” (в особенности Герцена и Огарева) и их биограф, Екатерина Степановна Некрасова (1847–1905) более двух десятилетий деятельно переписывалась с родными и близкими своих “объектов изучения”. Среди разнообразных документов ее личного архива сохранились сотни адресованных ей писем Натальи Алексеевны *Тучковой-Огаревой*¹ с ответами на вопросы о “трудах и днях” издателей “Колокола”^{126*}. В основе этих писем – отзвуки ее впечатлений и – что особенно важно – личные суждения Герцена и Огарева, слышанные от них за годы совместной жизни. Этот источник до сих пор оставался малоизученным. Публикуемый свод извлечений из писем Натальи Алексеевны прямо соответствует теме настоящего тома – “Герцен и Огарев в кругу родных и друзей”. В обзор включены и мемуарные записи Натальи Алексеевны – преимущественно написанные специально для Некрасовой (повидимому, они никогда не встречались).

Благоговейное отношение московской корреспондентки к великим спутникам Натальи Алексеевны, неиссякающий интерес к их деятельности и душевной жизни умиляли и радовали старую женщину, не избалованную вниманием и дружеской симпатией и доживавшую свой век в безотрадной пензенской глуши.

“Хотя я не знаю вас лично, но знаю несколько по вашим статьям...” – писала Тучкова-Огарева Некрасовой 4 июня 1892 г., в начале знакомства³. “Ваши письма оживляют меня, я живу вашими письмами”⁴... “Ваши (письма) я храню, как святыню (...) Я очень люблю к вам писать – это просто разговор задушевный”⁵.

Подобного рода признаниями полны ее письма, особенно в первые годы знакомства.

Отношения установившиеся между обеими женщинами, несмотря на значительную разницу в возрасте (Некрасова была моложе Тучковой-Огаревой на восемнадцать лет), вскоре приобрели исключительную сердечность. Корреспонденток роднило не только преклонение перед памятью Герцена и Огарева, но и общность демократических убеждений⁶. “Вы все говорите, что мои письма хороши, – это не то, это просто сочувствие, отзвук большого сердца на вашу боль”⁷... “Если вы могли назвать радостью знакомство со мной, то мне как же выразиться, когда встречаю хоть в печати сочувствие к добровольным изгнанникам, так радостно-больно, так что любишь того, кто напоминает о них”⁸... Благодарю вас за то, что заставляете страдать, переживать вновь”⁹... “Да, вы мне дороги, бесконечно дороги, потому что вы заняты *ими*, постоянно ими, вы любите их, хотя и не знали их; вы хотите, чтоб их любили и помнили, – а как их скоро забыли. Я всегда готова с радостью отвечать на все ваши вопросы”¹⁰... “Во всех моих поступках и делах мысль о них меня никогда не оставляет, – я живу, дышу по их указанию и радуюсь, когда думаю, что они бы радовались”¹¹... “Вы мне так симпатичны любовью к ним”¹²... “Я не дивлюсь нашей близости с вами; согретые одним лучом солнца, мы должны понимать друг друга, – я дивлюсь, что так долго не знала, что вы есть”¹³... “Я люблю, когда вы меня спрашиваете о них, я всегда об них думаю, но зачем же благодарить – это так естественно”¹⁴... “Почему не позволяю печатать их сочинения? Как скоро их забыли все – напоминайте, это святое дело”¹⁵... “Вы жалеете, что мы не в одном городе, вы и так мне много облегчаете жизнь, кому же бы я высказала то, что накапливает на сердце, – и как бы *они* ценили, если б могли знать все, что вы делаете для меня, – так много, что я даже забываю благодарить”¹⁶...

«Читая ваше последнее письмо, я еще лучше поняла, какое родство между нами: как вы

^{126*} Письма Некрасовой к Тучковой-Огаревой до нас не дошли. Пока известно лишь одно из них – от 6 мая 1903 г., на личные темы².

стремились читать “Колокол” и пр., так мы с сестрой, особенно я, чувствовали необыкновенную симпатию к Декабристам – все, что до них касалось, было святыней для меня. Девочкой я мечтала о поездке в Сибирь с моим отцом, чтоб видеть наяву этих декабристов, о которых отец вспоминал со слезами на глазах. Одно из главных достоинств Огарева в моих глазах была его любовь к декабристам»¹⁷... “Геройство и преданность были моим идеалом с детства. Кроме того, что было в моей натуре, громадное влияние имели на меня рассказы отца моего о декабристах, о их мучениях, беззлобности и терпении. Вдобавок, мне приходилось иногда видеть некоторых из них – и это был праздник, торжество для меня”¹⁸... “Декабристы были те путеводные звезды, которые указывали путь Герцену и Огареву сквозь непроглядную тьму, – я их чту с детства, это мои святые”¹⁹... “Сама я, не зная о существовании Герцена, страстно относилась к декабристам, а врагов их страстно не любила”²⁰...

Как-то Некрасова прислала Наталье Алексеевне портрет Герцена 1836 г. работы А.Л. Витберга (литографию). Отклик был самый восторженный: “Как вы разыскиали такую прелесть? но ваш подарок мне бесценен, я узнала Герцена молодым, вот какой он был, когда Н(аташа) его полюбила, – какой взгляд и какая нежность в чертах, несмотря на прическу, которая странна для нас, как прическа декабристов”²¹...

Искренность и эмоциональность – характернейшие черты переписки Натальи Алексеевны с неожиданно обретенным другом. О себе самой, о своих былых ошибках и прегрешениях она судит теперь почти беспристрастно и если порой и делает в своих признаниях тот или иной крен от объективности, то почти всегда в сторону самоосуждения. “И разве все можно оправдать в моей жизни? – замечает она. – Я сама ее порицаю”²²... “Я много вынесла, слишком много, но разве не я сама виновата во всем? Разве несчастья дают права на симпатии? они скорей возбуждают жалость, а жалость не есть облегчение”²³... “Такая своеобразная жизнь, как моя, научила меня быть не слишком строгой к другим...”²⁴

Некоторых наиболее острых аспектов своих взаимоотношений с Герценом и Огаревым Наталья Алексеевна в письмах Некрасовой, впрочем, не касалась или касалась лишь мимоходом. Особенно болезненных струн она старалась не задевать. Не рассказывала она, например, как мучила Герцена постоянными угрозами навсегда увезти от него страстно любимую им дочь Лизу; как ревновала его к Огареву и пыталась их рассорить; как создавала и почти непрерывно поддерживала вокруг них обоих атмосферу нервозности и тревоги; как проявляла порой по отношению к детям Герцена от первого брака худшие свойства злой мачехи... Этими воспоминаниями Наталья Алексеевна делиться со своей подругой не решалась: восторженная поклонница великих друзей-изгнанников, Некрасова могла не понять... отшатнуться...

По словам Тучковой-Огаревой, Герцен особенно ценил в ней отсутствие ненавистного ему “буржуазного порока” – корыстолюбия. “Деньги, деньги, темная сила”, – нередко говорил он. “Если б вы меня знали, – писала Наталья Алексеевна, – то и не удивлялись бы, что из всех денег, которые прошли через мои руки, всего меньше было употреблено на меня, мои потребности относятся только к нотам, книгам и журналам – остальное мне равнодушно”²⁵... “Я думаю, что даже враги мои не упрекнут меня в любви к деньгам. Герцен, шутя, называл меня “Наталья Бессребренная” – и удивлялся, как я мало трачу и никогда не пишу о деньгах...”²⁶...

Эта черта сильно импонировала и ее первому мужу: “Огареву нравилось во мне совершенное пренебрежение к деньгам, самоотвержение. Я помню, что раз в Петербурге меня испугал вид его друга Алекс(андра) Соколова, которого мучил долг, – я боялась, что с ним случится удар, и просила Огарева дать ему денег на уплату, а мы остались без денег; тогда он смотрел на меня так светло, так, как будто я была та светлая личность, которую он искал на земле, но это все были только минуты”²⁷.

Принципиальность “бессребничества” Натальи Алексеевны особенно красноречиво проявилась после смерти Герцена и позднее, когда погибла их дочь Лиза и решался вопрос о распределении и перераспределении среди членов семьи наследства, оставленного основоположником рода Герценов:

«Несмотря на просьбы Саши, я ничего не взяла... При дележе хотели положить часть на мое имя, но я не согласилась (...) Говорили: “Если ваша дочь выйдет замуж за человека, который не будет к вам хорош, вы останетесь без средств”. – “Это будет такое несчастье, – отвечала я, – которое не облегчится деньгами”, и не согласилась»²⁸... “Я ничего не хотела взять от детей Герцена. Моя приятельница, графиня Саффи, хотела, чтоб я взяла пожизненную пенсию для раздачи бедным, но я не согласилась: почему же им (самим) не раздавать бедным? А что чужое раздавать?»²⁹... Дети Г(ерцена) предлагали мне дать пожизненное владение частью моей дочери, но я ничего не взяла”³⁰... «Когда позже они хотели мне дать щедрую милостыню, я написала: “La famille Herzen n’a pas de devoirs envers moi”...»^{127*} И там, за

^{127*} “Семья Герценов не имеет обязательств в отношении меня” (франц.)

границей, и здесь, в России, не деньги делали меня несчастной. Не сумела я сладить с жизнью или с собой³¹...»

Отвечая на расспросы о первой жене Огарева Марье Львовне, Тучкова-Огарева критически оценивает и себя – вторую его жену: “Можно сказать, что обе женщины, избранные Огаревым, не оправдали его ожиданий. Первая (...) была тщеславная провинциальная барышня, которая желала и надеялась блеснуть в обществе, пользуясь его родственными связями и большими средствами. Вторая, на шестнадцать лет его моложе, восторженно смотрела на поэта, почитателя декабристов, на друга Герцена, который ставил его выше себя, но и в ней не хватило настойчивости, чтоб принести ему последние жертвы, и в 1857 году они разошлись. Обе не могли надолго подняться до его высокой, любящей, поэтической натуры, исключительно строгой для себя и снисходительной для всех без исключения...”³²

Статьи и публикации Некрасовой о Герцене и Огареве Наталья Алексеевна встречала с обостренным интересом.

«Вы меня бесконечно обрадовали присылкой брошюрки “Юн(ошеские) лит(ературные) труды Герцена”³³. Как чтение это воскресило его образ в моей душе, да и она является, как живая. Как мало она жила! Одна эта мысль так тяжела и как все наши жизни были бы лучше при ней – я в этом уверена...”³⁴

Она – это первая жена Герцена Наталья Александровна, в прошлом связанная с Тучковой-Огаревой недолговременной, но экзальтированной дружбой (см. выше публикацию писем к ней юной Тучковой). Во всех своих письмах к Некрасовой Наталья Алексеевна отзывается о своей покойной подруге (которую пережила на целых 62 года!) с неослабевающим восхищением. “Вы мне оживили вашей присылкой, Наташин образ ярче воскрес во мне. Она была особенная, и поэтому я ее страстно любила, и она не могла любить наполовину (...) Я вам пришлю ее карточку с Ольгой на руках³⁵ – но тяжело глядеть на нее, выражение ее лица удручающее – исполнено бесконечной скорби...”³⁶

В продолжение нескольких лет (1888–1891) Некрасова печатала в “Русской мысли” двустороннюю переписку Герцена с его невестой (завершению этих публикаций позднее воспрепятствовал А.А. Герцен). Это “невыводимый”, полностью сохранившийся эпистолярный роман, словно прожектором, высветил блистательную личность молодого Герцена, воссоздал его умоностроения 1830-х годов, творческие порывы, возвышенную и пылкую любовь. Публикация явилась и апофеозом юной невесты Герцена Натальи Александровны, его романтической “девы” – незаурядной, богато одаренной, страстной и впечатлительной натуры. Восторженными откликами на эту переписку, о которой Тучкова-Огарева при жизни Герцена, по ее словам, ничего не знала, полны ее письма:

«Начну с того, что благодарю вас много, много за “Переписку”... – Как могут люди пренебрегать ей, когда хотя бы узнать характеры столь дорогих личностей! Это какое-то тупоумие»³⁷... «Тысячу раз благодарю за переписку, жду с нетерпением продолжения – когда она кончится, я дам ее переплести... Я оставлю Оле³⁸ письмо, в котором скажу, что, если когда-нибудь она полюбит человека, пусть прочтет “переписку” – “эту современную поэму”, до которой люди вообще не достигают»³⁹... “Это бы должна быть настольная книга для молодежи, для очищения ее перед вступлением в новую жизнь”⁴⁰. ... “Зачем она мне не читала этих писем – она становится все поэтичнее, и я ее, отсутствующую, люблю больше”⁴¹... “Как я их узнаю в их письмах: она – все та же поэтическая натура, не понятая окружающими, а он, как он верен себе, – тогда и до гроба, самое дорогое в его жизни – мысль об Ог(ареве) и об ней... Я так перенеслась в ту эпоху, так сроднилась с их жизнью, мечтами, что на меня напала страшная Sehnsucht^{128*}, такая тоска по ним – ведь я никогда не видела их такими молодыми, и так живо себе представила их, что видела Наташу во сне. Как их жизнь была хороша, особенно ее”⁴²... “Получила и прочла переписку с таким же восторгом и жду с нетерпением продолжения. Тысячу, тысячу раз благодарю вас”⁴³... “Вы правы, что я более всех обрадуюсь переписке Наташи с А(лександром). Я тогда переносусь в светлое время для них и для меня”⁴⁴... “Ах, зачем их нет, их никто не может заменить; так пусто без них – когда читаешь их переписку, следишь за событиями их жизни, они⁴⁵ совсем оживают для меня, и мне еще тяжелее их отсутствие, вечное отсутствие. Какое страшное слово (...) Не знаю, как вас благодарить за присланную переписку – и не знаю, сколько раз я ее перечитала, – или, лучше, не знаю, сколько дней я ее постоянно читаю – постоянно с ними... Если б они перечитали свои письма, никогда бы с ними не было тех мучений, через которые оба они прошли. Нужны ли были эти последние испытания для того, чтоб они узнали друг друга? Это слишком дорого обошлось – ценой жизни”⁴⁶... «Опять пришла тетрадка “переписки” (...) Как за нее благодарить? Благодаря вам я ча-

128* тоска (нем.).

сто с ними, их Consuela^{129*} внимает их любви, — иногда я опять с начала читаю все тетрадки, и тогда я долго, долго с ними — и мне хорошо»⁴⁷... «Одно мне приятно, больше — дорого, что нынче многие поняли из *переписки*, какая особенно поэтическая натура была Н(аташа), а прежде я одна понимала. Тургенев возле стоял, и не понял — очень странно»⁴⁸... «Мне всегда было непонятно, почему такой художник имел такую сильную антипатию к поэтической Н.А. Герцену) — это удивительно, но это факт. Я спрашивала его после ее кончины — все тот же взгляд остался у него. «Я читал, — говорил он, — в каждой черте ее лица, что все в ней обдуманно»⁴⁹... «Тургенев не любил ее и после смерти говорил, что все ее слова ему казались заранее обдуманными, не находил искренности, естественности ни в чем. Мне кажется, он думал под влиянием московского кружка. Нат(алья) Алекс(андровна), видя его нерасположение к ней, постоянно дразнила его и ухудшала их отношения. Герц(ен) ничего не замечал...»⁵⁰ Подчеркнутое внимание, которое Тургенев некогда уделял ей самой, Тучкова-Огарева объясняет так: «В 48 году он меня превозносил до небес, потому что знал очень поверхностно»⁵¹...

«А мне хотелось бы еще поговорить с вами о переписке: последний оттиск особенно захватывает душу. Как странно, что многие не понимают значения этой переписки, это поэма, и действительно, изящная любовь — а что есть в нашей жизни, если не любовь? Это двигатель всего человеческого, это любовь к отечеству, это любовь к науке, к искусству, к даровитому существу — все любовь, — и в терпенье выносить жизнь — опять любовь... и все и везде любовь — а устают читать переписку, а мне она многое объяснила»⁵²... «Я читаю *переписку* в «Новом слове», и признаюсь, всегда перечитываю по несколько раз и отдаю в библиотеку журнал с такой болью, как будто расстаюсь с ними опять. Какая жалость, что нельзя приобрести этих оттисков в «Новом слове» — ваши я храню, как святыню. Зачем Саша так наивно неделикатен, отнял у вас работу, у меня — клад, наслаждение перед смертью?»⁵³... «Как же это *переписка* остановилась, оборвалась? это очень неделикатно со стороны Саши, — но в детях (Герцена) много неделикатного — я это не раз испытала. Говорят, будто Павленкову еще не разрешено печатать все, что писал Герцен, — атмосфера стала душнее»⁵⁴... «Не могу не порадоваться вашей конечной задаче — написать его, Герцена, биографию — это будет большое дело, по-моему, очень хорошее дело, пусть их знают и любят — за то, что они так любили истину, родину, мир весь... И последние годы чувствовали, что забыты, — перенести это было нелегко, особенно Герцену»⁵⁵.

«Вспоминаешь живо о всех мучительных утратах моих, а эти несчастья — суть моей жизни, — пишет Наталья Алексеевна в 1892 г., — а там далее мелькают изредка светлые, радостные воспоминания, но и они были всегда отравлены сознанием своей вины, которая была не обман, но сознание нанесенного удара близкому, дорогому существу, а поправить все это было невозможно, вот почему наше сближение было грубоко трагическое, и выхода не было...»⁵⁶

Январь 1895 г. — двадцатипятилетие со дня кончины Герцена. «Вы правы. 25 лет прошло, как его не стало! я это соображаю только на несколько мгновений... и опять время исчезает, теряет для меня свое значение»⁵⁷... «Кого хочу назвать, всё нет уже на свете, одна я стою, как памятник былого»⁵⁸... «У меня только осталось: жалость к людям и страх пережить близких. Есть у меня и сознание, что люди могли бы быть не так несчастны, но они не знают — многое перед смертью становится понятно — будем же работать, служить человечеству там, куда нас забросила судьба. Вы, конечно, можете сделать больше, чем я, но и от малого не надо отказываться(...) Я не боюсь смерти — там все самое близкое — подвергнуться той же участи, как и они, это счастье, это не смерть...»⁵⁹

Предсмертная болезнь и скоропостижная кончина Герцена — черный рубез в жизни Натальи Алексеевны. К этой мучительной теме она возвращается неоднократно.

«Болезнь продолжалась только четыре или пять дней. Я ходила за ним, и приходилось хоть сколько-нибудь следить за Татой, которая еще не выздоровела (...) Я была нравственно замучена, стараясь скрыть от Герц(ена) то страшное впечатление, которое производила на меня его болезнь... я и дочь свою почти не видала в эти дни!»⁶⁰... «Я была, как убитая, до его кончины, — он видел это, несмотря на мое старание скрыть, и только улыбался, и, когда мог, шутил. О, какие страшные дни и ночи я провела у его постели»⁶¹... «Герцен, умирая, говорил: «Поедем в Россию», и, казалось, он ничего более не желал...»^{130*} «После кончины Герц(ена)

^{129*} Утешительница (*исп.*).

^{130*} И в другом письме: «Конечно, Герцен никогда не ездил в Р(оссию) и даже не думал об этом кроме (как) в предсмертном бреду. Легенды легко создаются: когда (мои) племянники⁶² учились в Москве, у них была гувернантка очень большого роста, которая очень скоро оставила их, т.е. уехала из деревни. Полиция вообразила, что это была я, — ее везде искали, чтоб арестовать, и племянников требовали в полицию, они были очень испуганы (гимназисты еще), их допрашивали, зачем гувернанта так скоро уехала и пр. и куда. Они не знали, что отвечать. Вообразила, что я приезжала с поручением, а если б он сам? Для дела он никогда не находил нужным ехать в Р(оссию), а для своего личного удовлетворения, конечно, он был бы очень рад, но это было немыслимо...»⁶³

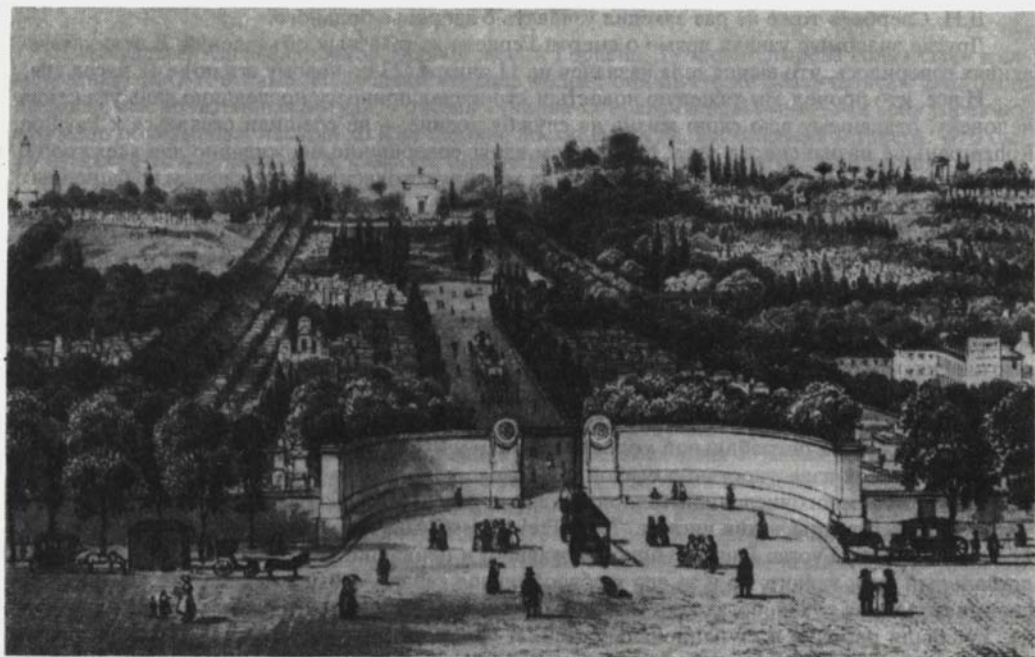
ПАРИЖ. УЛИЦА РИВОЛИ
Гравюра неизвестного художника

Из альбома: 50 vues de Paris et Versailles. Paris, s.a.
Справа – дом, где 20 января 1870 г. умер Герцен

были посланы две телеграммы – во Флоренцию и в Женеву, из Флоренции приехал Саша, из Женевы – Тхоржевский. Все собрались в салоне перед выносом. Саша позвал меня, мы вошли в комнату, где лежал Герцен, но его уже положили в гроб – я прижала свое лицо к его холодному лицу – Саша поднял мою голову, снял с пальца отца серебряное венчалное кольцо и надел на мой палец. Уезжая после похорон, Саша мне дал бумагу, по которой я должна была отправить гроб в Ниццу, где он должен был встретить отца с несколькими друзьями и совершить погребение в Ницце. Конечно, Саша мог бы лучше все это объяснить, чем я, но позволит ли время? Итак, я последняя видела этот гроб, в котором заключалась жизнь многих из нас и особенно моя. Все было новое – неприглядное. Мальвида спешила с Ольгой в Италию, радуясь, что они скоро освободились от парижской жизни... Тата мечтала служить революции под руководством Бакунина и Огарева – я никуда не стремилась: не все ли равно чужое ожидало меня в Париже или Швейцарии? Вырубов советовал остаться в Париже для воспитания дочери, – и я хотела остаться, но Саша стал просить меня со слезами на глазах не оставлять Тату одну в страшном женеvском пекле – я вспомнила, сколько, по словам Герцена, “должна была гладить... и решила следовать за ней в Женеву”⁶⁴ (...) “Я (...) думала о дочери Лизе, которая, как и я, все потеряла с его концом. Дети Герцена, под влиянием Мейз(ен)буг, представляли шаткий оплот, что и оказалось впоследствии”⁶⁵... “Вчера мне принесли ваш рассказ о похоронах. Благодарю, благодарю за него, но, несмотря на всю мою готовность, я не могу ничего прибавить – кроме названных лиц, я не могу вспомнить никого и ничего, да едва ли Тата что-нибудь напишет – ведь внешнее не существовало для нас, мы теряли самое главное жизненное звено. Тата не могла в ту минуту понять все, что она теряла, но все-таки она смотрела мрачно-убито. А дочь моя десяти лет говорила: “Я боюсь, что и ты умрешь, не умирай!” – Гроб не вносили в салон, там собрались все чужие – по-тамошнему не прощались с покойником. Прощались только Саша да я, и то он сказал: “Я жалею, что видел его, это испортило мое прежнее впечатление...”»⁶⁶

Среди газетных вырезок о Герцене в бумагах Некрасовой сохранилась эта ее статья из “Русских ведомостей” от 9 января 1903 г., озаглавленная “Похороны А.И. Герцена (по поводу годовщины смерти)” с многочисленными исправлениями и добавлениями, сделанными ею позднее⁶⁷. Вот наиболее интересные фрагменты:

«11 (23) января 1870 г., часов в 10 утра, к дому Pavillon Rohan, № 172, на улице Риволи, в

ПАРИЖ. КЛАДБИЩЕ ПЕР-ЛАШЕЗ

Автолитография Фишо

Из альбома: A. Pugin. Paris et ses environs. Berlin, s.a.

На кладбище Пер-Лашез был первоначально захоронен прах Герцена

Париже, подъехала и стала у крыльца просто задрапированная, без перьев и пышных украшений траурная колесница, запряженная всего только в две лошади. Провожатых еще не было видно. Родственники и близкие друзья уже все были в салоне, возле гроба, кто у крыльца, кто в квартире покойного.

В парижских газетах еще накануне появилось поразившее всех своею неожиданностью и внезапностью объявление о смерти Александра Герцена⁶⁷. Это известие многих поразило вдвойне, так как не больше месяца прошло с тех пор, как Александр Иванович успел перебраться на жительство в Париж, и потому об его пребывании здесь знали только весьма немногие, самые близкие друзья, и вдруг газеты извещают, что *“Герцен умер!”*, умер в Париже, в Pavillon Roñan! Пришлось добиваться, расспрашивать, узнавать.

Оказалось, что дней семь тому назад после русского Нового года, вечером, числа 17/5 января, Герцен почувствовал недомогание. Не придавая этому серьезного значения, он подумал, не лучше ли будет пройтись, чтобы поразмять члены, и пошел в кафе читать газеты, как это делал каждый день. Но прогулка только утомила его. Он вернулся домой с сильным ознобом и колотьем в боку.

Вскоре у него открылся сильный жар и нестерпимая боль в боку. Тогда Н.А. Огарева, которая была при нем, и старшая его любимица-дочь Тата поняли, что у Герцена воспаление легкого – роковая болезнь для человека, которого уже давно истощал диабет {...} И Герцен сам не раз высказывал уверенность, что он умрет или от паралича или непременно от воспаления легких. Поэтому едва ли возможно приписывать дурной исход болезни тому, что был промах в лечении, какие, казалось, были сделаны знаменитым психиатром Шарко, взявшимся лечить Герцена от воспаления легких, или же отнести его на счет той медлительности, которую проявили окружающие больного в обращении к врачебной помощи: они пригласили доктора только на другой день – 6 января, тогда как воспаление началось с вечера 5 числа. Организм больного был подорван диабетом, потому ему не под силу было справиться с такой серьезной болезнью, как воспаление левого легкого.

О том, что Герцен болен, и болен опасно, в Париже знали очень немногие. Часто навещал больного Вырубов, подолгу оставался при нем, не раз исполняя должность фельдшера. Он все время не переставал настаивать на консилиуме и, наконец, кончил тем, что привез с собой доктора Du Brizet... Но всё уже было поздно и бесполезно.

Д.Н. Свербеев тоже не раз заходил узнавать о здоровье больного.

Другие знакомые узнали прямо о смерти Герцена из газетных объявлений. В этих объявлениях говорилось, что вынос тела назначен на 11 января (23 по новому стилю) в 12 часов дня.

И все, кто прочел эту тяжелую новость и кто желал принести последнюю дань уважения человеку, отдавшему всю свою жизнь на службу родине, — не спешили стекаться к Pavillon Rohan раньше назначенного часа. Между тем вдруг совершенно неожиданно для всех гроб с телом Герцена вынесли на улицу, поставили на траурную колесницу, прежде чем на башенных часах Парижа успело пробить одиннадцать, — и траурная колесница вдруг заколыхалась, двинулась вперед и затем тотчас пустилась быстрой рысью, — совсем неприличной для похоронной процессии. Никто из провожавших, конечно, этого не ожидал. Захваченные врасплох пустились бегом за колесницей, стараясь принудить кучера замедлить шаг. Но кучер был только орудием исполнения воли хозяина процессии, который, в свою очередь, поступал по чужому приказанию... Родные же в это время настолько были погружены в чрезмерное горе, постигшее их, что даже и не заметили всех не собравшихся и всей происшедшей путаницы. А между тем, вследствие такой странной перемены назначенного в газетах часа, многие из желавших проводить Александра Герцена до могилы не успели принять участия в похоронной процессии, и потому за погребальной колесницей знаменитого русского писателя, пользовавшегося европейской известностью и славой, следовала толпа всего только в пятьсот человек, а вслед за этой немногочисленной толпой медленно двигался ряд карет.

«Характер толпы, — как писал в *“Neue Freie Presse”* дня через четыре один из участников процессии, некто Густав Раш, глубоко уважавший и ценивший Герцена не только за его колоссальный ум и талант, но и за его любвеобильное сердце, — был смешанный; блузники со своими детьми на руках, богато одетые дамы, мужчины разных состояний, женщины из народа. Тут были рабочие всех национальностей. И среди этой разношерстной толпы особенно выделялись такие известные демократы, как оба брата Араго — Этьен и Эммануил, Шассен, Мальярдье, Анри Мартен, Ульбах, Мильер».

Из русских, кроме Вырубова, были Свербеев, Ханыков. У всех лиц, составлявших похоронный кортеж, на груди виднелись букетики из красных иммортелей.

В таком виде процессия следовала сперва по улице Риволи в Бастильскую площадь, затем выехала на бульвар принца Евгения⁶⁸ и поднялась на площадь La Roquette, а оттуда вышла на улицу, по обеим сторонам уставленную могильными памятниками и изготовленными из бисера венками, — на длинную улицу, которая ведет прямо к знаменитому парижскому кладбищу Père La Chaise. Похоронный поезд свернул вправо к временному склепу, который должен был приютить смертные останки Герцена до тех пор, пока их не перевезут в Ниццу.

Гроб опустили в могилу. Провожавшие столпились вокруг нее; впереди стояли друзья, родные... Между последних нельзя было не заметить двух молодых девушек, одетых в траур, — они горько плакали. То были две младшие дочери Герцена — Ольга Александровна и десятилетняя Лиза. В той же толпе стоял и сын покойного Александр Александрович (...) и ближайший сотрудник покойного по «Колоколу» Тхоржевский, живший в то же время в Женеве (...)

Речью Вырубова закончилось печальное торжество⁶⁹. Провожатые засыпали красными имморталями гроб и только после этого начали расходиться...

Сын Герцена взял на себя сложные хлопоты по перевозу тела отца в Ниццу, на то кладбище, где уже давно покоилась его жена Наталья Александровна и двое детей (...)

Могила Герцена не стоит на виду, не бросается в глаза, как могила Гамбетты (...) В левой стороне вскоре же обратит (на себя) внимание посетителей высокий, пышный, темный кипарис, а полее, недалеко от него, притянет внимание бронзовая, темносерого цвета статуя Герцена во весь рост, стоящая на высоком мраморном пьедестале с привычным жестом скрещенных на груди рук (...)

Хотя статуя и принадлежит работе русского художника⁷⁰, но ему не удалось вполне хорошо передать черты великого писателя, благородство лица Герцена, его чудный лоб, его фамильный нос с горбинкой, так же, как вся его духовная сила и мощь в выражении лица, много лучше переданы иностранным художником — Sprink'ом, успевшим сделать снимок (*d'après nature*^{131*}, как сказано на сохранившемся экземпляре) с мертвого Герцена⁷¹. От этого портрета не хочется отрывать глаз: какая красота всей головы! какой лоб! сколько силы ума в выражении лица и сколько красоты в этом спокойном отдыхе смерти утомленного, измученного жизнью борца!⁷²

^{131*} с натуры (франц.).

* * *

С Натальей Александровной, первой женой Герцена, Тучкова-Огарева сблизилась в самом конце 1847 г. в Риме. Несколько месяцев подряд они почти не разлучались. “Это была изящная, исключительная натура, – писала Тучкова-Огарева Некрасовой. – А я себя упрекаю, что мало показывала, насколько я ее люблю, восхищаюсь ей, восхищаюсь и теперь. Это было от какой-то застенчивости, дикости, боязни впасть в немецкую сентиментальность...”⁷³.

“Вчера я ехала сюда, – вспоминает она в письме, poslanном из Старого Акшена почти через полвека после итальянских встреч. – Было нестерпимо холодно, передо мной снег, а на небе звезды, я все глядела и думала о вас и о Наташе и между звездами увидела три звездочки, одна возле другой – вот так: * *. Наташа условилась со мной смотреть на наши звездочки и думать друг о друге. В память этого уговора она сделала себе такую печать: из черного серебра фигурка, изображающая Иоанну д'Арк, а сама печать: Везувий, море, три наших звездочки, а кругом надпись: “Que sais-je?”, сомнение, отрицание^{132*} ...”⁷⁵.

И еще один эпизод, относящийся к этому времени:

«Когда мы жили в Риме, в Наташу влюбился Spini (редактор демократической газеты (“Эпока”), но он был благородный человек, она была тронута его ухаживанием, и, когда из Парижа хотела ему отвечать на его письма, я мешала, и она меня слушала; я говорила: “Как бы Алекс(андру) не было неприятно, лучше не пиши”. Я любила их обоих безмерно и потому так говорила, хотя была в жизни очень неопытна...”⁷⁶.

«На днях, – сообщает Наталья Алексеевна, – была в очень мрачном настроении, и вдруг мне попались в “Р(усской) старине” письма Наташи ко мне (перепечатанные “Из дальних лет”)⁷⁷, и я ожила, блеснуло на меня солнце сквозь туч. Боже мой! Как хорошо перелететь хоть на мгновение в дорогое прошлое... Зачем нельзя верить в свидание! как бы мне жилось хорошо, несмотря на все невзгоды!...”⁷⁸.

“Вы меня заставляете краснеть, совсем задарили меня книгами, видами, – пишет она в другом месте, – я уж не знаю, за что сначала благодарить: все прекрасно, и вы узнали мою слабость, от видов поднимается в моей душе рой воспоминаний, к которым причастна и Наташа Г(ерцен). Это все давно было, а для меня как будто недавно”...⁷⁹ “Да, я могла бы многое вспомнить, могла бы передать рассказ Г(ерцена) об этой страшной драме, которая убила ее. Но я не могу мимоходом говорить об этом – я (в другой раз) расскажу вам все...”⁸⁰

Наталья Алексеевна болезненно переживала упорное нежелание детей Герцена опубликовать неизданные главы части пятой “Былого и дум”, в которых Герцен воссоздал свою семейную трагедию начала 1850-х годов. Она нередко повторяла Некрасовой, что Герцен намерен был напечатать эти главы. Действительно, в одном из предисловий к “Былому и думам” мы читаем: “Всего я не могу еще передать читателям, по разным и общим и личным причинам. Не за горами и то время, когда напечататься не только выпущенные страницы и главы, но и целый том, самый дорогой для меня...” (X, 9).

“V том “Б(ылого) и д(ум)” я, конечно, знаю, – отвечает она на вопрос Некрасовой, имея в виду именно “Рассказ о семейной драме”, – Герц(ен) велел мне читать его и Саше и Наташе – Ольге нельзя было, потому что она не понимала по-русски⁸¹”... “Какая жалость, что V том “Былого и дум” никогда не выйдет на свет. Тут Г(ерцен) писал не пером, а душой – но, к несчастью, дети Герцена (направление их мешанское), вероятно, никогда не решатся напечатать его; хотели мне дать копию – и не дали, а мне было не до того”⁸²... «Очень хочется прочесть, почему же теперь нельзя печатать V том “Былого и дум” – не понимаю: говорить вполнину хуже, чем все сказать”⁸³... “Чего же ждет Саша Г(ерцен) (...) неужели все рано? Ее не стало в 52 году, Г(ерцена) – в 1870-м, а теперь 94-й – чего же ждать?”⁸⁴... “Чего ждут дети (...) ведь 34 года прошло со смерти Герцена и 54 (!) со смерти жены”⁸⁵ – чего же ждут мешанские дети? чтоб иссяк интерес к нему? об этой истории давно говорят и называют Гервега – чего же еще им надо? Это только предлог, и писем Н(аташи) нет уже; кто бережет так прошлое? И никто из литераторов, которые бывают у А(лександра) А(лександровича), не решаются сказать ему в глаза, что он дурно делает, играя роль петуха с жемчужиной”⁸⁶... “V том должен быть напечатан – этого не хочет Ольга и ее муж. Меня нечего спрашивать, обо мне едва ли поминается в нем – я была в Р(оссии), когда произошла история с Г(ервегом) и кончина Наташи (...) Я не видала ее с нашего отъезда из Парижа...”⁸⁷.

Отвечая на вопросы своей корреспондентки, сильно заинтригованной противоречивыми подробностями нашумевшей истории, Тучкова-Огарева пишет: “Наталья Александровна (...)”

^{132*} “Ее devise (девиз) был: “Que sais-je?” (“Почем я знаю?” (франц.)). Это неведение, колебание, большое страдание” (из другого письма)⁷⁴. Русский перевод выражения “Que sais-je?” принадлежит Тате Герцен. – ЛЛ.

никогда не уезжала к Гервегу (...) Она звала меня и хотела оставить мне детей и уехать с ним, но это не осуществилось"⁸⁸... "Увлеченная, она хотела поручить мне детей и уехать с Гerv(е-гом), но меня не пустили, потом звала Астракову, и последней не удалось исполнить ее желание. Она откладывала, очевидно, объяснение из страха вызвать, может, кровавую бурю; отчасти из гуманности, отчасти из страха потерять то, что было счастьем для нее"...⁸⁹.

«Когда мы приехали в Лондон, он рассказывал нам о всем бывшем – в продолжении трех ночей, – ему нужно было облегчить себя рассказом об этом ужасном времени, – я помню, как оно сильно повлияло на меня!"⁹⁰... "Герцен говорил про нее: она должна была умереть, она не могла пережить историю с Гервегом, потому что поняла, какое недостойное существо он был, и это ее убило. Да, вам надо все рассказать, и ошибки Г(ерцена) еще в Москве, они были отдаленные причины того, что с нею было потом, – надо вам передать рассказ Г(ерцена) об истории с Гerv(е-гом). Поэтическое создание, редкое между людьми, оно разбилось от прикосновения к грязной действительности, а он, увлеченный всеми сторонами жизни, он забывал о ней, потому что был слишком в ней уверен. После он очнулся и понял, что потерял; понял, что гибель неизбежна – и что он будет только свидетелем страшных событий, которых он не в силах предотвратить. Когда у меня будет время и почувственную потребность говорить о ней, я буду писать прямо на почтовой бумаге для вас. Когдалюбишь, как я ее любила, то хочется, чтоб ее узнали и полюбили так же. – "Ведь ее уж нет?" – скажете вы, – но для меня все покойники живы, а живые люди кажутся покойниками. Я с ними беседую, с ними думаю"⁹¹. «Как их жизнь была хороша, особенно ее... И зачем этот союз был разрушен в продолжении нескольких лет? Она думала, что он ее мало любит, – видела, что он слишком увлечен общими интересами; потом он мало высказывал, что было в сердце; он считал это ненужным – а она хотела видеть, чувствовать, что ее безумно любят, – измена Грановской ее сильно огорчала"⁹²... «Как она его понимала, предсказывала ему, что жизнь его будет особенная, что он призван, избран на подвиг: "Пусть твоя душа будет местом отдохновения для моей души"... Он вглядывался в родную душу, так что его душа отражалась в ней. Ах, зачем их нет, их никто не может заменить, так пусто без них – когда читаешь эту переписку, следишь за событиями их жизни, они совсем оживают для меня, и мне еще тяжелее их отсутствие, *вечное отсутствие*, какое страшное слово..."⁹³.

Упомянув о мимолетном увлечении Герцена горничной, о котором он рассказывает в "Былом и думах" (IX, 95–100) и в дневнике (II, 260–263), Наталья Алексеевна с горечью пишет о Н.А. Герцен:

"Зачем Александр разбил ее сердце, ее внутренний мир? Нанести такой удар ее любви – (это) не могло пройти без страшных последствий; теперь понятнее всё, хотя мне выбор Гервега остается непонятен, потому что он несимпатичен был"⁹⁴... "Если б она осталась верующая, – предполагает Наталья Алексеевна, – она бы простила Алекс(андра), его падение не мучило бы ее годы, и ее собственное увлечение не было бы последствием всего этого..."⁹⁵.

В "Замечательном десятилетии" П.В. Анненков упоминает об "ангельской маске" великолепного, блистательного Лознгрена, "усвоенной" Гервегом и поразившей воображение Н.А. Герцен"⁹⁶. Наталья Алексеевна снимает этот романтический лак и набрасывает, вероятно, гораздо более верный натуре, хотя и недоброжелательный, портрет Гервега 1848 г. – портрет ровесника Н.А. Герцен: "Мы его знали лет 35-ти –немного плешивый, с прямыми и редкими волосами, с длинным, тонким носом, с большими черными, блестящими глазами... что-то в чертах еврейское... Мне он очень не нравился. У него ничего не было открытого, благородного в чертах (...) Все рассказы Герцена о нем были ужасны"^{133*}⁹⁸... "Я удивляюсь, как он мог понравиться такой особенной женщине, как Н(аталья) А(лександровна). Но у нее много накопело на душе; разочарованная в прямоте, в истинном чувстве Александра, ей хотелось полюбить кого-нибудь, потому ей и показалось, что она любит Гервега, – а это была только ошибка, непонятное увлечение..."⁹⁹.

"Я любила их обоих – и если б я была с ними, я спасла бы ее от Гервега. Ваша знакомая ошибается; ревности у меня никогда не было к памяти такой дорогой личности – это нелепо – если я была несчастна, то совсем по другим причинам... Я любила слушать, когда он говорил о ней. Я неверующая, но человек любит мечтать, надеяться... иногда я мечтаю и воображаю, как хорошо бы было, если б они могли быть вместе – продолжать небесную любовь, – и мне тогда отрадно думать, что они не страдают друг о друге, а я ... я при ней опять буду ее Consuela, его сестра..."¹⁰⁰

^{133*} "Gergev (!) тогда в 1848 г. немного ухаживал за моей сестрой (Еленой), – сообщает Наталья Алексеевна, – и подарил ей свои стихотвор(ения) с своим портретом – постараюсь его найти у Н.Н. С(атиной). Он представлен молодым..."⁹⁷.

Причины “рокового увлечения” Н.А. Герцен П.В. Анненков объясняет в “Замечательном десятилетии” так: “Она была счастлива в муже, в семье, в друзьях – и страдала отсутствием поэзии (...) Она предпочла бы поэтические беды, глубокие несчастья, окруженные симпатией и удивлением посторонних, и минутные упоения – тому простому безмятежному благополучию, которым наслаждалась. Задачей ее жизни сделалось, таким образом, обретение романтизма в том виде, как он существовал в ее фантазии; за ним она и погналась со страстию и неутомимостью искателя волшебных кладов...”¹⁰¹.

Именно эти строки, сообщенные ей Некрасовой, вероятно, и имела в виду Тучкова-Огарева, когда писала своей корреспондентке: «Я никогда не читала, что писал о ней Анненков. Это, конечно, пошлый вздор. Когда я (в 1847 г.) встретилась с Натали, она жаждала любви; вспомните, она говорила о своем возрождении в Италии; конечно, тому способствовало разочарование в А(лександрe); потом она находила, что он неспособен на такую страстную привязанность, о какой ей мечталось; он слишком был поглощен общими интересами. Говоря о нем, она говорила: “У него отшибленный уголок”. Гервег с семьей жил в одном доме с семьей Герцена. Я бы этого не сказала, когда бы не знала от Герцена. Из ее писем я видела, что она сближалась более и более с Гервегом – но до объяснения с мужем она не говорила прямо об этом в письмах. Гервег понял, в каком болезненном душевном настроении она была, воспользовался этим и увлек ее. Только после объяснения Н(аташа) поняла, как она была любима А(лександром) и какой удар она нанесла ему; вот почему ее раскаяние было такое глубоко прочувствованное, и Герцен находил, что она в его глазах выше стоит, чем до падения своего”¹⁰²... “Насчет ваших вопросов о жизни Н(аташи) я должна отвечать откровенно, что Герц(ен) считал за ее страшную вину обман, продолжавшийся два года. А(лександр) И(ванович) предпочел бы, чтоб она оставила дом и ушла бы к Герв(егу), но этого не было, тем более, что Герв(ег) жил тоже с женой и с двумя детьми”¹³⁴.¹⁰³ «Когда мне случалось спорить с Ал(ександром), защищая Наташу, он говорил: “Нет, она ужасно виновата, но ее раскаяние и страдания ставят ее для меня выше всех женщин”. Я ее защищала тем, что обман этот сделан необдуманно, она, может, желала давно во всем признаться, но боялась разлуки с детьми, не имела на это силы, откладывала из гуманности. Все происходило у Герцена на глазах; он был слишком уверен, что ничего нет, и потому ничего не замечал – никто не осмелился открыть ему глаза – однако он начал перед объяснением замечать насмешливые улыбки окружающих, неодобрительные взгляды на Наташу и пр. Но и после объяснения Наташа долго еще жила под влиянием Герв(ега). Тогда Герцен предлагал уехать с Сашей в Америку, а девочек оставить с матерью. Герцен говорил, что запрещение докторов было оставлено Нат(ашей)”¹⁰⁵. Жаль, что много писем ее ко мне было взято у меня А(лександром) А(лександровичем), когда я не была в состоянии думать. Там было одно письмо, где она говорит: “Я была в когтях злого демона”¹⁰⁶, – нам с О(гаревым) было очень странно получить это письмо, так как мы вовсе не знали, что происходило у них... Почему же вы думаете, что А(лександр) хотел убить Н(атали), разве он не признавал ее свободы? он хотел ее убить потому, что был глубоко оскорблен обманом, длившимся так долго. Герв(ег) сделал на умирающую донос, в котором говорил, что она просила у него прощения в рождении Ольги, – Герц(ен) спросил ее, она отрицала это, но это объяснение ускорило ее кончину. Через некоторое время после объяснения, когда Герв(ег) уехал и Герцены остались одни, было действительно примирение, и, чтоб его глубже запечатлеть в их сердцах, Герц(ен) сказал, что ему хочется побыть с ней вдвоем, вдали от дома и от всех тяжелых воспоминаний; он поехал вперед, потом она приехала к нему в Турин, это он и называет ее возвращением, т.е. нравственным возвращением к нему домой”¹⁰⁷... «Я не видела ее с нашего отъезда из Парижа... Она звала, чтоб поручить мне детей, но в это время невозможно было получить паппорта. Она была сильно огорчена этой невозможностью и стала звать Астракову, и той не удалось исполнить Наташино желание. Видно было, что она не винила меня более, потому что карандашом ежедневно писала ко мне – после ее кончины нашли это письмо под ее подушкой – она думала обо мне, беседовала со мной, пока рука могла держать карандаш”¹⁰⁸... «По боли, которую я чувствую, вспоминая все ее страдания, мне кажется, что это было недавно, – а тому 40 лет: чувства не изнашиваются, они только тупеют – а если б они сохранили всю силу и свежесть, никто бы не перенес – но тут много зависит от физических сил: слабый организм не выдерживает испытаний – и наоборот, а кто может решить, кто более страдал?! (...) Нам она написала в 51 году очень странное письмо, в котором говорит: “Я была во власти злого демона, я вернулась к своему близнецу; когда ему будет хорошо, тогда и я отдохну – теперь я узнала его, его любовь”. Это письмо и

¹³⁴ О жене Гервега Эмме Тучкова-Огарева замечает: “М-ме Гервег была истинная немка, вовсе не интересная...”¹⁰⁴

другое, с припиской Гервега по-русски, Александр Александрович (Герцен) имел неделикатность взять самовольно в моих вещах, в то время когда я была почти помешана и меня спасали от самоубийства...»¹⁰⁹.

“Бедная Наташа, как она умела любить, как никому не дано. И зачем Герц(ен) очнулся и понял, что потерял, когда было поздно, – восклицает Наталья Алексеевна. – Иногда Герцен говорил, что я должна бы писать о ней, потому что я ее так страстно любила, и понимала, и защищала ее, даже в ее роковом сближении с Гerv(егом), но, к несчастью, я не поэт и не писательница, не умею выразить то, что хочу, все мне кажется вяло, слабо, недостойно”¹¹⁰... “На обман Н(аташи) я смотрю иначе, чем Г(ерцен). Думаю, что она была увлечена этим дурным человеком и молчала по его желанию и из чувства пощады, гуманности... надо все-таки (иметь) жесткую натуру, чтоб нанести такой удар человеку, который еще любит, свыкся с этим чувством, точно у него все отнимают”¹¹¹... “Я рада, что карточка Наташи вам так симпатична, я должна сказать, что никогда не видала ее такою. Портрет был очень похож в 47 и 48 году – а эта карточка сделана в 51 году, во взгляде сознание своей виновности, тихое отчаяние и смирение перед судьбой – вот что я читаю в выражении ее лица, и потому мне очень больно смотреть на эту карточку”^{135*112}... “Как мало она жила! Одна эта мысль как тяжела, и как все наши жизни были бы лучше при ней – я в этом уверена...”¹¹⁴.

О работе над главами “Былого и дум”, посвященными семейной драме, Тучкова-Огарева сообщает: “Вы правы, что с Герц(еном) не было никаких тетрадок, ничего, кроме переписки; я входила к нему иногда – часто, когда он писал, и часто он читал мне написанное – а иногда читал вечером вместе с Огаревым. Он брал у меня письма Наташи ко мне и придавал им большое значение – и возвратил все...”¹¹⁵.

“Я перечитала вашу большую статью о Герц(ене) и его жене¹¹⁶ – она мне очень понравилась, и я вас крепко целую за нее (...) Жаль только, что в вашей статье вкратце ошибки (...) Роды (последние) не были неудачны, напротив, она не заметила, как родила, но она была уже умирающая от острого воспаления в легких – плеврины. Герц(ен) рассказывал, что приготовил даже кормилицу, надеясь, что ребенок будет жить, но он умер на третий день”¹¹⁷, и его положили с матерью, он был очень похож на Герцена^{136**118}... “Мы приехали в Лон(дон) 3 года после кончины Нат(алии)”¹²¹. У Герц(ена) были две картины постоянно перед глазами: она мертвая с ребенком – вся в цветах; другая картина – похороны ее с факелами¹²²... А вы думали, что я была при ее кончине – вы, верно, читали “Жизнь за жизнь”, эту отвратительную карикатуру¹²³...”. И много лет спустя, в 1902 г. Наталья Алексеевна с тем же чувством отвращения возвращается к этому “роману”. “Мне попала 1-я часть “Жизнь за жизнь”... Не могу верить, чтоб автор хотел представить Герц(ена) и Огар(ева). Это какие-то пошлые личности, да и та, которая должна изображать Н(аташу), очень пустая особа, не говорю уже о других... Не ошиблись ли, думая, что это писано о них?...”¹²⁴.

“Присланный мною портрет Наташи был сделан в 48(-м) году для меня неизвестным художником-итальянцем, – сообщает Тучкова-Огарева. – Более Наташиних портретов нет, исключая сделанного после кончины. Она лежит с младенцем, осыпанная цветами. Он родился за 3 дня до ее кончины. Ее лицо выражает смирение, покорность перед неизбежным и глубокое страдание. Да, я могла бы многое вспомнить, могла бы передать рассказ Г(ерцена) об этой страшной драме, которая убила ее, – но я не могу мимоходом говорить об этом – я расскажу вам все...”¹²⁵.

Для своей подруги Тучкова-Огарева в 1894 г. написала следующий “мемуар”, озаглавленный “Воспоминания о жизни Н.А. Герцен” (он сохранился в архивном фонде Некрасовой)¹²⁶:

“Я люблю говорить о ней, о ее поэтической натуре, о ее краткой жизни, хотя и больно вспоминать все, что она вынесла, особенно в последний год жизни.

Первые годы ее жизни прошли очень счастливо, она росла в Петербурге у красавицы-матери¹²⁷, отец ее ужасно любил, но вдруг отец умирает, мать отправляют в деревню; когда Захарьина проезжала с дочерью через Москву, княгиня Хованская узнала об этом и послала сказать матери, что она желает взять дочь брата к себе на воспитанье. Тогда Наташе было семь

^{135*} В статье “Смерть Н.А. Герцен” Некрасова писала: “Наталья Александровна Огарева не раз подтверждает в своих письмах ко мне, что Герцен и после смерти жены не перестал любить свою жену” и делает к этому месту следующее примечание: “Н.А.Огарева с таким интересом и любовью относится ко всему, что касается покойных Герценов, что всегда с готовностью отвечает на все вопросы, которыми приходится довольно часто ее беспокоить”¹¹³.

^{136*} “В 3-м томе “Из (альних) л(ет)” много ошибок, – отмечает Тучкова-Огарева в другом письме. – Например, у Наташи глаза были темно-серые, а не голубые, – это совсем иное...”¹¹⁹. Любопытно, однако, что в своих печатных “Воспоминаниях” она сама указала, что у Натальи Александровны были синие глаза”¹²⁰.

лет. Она была слабенькая, худенькая и нервная девочка. Ей было грустно, тяжело расти одной у княгини в доме, наполненном разных старух-приживалок, которые зорко следили за каждым ее словом, за каждым движением. Никто ее не ласкал, не улыбался ей. Она стала робкая и недоверчивая к себе... Когда ей приказывали выйти в гостиную, она шла с замиранием сердца, приседала перед гостями и становилась за кресло. Княгиня, к которой не раз при ней обращались с вопросом: "Что это за ребенок?" – отвечала вполголоса, на ухо: "Это незаконная дочь моего несчастного брата". Тогда слышались порицания покойного, сожаления о несчастной девочке... Не понимая значения всех слов, сказанных княгиней и ее собеседниками, чутким сердцем девочка догадывалась, что эти сожаления о ней и порицания отца обидны, тяжело ложились на ее детскую душу. Она краснела и опускала глаза, не раз наворачивались слезы на ее темно-серые глаза, но она старалась, чтоб не заметили ее смущения – при первой возможности уходила из гостиной и горько плакала, когда оставалась одна. Она была любящая, а ей некого было любить... В ее комнате спала одна из приживалок – летом, когда этот неизменный часовой засыпал, Наташа через окно выходила в сад и припадала к земле, обливая ее горячими слезами и говоря: "У меня никого нет, мне некого любить, будь ты, земля, мне родной матерью – я буду тебя от всей души любить". "Прильну к земле крепко и целую ее и заливаю слезами", – говорила мне сама Наташа.

Это было в первых годах ее жизни у княгини, потом она сблизилась с С. Клиентовой, с Емилией (Аксберг), и ей стало сноснее. Она очень восхищалась своим двоюродным братом А(лександром) Г(ерценом), его необыкновенным умом, но тогда они имели разные взгляды – она была очень религиозна, строга, а он иначе понимал жизнь и смеялся немного над ее пуританизмом. В это время какой-то офицер¹²⁸ сватал Наташу и она соглашалась идти за него, но арест брата все изменяет, она вдруг понимает, какая любовь таилась в ее сердце к брату, и едет с Луизой Ивановной в Крутицкие казармы для свиданья с ним. Эту минуту можно назвать их тайной помолвкой, хотя ничего не высказано, но им обоим понятно их предназначение. Когда княгиня узнала о любви Н(аташи) к А(лександру), она пришла в неопишываемый гнев. Стала прискивать нового жениха и скоро нашла какого-то чиновника¹²⁹... Она позвала Наташу для объяснения. Наташа с непонятной твердостью отвечала отказом, тогда княгиня велела ей не выходить из своей комнаты, пока не согласится, а сама через несколько дней обратила семейный совет, перед которым жаловалась на неблагодарность и упрямство своей воспитанницы. Толковали целые часы и решили позвать узицу и расспросить ее о ее намерениях. Н(аташа) предстала перед семейным советом, ей изложили жалобы княгини, ее желание, чтоб Наташа вышла за прискиванного ею жениха, и требовали от нее ответа. Н(аташа) сказала с твердостью, что пойдет только за А(лександра) или ни за кого. Княгиня пришла в ужас от ее неблагодарности, полились упреки, жалобы – Н(аташа) стояла бледная, измученная и молча выслушивала все обвинения. Наконец, Лев Алексеевич Яковлев (сенатор) сжалился над ней и просил, чтоб ее отпустили в свою комнату и чтоб арест был снят; остальные молчали, боясь оскорбить княгиню, показывая участие к неблагодарной сироте покойного брата.

Вы знаете, как переведенный из Вятки во Владимир Герцен тайно приезжал для свиданья с Наташей и как они так безмерно обрадовались друг другу, что ни о чем не говорили и не делали никаких планов, как потом А(лекса́ндр) приехал за ней, увез ее с помощью Т.А. Астрарковой и Кетчера. Отец Г(ерцена) долго сердился на сына за его брак, долго он их стеснял, не давая достаточно денег для самой скромной жизни. Проживали во Владимире той поэтической жизнью, о которой ей не хотелось говорить даже лучшему другу, так она боялась ее профанировать; они поехали в Петербург. Отсюда Герцен писал к отцу и между прочим рассказывал об убийствах, в которых участвовали сами охранители, будочники¹³⁰ – весь город говорил об этом, но письмо было вскрыто, и Г(ерцена) потребовали к Дубельту. "К отцу пишут только о здоровье, неужели вы этого не знали?" – сказал нравоучительно Дубельт; потом Г(ерцена) послали в Новгород...

Наташа, разумеется, делила его участь. От испуга, и страха, новых неприятностей она до времени родила ребенка¹³¹, у которого головные кости не срослись; через год, кажется, уже в Москве, родился опять такой же ребенок¹³²; в живых был только один старший сын – прошел еще год, и родился мальчик с необыкновенно красивыми и тонкими чертами; в честь Огарева его называли Николаем. Ему было около осьми месяцев, когда заметили, что он не слышит. Несмотря на всевозможные консультации и совещания докторов, ребенок рос глухонемым, к великому огорчению родителей, в особенности матери¹³³.

Тут случилось с Г(ерценом) какое-то увлечение к (!) красивой горничной¹³⁴. Г(ерцен) ничего не сказал жене, но, стыдясь своего поступка, он держал себя вдали от этой женщины. Последняя была очень оскорблена, что так скоро оставлена. Когда наступил Великий пост, она стала говеть; собираясь к исповеди, она, как водится, пришла просить прощение у всех и у своей госпожи, она упала в ноги к Н(аташе) и, обливаясь слезами, просила прощение за связь

с ее мужем. Н(аташа) остолбенела, побледнела, поцеловала горничную, простила ее и ласково отпустила в церковь, но с этой минуты в ней сделался переворот: “ей казалось, что не он один, но что и она пала, — они, как Адам и Ева, изгнаны навсегда из рая! В отсутствие А(лександра) она постоянно предавалась полнейшему отчаянию: все дорогое, милое прошлое казалось ей потерянным безвозвратно. А(лександр) уже сам заговорил о своей вине, чистосердечно просил прощения, она не сердилась, но не могла с этим примириться, в ее глазах А(лександр) стал другим, и она стала другая, новая для себя самой. Она плакала ночью, когда была уверена, что никто ее не видит; возвращаясь поздно домой, А(лександр) находил под ее подушкой платок, весь смоченный слезами. А(лександр) начинал терять терпение, он негодовал на нее, почему она не может простить и забыть — провести черту, но она не могла этого сделать.

Оправившись, наконец, от этого потрясения, она стала жить в себе, жить для детей, насколько ей позволяло слабое здоровье. После этого удара у нее было еще двое детей: Наташа (Тата) и маленькая Лиза. Последняя умерла до году воспалением в мозгу перед их отъездом за границу¹³⁵. Во время пребывания Г(ерцена) и его семьи в Москве, они уезжали всегда летом на дачу, в Соколово или другое место, тогда весь кружок собирался в том же месте, а кто не мог оставить Москву, приезжал по праздникам, но разлад в кружке чувствовался и там: не было прежних доверия любви, было что-то натянутое, все боялись серьезных разговоров, и действительно, они никогда не окончивались без неприятностей. Чувствовалось, что надо расстаться хоть на время, чтоб глубже всмотреться в себя и в причины разъединения кружка.

Наша семья бывала ежегодно в Москве для свиданья с дедушкой и с тетей Мар(ьей) Ал(ексеевной). С 42 году я помню, что видала всегда у отца много членов кружка, между прочими Герцена. Помню, что последний приезжал к отцу читать свои статьи и ненапечатанные главы из “Кто виноват?”, помню Кетчера, Кавелина, впоследствии Сатина, Грановского. Моему отцу очень нравилась Нат(алья) Алекс(андровна) Герцен, он познакомил нас с ней, она нас звала, просила навещать, но сама редко выезжала, потому что была очень слаба. Опасаясь за ее грудь, доктора говорили, что ей не следовало бы иметь более детей. У нее было уже шесть человек, а только трое живых. Доктора не задумались произнести над ними свой приговор: “развод”¹³⁶. Оба легко подчинились этому требованию; она — потому что не простила ему, он — потому что чувствовал себя еще свободнее. В таком отношении друг к другу мы находим их в 1848 году. Тогда я не могла понять, на что она намекает, когда она говорила мне наедине: “С Колиного рожденья мне все стало равнодушно. Я живу только для детей, но хотелось бы пожить и для себя, да нельзя:

Аль у Сокола крылья связаны,
Аль пути ему все заказаны?..¹³⁷ —

говорила она и писала в своих письмах...

(В 1847 г.) Герцен с семьей уезжает за границу (...) Проходит год, и мы начинаем собираться за границу на целый год и проводим почти весь год с семьей Герцена. Дамы его семьи, т.е. Луиза Ивановна Гаг, добрая и бесхарактерная мать Герцена, Марья Каспаровна Эрн (впоследствии г-жа Рейхель) и Марья Федоровна Корш не любили Наташу, а Герцена очень любили; мне кажется, тогда они ей завидовали, за глаза смеялись над ней, считали ее за гордую, самонадеянную и зря счастливую. Я думаю, что это было отчасти под влиянием Елизаветы Богдановны Грановской, которая была сначала так дружна с Н(аташей), а потом внезапно изменилась к ней. Эти дамы сторонились меня как личности, преданной Н(аташе). Луиза Ивановна, добрая, но недалая, подражала им, Н(аташа) все видела, поверяла мне свои замечания, но не обращала внимание А(лександра) на эти недружелюбные отношения. Дамы любили ее детей (потому что это были его дети), а Наташа была слишком слаба, чтоб ухаживать за всеми, и потому относилась ко всем трем очень хорошо. Но вскоре все изменилось: мы возвратились в Россию, а с нами и Марья Федоровна Корш. Едва мы оставили Париж, как в нем появилась холера; первая жена (А.) Рейхеля умерла почти при Герцене¹³⁸, а через год Марья Каспаровна вышла за Рейхеля. Герцен оставляет невозможный в политическом отношении Париж — он все переезжает и не может избрать себе удобного места, семья его живет в Швейцарии с Наташей, старшим сыном и Татой. Луиза Ивановна поселяется с Колей в Цюрихе, где он посещает училище глухонемых и научается говорить по движениям губ. Старший учитель при этом заведении так привязывается к Коле, что для него оставляет заведение и становится его гувернером¹³⁹.

Гервег как изгнанник, гонимый и во Франции, живет у Герцена и почти с ним не разлучается. Он любит беседовать и с Наташей, понимает ее поэтическую натуру и мало-помалу разрушает отношение Н(аташи) к мужу; для этой цели он не стесняется клеветать на него. Н(аташа) ему верит. Ее незанятая душа, схоронившая первую любовь и просящая нового чувст-

ва, покоряется ему. Он торжествует – признается даже Герцену, что влюблен в его жену, успокаивает его тем, что он его друг и потому Герцен может ему верить, положиться на него – и Герцен верит, – а Н(аташа) молчит. Они переезжают в Ниццу, тогда принадлежавшую еще Италии. Туда собирается отборный кружок изгнанников всех стран Европы, между ними Карл Фогт, еще не женатый тогда; Тесье дю Моте с поразительной красавицей, на которой впоследствии женился, Хоецкий; Энгельсон, странный и очень образованный русский, с женой и Гервег с женой. В это время Наташа думает уехать куда-то с Гервегом, она не перестает звать меня, чтоб поручить детей, но история ареста Огарева, Сатина и отца моего надела много шума, пачпорта не дают не только нам, но даже самым надежным и действительно больным. Отец мой более не предводитель дворянства, его заменили кандидатом, но он просил Перовского, чтоб его судили, если он сделал что-нибудь незаконное, на это не последовало никакого ответа.

В 1850 г.^{137*} у Наташи родится дочь Ольга (m-me Monod). Понемногу в голову Герцена закрадываются какие-то странные сомнения – ему тяжело – он начинает чувствовать, что он один, да где же все, что он любил в жизни, чему он верил? – Огарев и Наташа. Огарев далеко – писать опасно, и письма почти не доходят – а Наташа? и тут он задумывался... Разные мелочи обратили его внимание, подтвердили его мучительные догадки. Наташа приглашает живописца, он делает художественную акварель: дети, Саша, Тата и Коля, играющие в саду¹⁴⁰. Герцен очень доволен картиной и вниманием Наташи, он воображает, что акварель для него, – но вот акварель окончена, где же она? – он спрашивает. Н(аташа) отвечает, что она заказывала ее для Гервега. Не помню, какая случайность обратила еще раз его внимание, осветила ему истину, как в темную ночь молния ярко освещает на мгновение дорогу. Он почувствовал, что чаша полна. Когда все разошлись спать, он остался один в гостиной, долго он просидел неподвижно у открытого окна, думал, мучительно переживая последние годы: “Неужели? – вырвалось у него. – Нет, нельзя оставаться в такой неизвестности”, – думал он, отворил дверь в комнату Наташи и позвал ее. Она еще не ложилась: на его зов она обернулась к нему с печальным выражением на лице. Может, она предчувствовала, для чего он ее зовет. Когда она вошла, Герцен ее усадил в кресло у окна и сам сел возле нее. “Наташа, – сказал он, стараясь говорить тихо, – что же это? Мне мучительно тяжело – да неужели это правда? Говори, говори”.

Н(аташа) отвечала полным признанием. Герцен вскопился в ужасе. “Я хотел ее тотчас убить, – говорил нам Гер(цен) в Лондоне, – но она упала передо мной на колени и молила меня: “Александр, оставь мне жизнь для детей, я буду слугой в доме, мне более ничего не нужно”¹⁴¹.

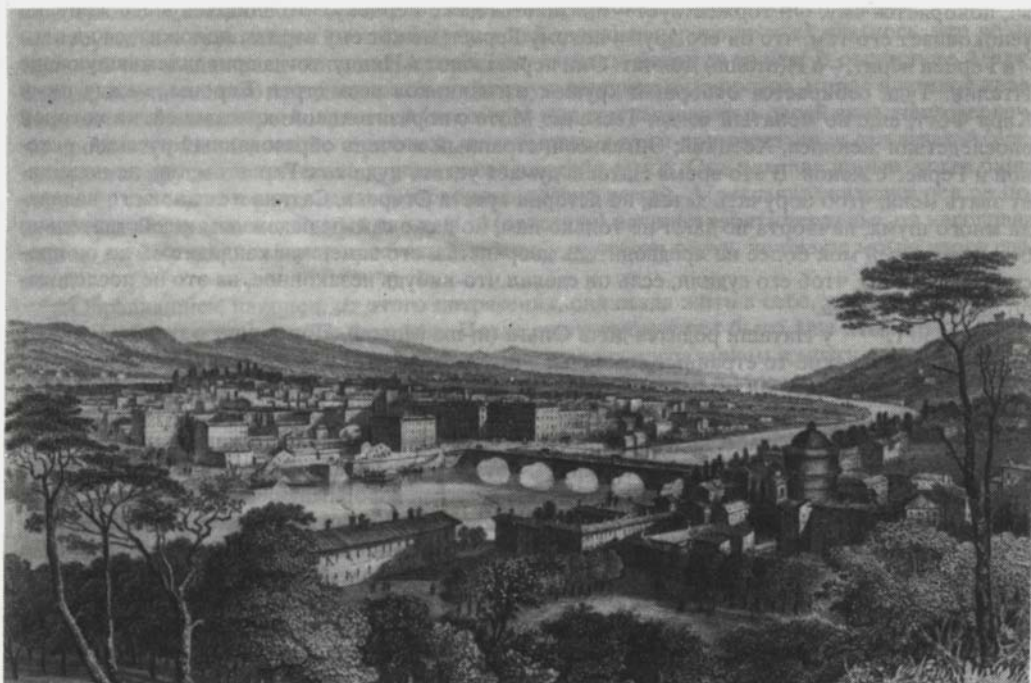
Сначала Г(ерцен) говорил, что уедет с сыном в Америку, а она останется с девочками. Он требовал, чтоб Гервег тотчас уехал, хотел с ним драться, но Н(аташа) остановила его: “Ты должен жить для детей, – говорила она, – я долго не проживу”. Когда Гервег догадался, что было объяснение между Г(ерценом) и Наташей, он написал Н(аташе) записку, говоря, что хочет покончить с жизнью и застрелиться. Долго Герцен уговаривал Н(аташу) написать, что она согласна, ей было страшно дать свое согласие; наконец, она решилась и написала, что для него этот исход самый лучший; тогда Г(ервег) отвечал: “Твоя записка пришла слишком поздно, я раздумал...”

Гервег переехал из дома Герцена, но жил все-таки в Ницце; он говорил, что не может уехать, потому что много должен в магазинах, Герцен вызвался все заплатить – их горничная взяла деньги и пошла расплачиваться – потом принесла Герцену расписки из магазинов и сказала: “М-ме Эмма (Гервег) приказала взять еще кусок полотна, шерстяной материи и кусок бархата, но я не взяла – ведь вы платите за то, что было прежде взято, зачем же еще набирать?...”

Гервег постоянно тревожил Н(аташу) доносами на нее Герцену, клеветами...

Для полного объяснения и примирения Герцен звал Н(аташу) в Турин. Сначала он уехал, потом она приехала одна. Это свидание и сближение было как бы более сознательным союзом, чем их брак, – говорил Герцен. Хотя она отдалась всей душой прежнему чувству, но она не могла перенести сознания, что Гервег такой низкий человек и что она могла все позабыть для него. Это убило ее; к тому же тогда стряслась катастрофа, в которой погиб Коля. Вот как это случилось. Луиза Ивановна Гаг жила в Ницце отдельно с Колей, его учителем Шпильманом, племянницей и горничной. Вдруг их вызывает в Париж Марья Каспаровна Рейхель, которая должна была родить в первый раз. Луиза Ивановна поехала всем домом в Париж. Герцен рассказывает это в своих записках. На возвратном пути они сели на пароход в Марселе –

^{137*} В автографе ошибочно: 1851. – Л.Л.

ТУРИН

Гравюра неизвестного художника, 1850-е годы

Из книги: Edmond Roche. *L'Italie de nos jours*. Paris, 1860

недалеко уже от Ниццы, пьяный капитан наехал ночью на их пароход и разрезал его пополам... Англичанин, бывший тоже между пассажирами, описал это страшное происшествие: он был поражен любовью Шпильмана к Коле и принял его за отца ребенка, Шпильман держал в руке канат и кричал горничной подать ребенка, а ребенок 9 (-ти) лет спал внизу, пока они суетились, и Луиза Ивановна кричала: "Спасите ребенка", было уже поздно. Шпильман (надо заметить, очень хороший пловец) все еще держал канат. Англичанин сказал ему: "Что же вы, спасайтесь". Шпильман передал ему канат, говоря: "Без ребенка мне не надо каната". И все пошли ко дну, но по странной случайности, уцелели племянница¹⁴² и горничная¹⁴³, которые вовсе не умели плавать. Горничная содержала в Ницце ресторан с мужем (Scoffier) и с сыном. Она не раз повторяла нам этот ужасный рассказ.

Я забыла сказать, что после объяснения Герцена с Н(аташей) к нему явилась Эмма Гервег: "Отпустите их, – говорила она, – они так любят друг друга, а я, – говорила она, рыдая, – останусь с вами, буду стараться вас утешить"¹⁴⁴. Герцен говорил, что в ответ на это предложение он долго, нервно хохотал ей в глаза. "С тех пор, – говорил он, – я не терплю женских слез..." После неожиданной кончины Коли Наташа совсем слегла. "Боюсь встать, – писала она мне. – Увижу море, эту открытую могилу"¹⁴⁵. В это время маленькая Оля захворала. Наташа, уже больная, вставала к ней ночью и тем ухудшила свою болезнь. У нее сделалось очень серьезное воспаление в боку. За три дня перед кончиной у нее родился сын Владимир, который жил только день: по портрету, где она лежит с ребенком, обложенная вся цветами, ребенок очень похож на Герцена.

Несмотря на страшное происшествие в семье Н(аташи), доносы и клеветы на нее не прекращались до самой кончины этой мученицы. Перед смертью она позвала мужа и сказала: "Пожертвуй мщеньем для детей, живи для них. Обещай мне, обещай!"¹⁴⁶. Он обещал. Я негодовала на Герцена за то, что он спрашивал ее по поводу доносов и клевет, но Герц(ен) мне отвечал: "Мне нельзя было не спрашивать, я остался бы в сомнении". Когда все было окончено и друзья приняли на себя все хлопоты похорон и пр., Герцену принесли записку от Гервега: "Протяните мне руку, как я вам даю свою, на полное примирение, теперь, когда судьба решила участь той, которая нас сделала врагами..." Герцен ничего не отвечал – ему гадко было. Он бы хотел его убить, но он помнил обещание, данное умирающей. Мацини и его дру-

зья обещали судить и наказать Гервега своим революционным судом, но ничего не сделали...¹⁴⁷

“В своей записке о Наташе, — писала позднее Наталья Алексеевна Некрасовой, — я пропустила очень важную вещь: умирая, она просила Гер(цена), чтоб дети ее *всё* знали, — если скрыть историю с Гервегом, то они не будут знать ее всю, не будут знать ее раскаяния, а дети стыдятся этой истории — вообще они попали в буржуазный круг и тем охладили к себе многих друзей Герцена (...) Следовало бы напечатать V том “Б(ылого) и д(ум)”. Это только было мнение одного Герцена, что я должна о ней писать, — он думал, что моя страстная привязанность к ней воодушевит меня, — но я не могла решиться, а теперь поздно и ненужно...”¹⁴⁸

Среди бумаг Некрасовой сохранилась рукописная копия с письма Т.П. Пассек к Наталье Алексеевне — по-видимому, от января 1886 г. с рассказом о взаимоотношениях Герцена и Н.А. Герцен (Захарьиной), его невесты, а затем жены, которых Пассек знала с раннего детства. Привожу здесь наиболее интересный с биографической точки зрения фрагмент. Копия снята самой Некрасовой. Начало не сохранилось:

“К Наташе у него, я это знаю, до ареста Ага никакого не было чувства, да и редко видались. Людмила стала ревновать его к товарищам — пошли слезы, разлад. Вдруг показалось ему на Девичьем (!) поле, что он друг Наташе, а ей — что она ему, между тем как Наташа была влюблена в это время в юного гусара и ждала предложенья. Он предложил, она согласилась, шили приданое, все шло, как и везде, да вдруг показалось, что Алекс(андр) симпатичен, переписка расширила, и пошло дальше и дальше. А в Вятке у Алекс(андра) воображаемая любовь к Медведевой — и настрадался же он с нею. Что он в ней любил, не понимаю. Ну, женились они с Наташей, оба люди хорошие, чистые, уверенные во взаимной страсти, им было все ново, все хорошо, ничто между ними не стояло. А Наташа, понятно, увлечена была вся новостью жизни и чувств, а тут и ребенка Бог послал. Так и жили во Владимире, пока ничто не протеснилось между ними: ни наука, ни друзья. Переехали в Москву, в Петербург. Наташе ново и круг друзей и их умные беседы, и еще дети, и Огарев с женой. Мало-помалу Наташа почувствовала, что все это протесняется между ею и Алекс(андром); ей стало недоставать, казаться одинокою; она по степени своего научного развития не могла глубоко сочувствовать этим интересам, — к этому же несчастные роды, дети родившиеся умирали. Альфонский (доктор) посоветовал им воздержаться от сближенья, так и сделали. Ну и шло; Наташа одна в спальне, Саша в своем кабинете наверху. Избалован с колыбели, все ему спускалось, добрый, простодушный и не привыкший себя сдерживать, — увлекся физически горничной Дашкой, (как ее звали все). Дашка повадилась ходить к нему наверх — и, когда он настаивал, чтоб она больше не путешествовала к нему, она со зла открыла всё Наташе, и пошли убийственные сцены; что жизни в них ушло, не смотря на то, что ни Алекс(андр), ни Наташа страстно друг друга почти никогда не любили. Понятно, при чистоте взгляда и любви, хотя и не страстной, Наташу этот поступок Саши и огорчал и оскорблял. Поездка за границу, разъединение, хотя едва видимое, с кругом друзей, — все это как(-то) глушило болезненность чувств. У Алекс(андра) были дни истинного мученья. Но вот они уехали; чего бы лучше, все новое: и Париж, и Рим, и Бакунин, и Прудон, и поляки, и Наполеон. Первое время, видно, и удовлетворяло. Алекс(андр) долго был еще в вихре перелетов, новых людей, деятельности, надежд, а Наташе было уже довольно. Наташа страстная, она не изжила еще всей надобности страстной, все забывающей привязанности — ей мало было детей и спокойной любви мужа, разделенной между множества иного рода интересов и забот. Все состояние души Наташи видно в ее страстной привязанности к тебе и, наконец, в увлечении к Гервегу. Пускай бы на тебе она остановилась, ты нежная, юная, благородная, ты влияла бы на нее спасительно. Как это она увлеклась Гервегом, что такое было в нем, что превалило в ней и любовь (не страстную) к мужу, к детям, к долгу — ведь не можем отречься безнаказанно от долга, природой выраженного, я не говорю о долге известных, исторических эпох. А бедная Наташа за это несчастное увлечение заплатила жизнью и, должно быть, страстными, одинокими мученьями; с каким страданием она делилась между двумя и как долго. Письма ее к тебе — иные хороши. Лучшее в них — привязанность к тебе, полуребенку, сторонняя. Лучшее в них — привязанность к тебе, полуребенку привязанность нежная. А страсть в этих письмах вся в ее внутреннем состоянии, ее разлад с самой собой. А успокоиться, сообразить и понять, излечить никогда (времени) не было, и погибла, бедная. Из ее писем, Натали, надобно и можно сделать выбор таких, что показывают ее взгляд на тебя (...) Ты, Натали, будь покойна: никто не пострадает через меня, и детям ее обидно не будет...”¹⁴⁹

“Сегодня послала вам копию с письма Т.П. Пассек о Наташе, — сообщала Наталья Алексеевна Некрасовой, — надо вам всех слушать, но мне кажется, что она не понимала Наташу, говорит о ней как о натуре самой обыкновенной — а ведь это совсем не то, — может, многое можно ей упрекать, но все-таки она была совсем особенная — и писала, и говорила, и думала не так, как все другие...”¹⁵⁰

Этому фрагменту (копия рукой Натальи Алексеевны) предшествует следующий текст: “и как надоедало все это ему, а семейная жизнь, где он так (хотел) отдохнуть, рвалась”.

* * *

Об Огареве, своем первом муже, Наталья Алексеевна отзывается в переписке с Некрасовой как о прекраснейшем человеке: она восхваляет его исключительные нравственные достоинства, доброту, гуманность, скромность, незлобивость, подчеркивает, что Герцен “с самого детства и до конца жизни ценил Огарева гораздо более, чем себя”¹⁵¹. “Он был во многом почти совершенство на земле”¹⁵²... “Его лицо вам кажется некрасиво, но оно было в высшей степени привлекательно выражением. Он был строг для себя и снисходителен для других, не знаю примера подобного взгляда. Дети А(лександра) И(вановича) любили Огарева больше отца за его мягкость, гуманность и добродушие. Герцен видел это и радовался любви детей к Огареву...”¹⁵³

Об “Исповеди лишнего человека” Огарева, присланной ей Некрасовой, Наталья Алексеевна отзывается следующим образом: “Как это его напоминает: его ширь взглядов, его неумолимая строгость к себе и жажда знания и мучительное чувство, что он лично ничего не успел сделать. Да, в этом очерке много личного. Бедный Огарев, все дарования его не могли пробиться наружу, и он умер, понятый очень немногими!”¹⁵⁴

Откликаясь на фельетон Н.И. Васильева из “Нового времени” о М.А. Бакунине, Тучкова-Огарева пишет с возмущением: “Как сказать, что Гер(цен) содержал семью Огар(ева) – ведь Огар(ев) работал постоянно, пока “Колокол” выходил, – ведь он ничего не получал за свою работу, а что получалось, хотя и неправильно, из России, – все брал Герцен, но пусть говорят, ведь всегда люди ошибаются в своих суждениях...”¹⁵⁵

“О своем детстве он не рассказывал...” – отмечает Наталья Алексеевна¹⁵⁶... “Здесь нет никаких старожил (!), которые могли бы что-нибудь рассказать о том времени. Даже нигде не видать могил деда и бабушки Огарева; вероятно, они были похоронены под старой церковью, на месте которой теперь часовня. Эта церковь была построена в честь Екат(ерины)-мученицы и до сих пор празднуется 24 ноября (Екат(ерина)-мученица) – день рож(дения) Огарева, а 6 декабря его именины”¹⁵⁷... Мать его после его рождения тотчас умерла. Он родился за два месяца до срока и потому был сначала слабый ребенок. Он лежал в вате – ему делали ванны из рома в продолжении года, а может и более. Кормили с ложки золотой, имевшей форму руки, с мощами внутри”¹⁵⁸... “Относительно ванн из рому – это не была фантазия его бабушки (со стороны отца), но пр(ямо) приказание докторов, которые в то время были невежественны сами”¹⁵⁹... “Месяцев трех он хватал губку и упивался запахом рома (....) Я все забываю в описании прежнего староакшенского дома сказать вам, что там была образная с негасимой лампадой, с киотом, стены все были покрыты образами, и зеркальная, где стены были из зеркала (мелких). Это была уборная матери Огарева”¹⁶⁰... “Отец Огарева был настоящий помещик, добрый и не особенно развитой (штатский генерал) – последние десять лет жизни был в параличе; дед Огарева Богдан Ильич был деятельный, выстроил много каменных флигелей, церковь теплую и холодную; постройки и церковь и теперь целы. Отец Огарева держал домашний оркестр (50 муз(ыкантов)), которые играли ежедневно во время его обеда. Он имел тоже домашних живописцев, и теперь имеется много портретов Огар(ева) – ребенком, молодым человеком и женатым. В именье, где жил Платон Богданович, было 500 человек(ек) дворни, ткали белые шерстяные шали с бордюром. Доход в старом Акшене поглощался дворней...”¹⁶¹.

Говоря о Старом Акшене, Нат. Ал. упоминает “место, где Огар(ев) писал над прудом (с) кривой березой...”¹⁶².

Огарев, по словам Натальи Алексеевны, “был ужасно нелюдим со своими родственниками”¹⁶³... “Он жил в себе – друзья его мало знали, внешним образом; к родным он странно относился, боялся их, удалялся даже от сестры – правда, она была на семь лет старше и между ними ничего не было общего, кроме безграничной доброты”¹⁶⁴... “Анна Платоновна”^{138*} была добрая и очень набожная. Говорят, она вышла за Плаутина по собственному влечению и до конца его жизни любила его. Хотя она правильно не посылала Огареву денег, но привозила несколько раз в Женеву”¹⁶⁵... “Когда Огарев подросток, то обстановка сестры все более и более становилась ему чуждой (....) Плаутин был военный и игрок и промотал состояние жены. Огарев удалялся от этой среды. Ан(на) Платон(овна) Плаутина была прекрасная мать и жена, очень религиозная. Это тоже отдаляло от нее Огарева, который давно уже усвоил себе полную свободу мышления. Однако в последнее время пребывания своего в Швейцарии Ог(арев) сблизился с сестрой, которая несколько раз навещала его, приезжая нарочно из Петер-

^{138*} В автографе ошибочно: Богдановна. – Л.Л.

бурга. Тогда Ог(арев) отдал справедливость ее хорошим качествам”¹⁶⁶... “Французскому языку он научился еще от сестриных гувернант, по-немецки – от Зонненберга. В Москве у него были учителя. По-итальянски и по-английски он выучился позже, руководимый страстным желанием читать Байрона и Шекспира, а по-итальянски – по тем же причинам и по необыкновенной мелодичности языка; он в этом языке усовершенствовался позже в Италии...”¹⁶⁷

“У Огарева, – пишет Наталья Алексеевна, – не было сводных братьев, а были три незаконных брата: один, немного помоложе Огарева, Маршев¹⁶⁸. Огарев подарил ему в Акшене тридцать д(есятин) земли (...) и двухэтажный дом. Этот господин женился на дочери купца Сергеева в Пензе и был очень несимпатичен Огареву. Он купил с Ог(аревым) вместе бумажную фабрику в Сим(бирской) губ(ернии), потом Ог(арев) дал ему 25 т(ысяч), чтоб он отказался от нее, хотя он вошел в товарищество без денег. В 1850 г., по желанию губернатора, он подал донос на Ог(арева) – после Огарев его видел раз и сказал ему: “Как это вы, Ив(ан) Ив(анович), решились на донос? ведь это нехорошо!” – “Извините меня, Ник(олай) Плат(онович), уж очень трудные времена были”. Другие братья, Немвродовы, были много моложе Огарева, он платил за их ученье, но ничего особенного не вышло; один был управляющим впоследствии¹⁶⁹ и отказался от помощи Огарева, который давал им по 2000 рублей ассигнациями в год. Когда мы уезжали в 1856 году с Ог(аревым) за границу, меньший Немвродов служил в магазине Юнкера прикащиком – я помню, что мы видались с ним довольно часто в Петерб(урге). Я заезжала иногда в магазин, чтоб звать его с нами в театр – и, каюсь вам, мне было очень легко, что простой прикащик мне beau-frère^{139*}”¹⁷⁰... “Огар(ев) не мог любить отца – между ними даже были неприятности, и отец хотел ему дать только материно наследство, что не очень пугало Ог(арева), потому что жили только доходами из Белоомута (...) Отец Ог(арева) был недоволен его женитьбой – но вскоре умер. М(арья) Л(ьвовна) не могла понять, как следовало сблизиться с отцом О(гарева) из любви к самому Огареву”¹⁷¹... “Последние 10 лет (Петр Богданович) был в параличе... Огарев был хорошим и послушным сыном, но не имел симпатии к отцу”¹⁷²... “Относительно крестьян и дворовых Ог(арев) ничего не имел себя упрекнуть – он был с ними почти как с равными, и они это глубоко ценили”¹⁷³... “Хотя отец Огарева и был очень добрый, но Ог(арева) возмущал его взгляд на крепостных людей, и это их отдаляло...”¹⁷⁴.

“Между (Н.П. и М.Л.) Огаревыми не было гармонии, и они редко съезжались, а когда съезжались, то только чтоб скрыть перед обществом свой разлад”¹⁷⁵... «В альбоме конца 30-х годов Марии Львовны Огаревой я нашла следующее грустное стихотворение Огарева (написано его рукою):

Расплетайтесь, мои кудерьки,
Расплетайтесь, мои русые!
Вам уж больше не кудривиться,
Вами больше не пленяются.
Было время, что вас чesывали,
Было время, что вас глаживали,
Но теперь уж не глядят на вас,
Теперь некого вам, русые, пленять...

И сердце ее не дрогнуло!.. Да, я правду сказала в “Неделе”, только жаль, что они обрезали мои строки, но надо отчаяние, и мужество, и некоторую гордость, чтоб бросить толпе такие слова... – иные забрызжут грязью, другие с ужасом отвернутся: мне все равно, мне все равно. Мне мои покойники, и правда, дороже непонимающих современников...”¹⁷⁶.

“Наконец-то мне прислали вашу рукопись, – сообщает Тучкова-Огарева. – Есть несколько ошибок. Огарев не пил запоем, а любил тогда пить отчасти потому, что вино возбуждало его и он любил писать, но часто не мог уже ничего делать под влиянием излишнего вина. Он мог пить несколько дней, а иногда только день – в Москве и в Петербурге он пил на приятельских вечерах. Любил в возбужденном состоянии играть на фортепьяно – я никогда не слышала, чтоб он играл на скрибке (!) и на гитаре, но, может, в юности – не знаю... Т.П. Пассек много говорит небывалого, например о переломе ноги; она говорит, что это произошло на охоте – тогда как он очень редко ходил с ружьем до 1850 года, а с тех пор никогда, за границей же не имел и ружья”¹⁷⁷... “Все забывая вам сказать, что у Огарева глаза были не голубые, а серые – это как-то меняет характер всего лица...”¹⁷⁸.

Об Огареве как композиторе Наталья Алексеевна рассказывает своей корреспондентке: «Огарев более всего клал на музыку стихотворения Лермонтова: “Русалка”... “Молитва”...

^{139*} деверь (франц.).

Н.М. САТИН

Фотография, 1850-е годы
Исторический музей, Москва

“Я, мать божия”... “На светские цепи”... Из его стихотворений ничего не было им положено на музыку»¹⁷⁹... “У меня есть несколько его музыкальных сочинений, они мне очень нравятся, но все это в Акшене – всего лучше были его фантазии, которых он никогда не записывал”¹⁸⁰... “Посылаю вам вальсы и мотивы с словами. Друзья Т.П. Пассек не нашли особенного музыкального достоинства в его произведениях, но они не того искали, надо искать *его душу*. Он любил музыку, любил великих музыкальных мыслителей, как Бетховен, Моцарт, Гейден и пр. Он любил фантазировать, потому что музыка могла выразить, что было у него на сердце, но он не считал свое знание за серьезное (...) Теперь вы уж получили ноты и, может, в них разочаровались – мне это будет очень больно, но истина дороже всего – я все-таки буду любить его мотивы, потому что они мне дороги, потому что в них для меня светится его поэтическая душа...”¹⁸¹.

Так называемый “сатинский долг”, т.е. не выплаченная полностью Огареву Н.М. Сатиным (его другом и зятем) крупная сумма за переданное ему имение интерпретируется Натальей Алексеевной следующим образом:

«Огарев обеднял для меня. Жена его не соглашалась на развод. Она имела от него безденежные векселя, которые сумела выпросить у него во время какой-то болезни; векселя эти были в 300 тысяч. Рассердясь на Огарева за его

просьбу о разводе, она грозила подать векселя ко взысканию; опасаясь, что имения будут проданы за ничто для удовлетворения этих векселей, Ог(арев) решил все продать, но в короткий срок он не мог найти денежных покупателей, тогда он решил убедить моего зятя Сатина купить с (Н.Ф.) Павловым почти все имения. Он оставил орловское для удовлетворения Марьи Льв(овны) и казанское. Уезжая в Крым, мы думали уехать совсем за границу к Гер(ценам) на английском корабле, но нам это не удалось. Воротясь, мы прожили в Д(олгорукове) у отца моего. У Огарева была писчебумажная фабрика (Тальская) (...) Когда она сгорела, Огарев решил не возобновлять ее, а уехать к Гер(цену). Прежняя владелица взяла ее за недоплатенные деньги. Орловское имение было взято Авд(отьей) Як(овлевной) Панаевой за векселя по доверенности от М.Л. Огаревой. Впоследствии Сатин и Павлов, купившие вместе, разделились – Чертково было взято Павловым Николаем Филипповичем. Сатин же присылал деньги за границу, но очень неправильно. Скажу одно, что Сатин очень не хотел купить имения Огарева, он говорил: “Меня будут винить, чернить, я этого не вынесу”. Он был очень самолюбивый. Огарев боялся продать Павлову без Сатина»¹⁸²... “Мы узнали от Герцена, что М(арья) Л(ьвовна) не согласна на развод, а потому решили ехать в Крым и оттуда на английский пароходе ехать без пачпорта в Геную, оттуда в Ниццу, куда звала Наташа Герцен”¹⁸³... “В Крыму я заболела серьезно: у меня был острый бронхит, потом ностальгия – тогда Огарев решил ехать к моему отцу в имение (...) Английский капитан, еще когда мы были в Одессе, отказал нас взять без пачпорта – и мы уехали в Крым...”¹⁸⁴

Свое сближение с Огаревым Наталья Алексеевна объясняла особым стечением обстоятельств:

«Когда Герцен уехал за границу. Огарев прожил зиму и лето в деревне – с нами, а иногда один в Акшене – осенью мы уехали за границу, тогда Огарев зимой поехал в Москву – у него была корь, и он чуть не умер, вылечил его Пикулин. Весной он гостил у Сухово-Кобылина,

отца m-me S(alias), в подмосковном и там вспомнил детство и сблизился с дамами, потом уехал в деревню к себе – когда мы вернулись из Парижа, помню, что в Москве Гранов(ский) сказал, смеясь: “Огаревым завладела какая-то граф(иня) Сальяс – она очень напоминает Марию Львовну, охота ему”. Мы поехали в деревню и свиделись с Огар(евым) – вскоре приехала графиня с детьми¹⁸⁵ и гувернантой¹⁸⁶. ... “Огарев знал семейство Сухово-Кобылина с самого детства – разойдясь с перв(ой) женой, он платонически влюбился в среднюю дочь Вас(илия) Сухово-Коб(ылина)¹⁸⁷. Г-жа Сальяс, уже в разводе с мужем, приехала в деревню к Ог(ареву) утешать его, потому что Душа Сух(ово)-Кобыл(ина) вышла за Солового. В сущности, это было лишнее, потому что Огарев не был в отчаянии, ибо очень мало ее знал, но восхищался ее спокойной красотой. Это случилось как раз во время нашего возвращения из чужих краев. Г-жа Сальяс имела с собой двух детей – она часто гостила у нас, с ними и гувернантой, по-видимому была к нам расположена... Я жила под влиянием писем Нат(аши) и Гер(цена), они писали об Огар(еве), желали и как-то предчувствовали нашу симпатию, но все это осталось бы мечтой, если б не было граф(ини) Сальяс, – она была уже лет 33-х, а мне было около 19 лет – от ревности ли, она вдруг сказала Ог(ареву), что она замечает, что меньшая Тучкова влюблена в него, тогда он стал обращать еще более внимания на меня и, желая убедиться, правда ли это, сам влюбился... Тогда ему хотелось, чтоб граф(иня) поскорей уехала, а она не уезжала¹⁸⁸. Много тяжелого вынес Ог(арев) – наконец, она уехала, стала жить в Москве и вошла в большую дружбу с Грановским. Через год она напечатала первую свою повесть: “Племянница” в отишение мне – там она старалась выставить меня в дурном свете¹⁸⁹. Но ведь сама же виновата? зачем обращала внимание Ог(арева) на меня?.. Потом уж она стала более и более писать, забыла прошлое и, надо думать, много улучшила свое образование, потому что прежде она имела только светский лоск и болтала по-французски, а разговор ее был бессодержателен. Она нередко спорила с моим отцом и очень выговаривала Огареву, что он не держит ее сторону. Ог(арев) оправдывался тем, что был одного мнения с отцом, но графиня не понимала этого. “Дружба важнее мнений”, – говорила она, и тут начинался бесконечный спор с Ог(аревым) о значении мнений и о значении дружбы...”¹⁹⁰.

Отвечая на вопросы Некрасовой о взаимоотношениях Герцена с ее однофамильцем, по-этом Н.А.Некрасовым (в связи с выходом в свет ее мемуарного очерка “Иван Сергеевич Тургенев, 1848–1870”), Наталья Алексеевна пишет: “Да, Некрасов приезжал (в Лондон), но Герцен не хотел его видеть, не за именье (Огарева), в котором Некр(асов) не имел никакого участия. М(арья) Л(ьвовна) дала доверенность Панаевой, которая передоверила Шаншиеву, получившему за безденежный вексель орловское имение, – всего удивительнее, что Марья Львовна жила христи-ради в деревне у французских крестьян, где и скончалась, а деньги остались у Панаевой и Шаншиева. Когда М(арья) Л(ьвовна) скончалась, ее бумаги были присланы Огареву, и он понял, что она ужасно нуждалась, – он стал говорить об этом, и это дошло до Некр(асова), тогда мы жили в Петерб(урге), стараясь получить заграничный пачпорт. Помню живо, что я была одна дома, приходит Тург(енев) и говорит: “Мне нужно было видеть Огарева, но так как его дома нет, передайте ему, что Некр(асов) просит его не распространяться так о письмах к М(арье) Л(ьвовне), потому что у него есть письма Огарева, которые он в таком случае представит куда следует.” “Это донос! – вскричала я, – и вы, Тургенев, беретесь за такое порученье! и этот человек – ваш друг”. Тургенев окинул меня ленивым взглядом и сказал: “Да – я его люблю”. Конечно, Герц(ен) узнал все это от нас и никогда не мог простить Некрасову. Талант его Герцен признавал, но не любил его длинноты и повторения. Тургенев старался склонить меня на сторону Некр(асова) и декламировал мне одной стихотвор(ение) Некр(асова) к матери, где так глубоко звучит его раскаяние и страдание¹⁹¹, – и не могу не сознаться, что это сильно подействовало на меня: “Если было такое раскаянье, то он сознавал свои дурные стороны – жалел о многом. Это стихотворенье я никогда не могу читать спокойно”¹⁹²... “Я очень виновата перед вами, заторопилась и забыла ваш вопрос о Некрасове – Герцен навсегда остался при своем мнении о Некрасове: он считал его виноватым совокупно с Авд(отьей) Як(овлевной) Панаевой относительно средств М(арьи) Л(ьвовны) и тоже считал подлостью его угрозы Огареву через И(вана) С(ергеевича) Тургенева и никогда не простил. Мы не знаем, что могло бы последовать при свидании, – Некрасов приехал в Лондон в надежде на это свидание, но Герц(ен) резко отказался его видеть...”¹⁹³

Гражданская жена Огарева англичанка Мери Сетерленд, с которой он сошелся вскоре после сближения Герцена с Тучковой-Огаревой, навсегда осталась объектом неослабевающей ненависти Натальи Алексеевны.

“В Лондоне Огарев жил постоянно в одном доме с Герценым, но он нанимал квартиру для какой-то бедной женщины с маленьким сыном, в которой принимал участие или, просто сказать, к которой привык”¹⁹⁴... “Огарев с ней сблизился (...) несколько времени спустя после нашего объяснения... Я записала его разговор со мной в Каусе, когда он мне признался в том,

что спас женщину из грязной жизни, отыскал ее сына, которого она отдала куда-то, потому что не могла держать при себе... Ог(арев) соединил их и создал из них свою семью, но, к несчастью, Ог(арев) несчастливо попал"¹⁹⁵... "В Англии он жил в доме Герцена и только содержал Мери с сыном и навещал их. Сделали ошибку, переселив Мери на континент. Тут Огарев стал жить с ней и прислуживать не держал – да и чем же было занять Мери, если не стряпней?"¹⁹⁶... "После нашего переезда на континент и кончины моих малюток"¹⁹⁷, я нигде не находила себе места, и мы, т.е. я и Герцен) и моя дочь"¹⁹⁸, все ездили, а Огарев, в сопровождении этой женщины и мальчика поселился в Женеве, куда перевезена была и типография Г(ерцена)"¹⁹⁹... "При жизни Г(ерцена) женщина эта, Мери, держала себя очень скромно – но, когда мы навещали Огарева, она была тут, ей жали руку, с ней мало говорили, а вели беседу по-русски..."²⁰⁰.

После смерти Герцена Тучкова-Огарева, переехавшая в Женеву, время от времени посещала своего бывшего мужа с Татой или Лизой. «Ог(арев) был всегда рад... Он говорил, что, видя нас без Герц(ена), его сердце сжималось: "Вы обе такие сиротливые стали", – говорил он..."²⁰¹. Когда Герцен умер, Мери "сняла маску: она никого более не боялась. Она была женщина пьяная и безалаберная – держала деньги в открытом шкапу, наполняя дом разными лицами, которые ей нравились, и постоянно жаловалась на недостаток денег"^{140*}. Слыша эти жалобы, мы с Наташей хотели наивно взяться уплачивать счета Огарева – но тогда Мери так на нас закричала, что мы спаслись только бегством; после этого я долго не решалась ходить к Огареву"²⁰³... "После кончины Герцена Мери стала смелее, иногда являлась к нам очень нарядная, с Огаревым; ему было неловко, и жаль его было, она же стала требовательна и недовольна нашим приемом. Прежде один пан Тхоржевский был молчаливым свидетелем, как, рассердясь на всех, она била посуду и уничтожала все в хозяйстве Огарева, – но оба они скрывали эти бури от Г(ерцена), а все-таки Г(ерцен) каким-то инстинктом понимал ее и не любил"²⁰⁴... "Эта страшная женщина пила, била Огарева и хотела раз на собрании русских меня и Тату убить. Нечаев нас спас и увел. Раз в Женеве был сход эмигрантов, и мы с Н(аташей) были, Огарев тоже пришел – народу было много – собрание длилось до полночи; вдруг Мери явилась за Ог(аревым), она была пьяна, подошла к нам с Н(аташей) с поднятыми кулаками; к счастью, неизвестные русские увели ее силой, а один из них проводил нас. Как я радовалась, что уговорила дочь остаться дома. Долго я не могла решиться идти в дом Ог(арева), однако он писал, просил прощения за нее. Я пошла"²⁰⁵... «Я никогда не ссорилась с Ог(аревым) и ходила к нему в Женеве с Герц(еном) и после без него, – но после сцены (сделанной Мери) на русском сходе я долго не решалась идти. Ог(арев) мне написал, что Мери просит прощения у меня, и Ог(арев) отвечает, что никогда Мери не будет дерзка"²⁰⁶. Я стала опять ходить к нему изредка с Татой или с дочерью, но я только здоровалась с Мери, говорила с Ог(аревым) по-русски или с его гостями – и только. Да и о чем же с ней говорить? Она любила говорить только о кушаньях, любила объяснять сны и гадать на карты. А между тем Ог(арев) познакомился с ней в 56 (!) г. и не искал иметь на нее влияние – он скрывал ее недостатки, пороки, бешеный нрав и называл ее в письмах "моя кроткая Мери". Пан Тхоржевский не благоволил ко всем англичанкам и полагал, что они все, как Мери, а я думаю наоборот: английский характер очень сдержанный, но Мери не получила ни образования, ни воспитания, она провела жизнь с пьяными, грубыми людьми в ужасных вертепах и не имела исключительной, деликатной натуры. Огарев ее не раздражал и более молчал, глядя своим кротким задумчивым взглядом. Бешенство происходило в кухне"²⁰⁷... «Уезжая из Швейцарии, мы пошли с дочерью проститься с Ог(аревым). Мери вышла с сердитым лицом и сказала: "Ог(арев) не совсем здоров, но я хотела с вами поговорить; если б вы были хорошая женщина, вы бы не приходили болтать с Ог(аревым) по-русски, а старались бы вести знакомство со мной, приходили бы пить чай со мной, и я бы к вам ходила". Я встала. "Позвольте нам только пожать руку Ог(ареву) и проститься с ним, мы уезжаем отсюда". Огарев ходил по своей комнате. Я вышла, простилась с ним. "Зачем, Ог(арев), ты позволяешь так обращаться с нами?" Он что-то сказал о недоразумении – и замаялся... Мы вышли на лестницу. Мери бросила дверь и закричала мне: "Не показывайте никогда к нам ваше старое, некрасивое лицо". Когда мы сели в коляску, я взглянула на мою дочь, крупные слезы текли по ее щекам. Бедная, она много вынесла. Вот мое последнее свиданье с Ог(аревым). А мне кто-то рассказывал, что Мери описывают как добродетельную женщину, которая своим трудом содержала Ог(арева). Она готовила ему кушанье и по-

^{140*} Огарев, – сообщает Наталья Алексеевна, "получал от Герцена, а впоследствии от его детей столько, сколько получает жалованья президент Швейцарской республики, т.е. 500 фр.) в месяц. Из письма Герц(ена) видно, что Огар(ев) платил за квартиру в год 300 ф. Ему легко было жить на эти деньги, а он бедствовал! Вся суть в Мери. Герц(ен) это чувствовал, но молчал..."²⁰².

давала, любила выпить и не умела беречь деньги (...) Ог(арев), конечно, ни во что не входил и боялся ее»²⁰⁸... «Одна Мери была каким-то мещанским пятном в нашей семье»²⁰⁹... «Это далеко не все, что я имею сказать о Мери, и о жизни Ог(арева), и о том, что Герцен в письме говорит, как ему “тяжело бывает всегда у Ог(арева)”, и винит в этой жизни Ог(арева) себя и меня»²¹⁰. В самом деле, почему такая роковая встреча?...»²¹¹

Тучкова-Огарева обвиняет Мери и в том, что своими придирками, бездушием и клеветой она толкнула на самоубийство Шарлотту Гётсон, возлюбленную А.А.Герцена, мать его сына Тутса, которые прожили в 1867 г. несколько дней у Огарева вблизи Женевы. «В Лансу, тоже за городом, был этот страшный случай с молодой англичанкой Charlotte, которая бросилась в Рону, где она соединяется с Арвой (...) Мери уверила Ог(арева), что Шарлотта развращает ее сына Генри, а может быть, она ее немного ревновала. Огарев поверил, сделал замечание Шарлотте – повторил его. Шарлотта полюбила Ог(арева), как отца, и ценила отцовское обращение с ней – но тут она пришла в отчаяние – спросила водки и вечером ушла... Мери видела, как она пошла, и не остановила ее. Шарлотта никогда не пила водки и не знала Женевы – куда она пошла?»²¹²... «Этот случай ужасно поразил обоих друзей гораздо более, чем Сашу»²¹³... «Конечно, Саша, бросив Шарлотту, женщину с сердцем, был первой причиной ее гибели, но, если б ее опять поместили к Чернецким, они бы, может быть, отдалили эту катастрофу»²¹⁴... «Когда несчастная Шарлотта заплатила жизнью за пребывание в продолжении десяти дней в доме Огарева, тогда милый Пан (Тхоржевский) стал говорить с злобой и ненавистью об этой женщине, единственной причине этого самоубийства»²¹⁵... «Одно очень милое (стихотворение Огарева) было писанное на кончину Шарлотты»²¹⁶, но пока не нахожу его. Тогда Огарев был возмущен хладнокровием которое выказал Саша, когда узнал, что нашли тело этой несчастной молодой женщины»²¹⁷... «Вы недавно напечатали в “Русской мысли” из бумаг Огарева, жаль, что Саша не сообщил вам стихотворение Огарева на смерть Шарлотты (...) Это стихотворение было очень хорошо, и оно есть у Саши. Но он далеко не беспристрастный человек, он давно бы напечатал это стихотворение, если б оно задевало кого-нибудь другого»²¹⁸... «Когда будете в Женеве, взгляните на то место, где Рона и Арва сливают свои воды и долго текут рядом, не теряя своих различных колоритов; Арва с гор течет белая, Рона – темно-синяя. Это место – печальное воспоминание, сюда бросилась в минуту глубокого отчаяния молодая англичанка, увлеченная Александром Александровичем и оставленная им. Она жила в доме Огарева, там пьяная Мери ее стала преследовать (...) Бедная Шарлотта ушла вечером и не возвратилась, оставя своего маленького Тутса. Мери, конечно, клеветала, что Шарлотта с кем-то бежала. Но через несколько лет выплыл ее труп, по ключам в кармане, по ботинке Мери сама, спрошенная полицией, признала Шарлотту. Говорят, что в Роне есть такие глубокие каверны»^{141*}, куда прибывает трупы на несколько лет. А бедный Тутс пашет в Америке и не знает, что случилось с его матерью»²¹⁹...

На просьбу Некрасовой прислать для “Комнаты людей 40-х годов” портреты и фотографии Огарева Наталья Алексеевна отвечала: “Для вашей комнаты я хочу вам дать портреты Огарева и его первой жены молодыми, портрет писан молодым художником²²⁰; еще, кажется, есть у Саши Герцена портрет Огарева отроком, он очень хорош. Что бы не дать и теперь? Я, признаюсь, так погружаюсь все глубже в прошлое, что мне действительно трудно расстаться с своими воспоминаниями, но ему? Он совсем другой...”²²¹, а М(арья) Л(ьвовна), как видите, никогда не была хороша собой...”²²².

Об отроческом портрете Огарева: “Герцен ужасно любил этот портрет – он находился у m-me Salias – где он может быть теперь? или у сына Сальяс, или у М. Гурко – как бы это узнать и через кого действовать? Меня они не любят... а их дядя (А.В.) Сухово-Кобылин жив...”²²³

Как отмечает Наталья Алексеевна, Огарев “во всю жизнь” “мало останавливался на себе”. “Поверите ли что трудно было заставить его сделать свою фотографию²²⁴ (...) Без настойчивости Герцена Огарев ни за что не снимал своей карточки (...) Огареву фотографирование было крайне неприятно...”²²⁵

О памятной медали, выпущенной в 1863 г. (с барельефом Герцена) в Лондоне по случаю десятилетия Вольной русской печати Тучкова-Огарева пишет: “Медаль никто не подносил – Герцен сам заказал в Лондоне на память десятилетия. Почему Огарева на ней нет, хотя они равно участвовали, не помню, – вероятно, Ог(арев) не хотел...”²²⁶ (Огарев, надо думать, ссылался на то, что он приступил к работе только через три года после основания типографии.)

“Как хорошо вы придумали праздник в честь Огарева, – пишет Наталья Алексеевна Некрасовой в 1895 г. – от души обнимаю вас за эту мысль, а Герцен, как бы он пожал вашу ру-

^{141*} пещеры (франц. *cavernes*).

ку, как бы взглянул с своей светлой улыбкой, которая привязывала все сердца к нему, – что это была за улыбка! свет, озаряющий каждого”²²⁷ ... “Как же будут чувствовать Огарева без его друга, они были неразлучны; все-таки это хорошо, очень хорошо, и кто бы это думал...”²²⁸

“Говорила ли я вам, что я послала портрет Ог(арева) белоомут(ским) крест(ьянам), – пишет Тучкова-Огарева в письме от 25 января 1902 г. – Поглядела бы, поклонилась бы хоть издали могиле Огарева – но, видно, мне ее не видать...”²²⁹ “Они сделали сход и благодарили меня за подарок бумагой за многими подписями”²³⁰ ... “Вчера я была очень удивлена, получив телеграмму из Рязанской губернии, верхнебелоомутского общества, где они выражают мне свои чувства, – я была очень тронута”²³¹ ... “Сегодня приходится писать вам почти деловое письмо, а я не могу, не расположена; на столе стоят два букета ландышей, это весенний, любимый цветок Огарева, и так мне его напоминают, что мне больно думать, что для него нет ни весны, ни ландышей и что он живет только в моей памяти, он, который думал о счастье вселенной, который постигал труднейшие вопросы науки, и вдруг ему надо довольствоваться таким скромным местом!...”²³²

* * *

О московском дружеском кружке Герцена и Огарева Наталья Алексеевна рассказывала Некрасовой: “Они собирались ежедневно у кого-нибудь из друзей, чтоб свободно потолковать, иногда читать написанное кем-нибудь, ужинали и, разумеется, пили более или менее, но днем они работали все, и я тут ничего не вижу дурного: где же они могли собираться и безопасно говорить, один Огарев злоупотреблял вином, о других нельзя этого сказать (...) Помните, что весь кружок состоял из очень занятых людей: иные были профессорами, другие писателями, издателями газет, один Герцен мог бы ничего не делать, но он был деятелен по своей натуре. Огарев был свободней всех, но он мало бывал в Москве, жил то за границей, то в деревне...”²³³

“Когда Герц(ен) уезжал в 1847 г., – продолжает Тучкова-Огарева, – весь кружок завидовал и клеветал на него и на Наташу²³⁴. Особенно к ней изменилась Е.Б. Грановская, эта перемена ужасно огорчала Наташу, но причина осталась тайной; я думаю, зависть”²³⁵ ... “Неужели вы не знали, что в конце московской жизни Герц(ена), за исключением Астраковых, Грановского и Огарева, все друзья, а главное их жены и сестры, возненавидели Наташу Герц(ен). Это одна из причин, повлиявших на поспешность его отъезда за границу. Каждое слово, сказанное Наташей, перетолковывалось, и ему непременно находили преднамерение – образовался вроде тайного иезуитского комитета, главой которого была М.Ф. Корш. Герцен, который, в сущности, был причиной – своими увлечениями – грусти и болезненности Наташи, в тайном комитете являлся жертвой ужасной женщины! но он этого не знал. Так как Наташа была очень слабая здоровьем, то Герц(ен) пригласил М.Ф. К(орш) (убогую) для Таты, а мать Герц(ена) взяла М.К. Ерн – и так отправились за границу. М(арья) Ф(едоровна) имела дурное влияние на М(арью) К(аспаровну). Она мне изъясляла большую симпатию и сострадание, потому что видела, что я сблизилась с ужасной женщиной. М.Ф. К(орш) была умна, начитанна, любезна, но не вселяла мне доверия – что-то было в ней вкрадчивое, заискивающее и неоткровенное. Мы были почти весь год вместе, а, когда возвращались в Р(оссию), М.Ф. К(орш) уехала с нами. Мне всегда видно было, что Г(ерцен) ее не любил и не удерживал. М(арья) К(аспаровна) тоже не симпатизировала с Наташей, это понятно, она глядела на нее чужими глазами; потом, может быть, влиял на нее грустный и равнодушный вид Наташи ко всему, ведь не знала причины, убившие ее прежнюю жизнь. Наташа очень огорчалась нелюбовью М(арьи) К(аспаровны) и в особенности жены Грановского – с последней они были очень дружны, и вдруг произошло охлаждение, как будто без причин, и так и осталось навсегда: М(арья) К(аспаровна), может быть, вернулась к Наташе в минуту ее кончины, поняв все, что Наташа выстрадала. Спросите ее – увидим, что она вам ответит. Герцен так понимал: женщины кружка ужасно завидовали матерьяльным средствам, доставшимся Герц(ену) и Наташе после кончины его отца, – отсюда мнимое неравенство и обидчивость – почему же Астр(аковы) этого не чувствовали? потому, мне кажется, что были выше зависти, не придавали такой цены деньгам и искренно любили и Наташу и Г(ерцена)”²³⁶ ... “Относительно М.Ф. Корш скажу вам, что она была очень умная, начитанная, но хитрая... Она не была влюблена в Герц(ена), скорей в Грановского, но, вероятно, из зависти очень не любила Н.А. Г(ерцен), а последняя и не замечала этого. М(арья) Федоровна имела огромное влияние на М(арью) К(аспаровну), и часто они обе смеялись потихоньку над Н(атальей) А(лександровной). Когда в бытность нашу в Риме итальянец (журналист) Спини влюбился в Н(аталью) А(лександровну), меня пуга-

1) Рейхель, 2) Ев. Корш 3) Кетчер 4) Герцен - 5) Панаев 6) Анненков 7) Грановский
 Ночная сцена в Соколово, 1845 год.
 К. Горбунов

НОЧНАЯ СЦЕНА В СОКОЛОВЕ

Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). Соколово, 1845

Под изображением подпись художника: "1) Рейхель, 2) Ев. Корш, 3) Кетчер 4) Герцен, 5) Панаев, 6) Анненков, 7) Грановский. Ночная сцена в Соколово в 1845 году К. Горбунов"

Музей Герцена, Москва

"Я сохраняю его (К.А. Горбунова) карикатурный листок, сделанный карандашом и изображающий Г(ерцена), Грановского, Корша, Панаева, мою особу и других в ночной беседе, какие тогда часто бывали на обрыве горы, в садовом павильоне" (П.В. Анненков. Литературные воспоминания)

ло ухаживание Спины за Н(атальей) А(лександровной). Я была так неопытна, что не понимала отношения людские, а М(арья) Ф(едоровна) могла глумиться над ними даже с цинизмом. Вдали от этого зловредного влияния М(арья) К(аспаровна) стала очень, очень хорошим человеком, и я очень жалею, что в трудную эпоху моей жизни не обратилась к ней, но я думала, что она относится ко мне враждебно за мою любовь (непоколебимую) к покойной Н(аташе), однако после я видала (от нее) сочувствие к себе в тяжелых ударах, посланных мне судьбой или приготовленных мной самой, — ненависти я не видала к себе..."²³⁷

"Роль М(арьи) Ф(едоровны) не выяснилась при отъезде Герцена за границу, но, зная дамский персонал кружка, я скажу, что тайно влиять и отделять всех от Н(атальи) А(лександровны), конечно, должна была М(арья) Ф(едоровна). Прежде Н(аталья) А(лександровна) была очень, очень дружна с женой Грановского, и я думаю, что М(арья) Ф(едоровна) их разъединила — вероятно, намекала на то, что Н(аталья) А(лександровна) старается влюбить в себя Гран(овского), чего, конечно, не было, и заняла сама место Н(атальи) А(лександровны) в сердце Е.Б. Грановской, — но это было ведено очень искусно. Мар(ья) Ф(едоровна) была хромя, — когда она вернулась с нами, я постоянно ухаживала за ней, но что-то фальшивое, неистинное чувствовалось — однако тогда я не додумалась, что разъединение дамского кружка с Н(атальей) Ал(ександровной) — ее работа; конечно, были податливые элементы... М(арье) Ф(едоровне) передавалось каждое слово, сказанное Н(атальей) А(лександровной). М(арья) Ф(едоровна) все объясняла в худшем смысле, и вражда закипела, и мужчины примкнули — Кетчер, даже мой зять (Н.М. Сатин), очень любивший Н(аталью) А(лександровну). Грановский стоял на меже... Ог(арев) и Астраковы остались непоколебимы, но в кружке задевали уже и Ог(арева). Их взгляды, т.е. Герцена и Огарева, более всего сходные, сделали, что их смешали, наконец, и Грановский отделился от Огарева и вскоре умер — это было ужасное горе для Огарева — Грановский что-то имел против меня, хотя очень мало знал меня, но в чем-то обвинял еще в России — в эгоизме; Ог(арев) не соглашался..." "Вы удивляетесь, что Н(аталья) А(лександр-

ровна) радовалась согласию М(арья) Ф(едоровны) с ними ехать, но она, бедная знала, что ей физических сил не хватает, чтоб ходить за детьми, и рада была, что М(арья) Ф(едоровна) взялась за Тату, а М(арья) К(аспаровна) – за Колю. Луизу Ивановну тоже настроили против Н(атальи) А(лександровны). М(арья) К(аспаровна) и М(арья) Ф(едоровна) были очень хороши для детей – заменяли Н(аталью) А(лександровну) вполне своей любовью и мягкостью²³⁸... “Вы спрашиваете, как я узнала действительный взгляд М.Ф. Корш на Н(аталью) А(лександровну)? – от моей сестры (Елены), которой не стеснялись, и от самой Н(атальи) А(лександровны), которая очень многое замечала, но выносила все для детей, за которыми силы не позволяли ухаживать – а М.Ф. Корш и М(арья) К(аспаровна) очень умело и любовно ими занимались. Мне кажется, я вам передавала, что раз Н(аталья) А(лександровна) сама видела, как М(арья) К(аспаровна) посылала глухонемого Колю здороваться с родит(елями). Она показывала ему, чтоб он поздоровался с отцом, а с Нат(альей) А(лександровной) не надо: она нехорошая. Ему объясняли тогда всё знаками, ему было четыре года. Н(аталья) А(лександровна), будто ничего не зная, вошла и села возле мужа; Коля вбежал, поцеловал отца и с торжествующим лицом остановился около него. Нат(алья) Ал(ександровна) сделала ему знак, чтоб он подошел и поцеловал ее, но он, улыбаясь, покачал головой; тогда Гер(цен) обратил внимание на их пантомиму – и показал ребенку, что не будет его целовать, если он не поцелует мать; ребенок стоял на своем, и Герцен поставил его в угол. Это прошло без объяснения с М(арьей) К(аспаровной), конечно, она делала все это под влиянием М.Ф. К(орш). Да, мне кажется, и самая нелюбовь Тургенева к Нат(алье) А(лександровне) образовалась тоже под влиянием нелюбви моск(овского) кружка к Нат(алье) А(лександровне). Я знаю, что многие сожалели обо мне, что я сошлась с такой нехорошей особой, а дурного ничего не могли о ней сказать... Один Грановский молчал и, может быть, вопреки всем, любил ее и понимал; жена его была лучшим другом Нат(альи) А(лександровны); вдруг она перешла в молчаливого и негодующего врага. Н(аталье) А(лександровне) эта перемена была очень тяжела... Она пробовала писать к ней (эти письма должны быть очень интересны; они, вероятно, хранятся у сестры Е(лизаветы) Б(огдановны) Гран(овской), Ю(лии) Б(огдановны) Шумахер. Кажется, она еще жива). Но на все призывы Натальи Александровны ответы были холодные, уклончивые и короткие. Слыша об истории Нат(альи) Алекс(андровны) с Гервегом, Е(лизавета) Б(огдановна) выразилась так: “Я многое прощаю этой женщине за ужасные ее страдания”, – так рассказывала мне М.Ф. Корш, повторяя слова Грановской. Но Гранов(ская) никогда не порадовала Нат(алью) А(лександровну) теплой строкой. Ей внушили, вероятно, что Нат(алья) А(лександровна) имела более чем дружбу к Гранов(скому), но это, конечно, вымышлено. Она не могла относиться холодно к тем личностям, которые были ей особенно симпатичны²³⁹... “Ответы Шумахер и Щепкиной возмутительны – никогда Наташа не искала играть роль необыкновенно знающей; ее письма показывают, что она сама не знала даже, насколько она поэтическая натура, она отдалялась, когда видела, что не понята, что ее мерят на мещанский аршин. Герцен ее вполне оценил после примиренья и после похорон – во время их жизни в Москве; если он виноват, то в противоположном, что вы увидите из одного письма Т.А. Астраковой, которая любила Наташу более Алекс(андра)”²⁴⁰... “С моего возвращения в Россию) в 1848 году узнали о моей дружбе с Н.А. Герцен), и в кружке меня приняли холодно, как друга отверженной. Клевета, о которой говорит Огарев {...}, касается денег, будто бы неделикатно предложенных Силиньке (Кетчер) Наташей. Огареву было так больно и возмутительно, клевета относительно того, будто я говорила, что друзья его разорят... Вы, может, не знаете, что Огарев и Грановский разошлись из-за меня. Все друзья, весь кружок ополчился на меня за мою дружбу к Наташе Герцен, Грановский – под влиянием женщин; они все были против меня, кроме М.Ф. Корш и Астраковой, которую вытеснили из кружка за любовь к Наташе”²⁴¹... “Вы знаете, что весь кружок восстал против Наташи Герцен до их отъезда за границу, отчасти это ускорило отъезд Герцен(ов), а когда я сблизилась с Огаревым, то друзья хотели, чтоб мы остались в окрестностях Москвы. Ог(арев) не хотел – мы уехали в Крым, и с тех пор на меня поднялись страшные гонения. И Гранов(ский) тоже был увлечен против меня; тогда Ог(арев) и он перестали видаться, и вдруг едем в Москву, и на последней станции весть о кончине Гранов(ского). Это был жестокий удар для Огарева – весть о кончине Гранов(ского). Но, может, я вам уже рассказывала об этом”²⁴²... “Грановский умер 4 октября 1855 года внезапно, разрывом сердца, мы ехали в Москву с Огаревым, моей сестрой и ее детьми – на последней станции мы получили письмо от Сатина, где он извещает о кончине Гранов(ского). Это был ужасный удар Огареву; я никогда не забуду, как ему было тяжело перенести эту потерю – вероятно, еще потому, что был с ним в размовке”²⁴³... “Я помню этот приезд в Москву, кажется, я вам когда-то писала, что на последней станции было письмо от моего зятя к сестре. “Елена, – писал он коротко, – Грановский умер”. Она вскрикнула и повторила: “Умер”, – тогда страшно вспомнить, что было с Огаревым, он то рыдал, то, желая подавить свои рыдания, кусал себе пальцы до крови, не говорил, не смотрел ни на кого, и так вплоть до Москвы. Там он ежедневно ездил на могилу Грановско-

го и стал сильно пить"²⁴⁴... "Как его оплакивал Огарев!.. мне кажется, только женское сердце способно к такому страданию... Он узнал дорогой о кончине Т(имофея) Н(иколаевича) и рыдал во всю дорогу – в Москве он каждый день ездил на могилу, и непременно один..."²⁴⁵

"Мне очень жаль, что вы не познакомились с Т.А. (Астраковой). Она страстно любила Наташу до конца жизни; в ней она ничего не видела, кроме совершенства, и в ее ошибках находила вину Алекс(андра). Наташа осталась для нее и для меня поэтическим идеалом, исполненным любви и скорби. Жизнь, столкновение с людьми разбили ее"²⁴⁶... "Она хотела распорядиться, чтоб мне выслали ее бумаги – все дорогие ей портреты сгорели в ее квартире... Поцелуйте за меня Мар(ью) Каспаровну. Я благодарна ей за то, что она не судила меня строго, хотя ей бы и можно"²⁴⁷... "Вас удивляет, что М(арья) К(аспаровна) так тепло отнеслась к вашей коллекции"²⁴⁸, но и я и она – мы люди николаевского времени, мы, может быть, глубже чувствуем, потому что обучены молчанию, – мы не похожи друг на друга, она лучше меня, но мы женщины одной эпохи, одного круга – одних понятий. Кланяйтесь ей, скажите ей, что я и ныне играю марш „Scuotti, o Rome, la polvera indegna"²⁴⁹, под звуки которого мы шествовали впереди колонны республиканцев по духовно оживленному и взволнованному Риму – пожалуй, и теперь бы пошла: на людях и смерть красна, но теперь знаю, что из всего этого ничего не вышло..."²⁵⁰... "Вы мне ставите в пример Марью Касп(аровну), но сравните наши жизни: она благоразумно, без страстной любви, вышла за добрейшего, милого Рейхеля – и вся жизнь гладко прошла, почти без несчастий. Ее горе было – смерть Коли (глухонемого), она его ужасно любила, но потом родились свои дети – а о моей жизни нечего и говорить, она была слишком особенная – осложнение было и от Мейз(енбуг), постоянно мешавшей сближению детей со мной, и ужасной Мери, к которой От(арев) привык, которая деспотически им управляла, а в моем мрачном настроении, происходившем от всех этих причин и от того, что я не могла примириться с кончиной маленьких детей... Я не находила места, куда бы приклонить голову. Черствая Мейз(енбуг) и после этого страшного несчастья осталась мне непримиримым врагом"²⁵¹ да и после то же было"²⁵²... "Я никогда не сомневалась, что (М.К.) вам симпатичнее меня. Она натура цельная – ей хорошо было во всю жизнь; ее не мучила жизнь, как меня. Милый и добрый Рейхель отстранил сына от первой жены, потому что М(арья) К(аспаровна) боялась, чтоб его недостатки не передались ее детям: никто ее не осуждал за это; она была всеми любимая и уважаемая. Ну да это что: всякому своя доля; все вынесено, все выстрадано – а то, что утешало, залечивало раны, давно взято безжалостной судьбой. То, что вы говорите о смерти, я давно слышала от Герцена и других, но почему-то не мирится мой дух со смертью. Какие-то смутные надежды поднимаются иногда, ни на чем не основанные. Я слишком много потеряла, но я и не защищаю этот бред души"²⁵³.

"Вы меня очень обрадовали, передав, что М(арья) К(аспаровна) говорит о моих воспоминаниях"²⁵⁴. Ей виднее всех, я думаю, говорю ли я правду, а литературного достоинства, конечно, нет и не может быть, потому что таланта не было..."²⁵⁵.

* * *

Одним из самых болезненных пунктов для Тучковой-Огаревой долго оставался вопрос о ее взаимоотношениях с детьми Герцена от первого брака.

"Возвратясь в Р(оссию), я не желала вести переписки с детьми Герцена, потому что это было мне слишком больно, потому что я считала их виноватыми в страшной кончине моей дочери (Лизы) – кончине, которой заканчивается моя личная жизнь. Мое желанье: пусть зовут меня Огаревой, Герценой, Тучковой, мне все равно – у меня все отняли, и мне лично ничего не нужно. Пусть бранят меня, когда-нибудь правда восторжествует над ложью – я во многом себя сама виню, и вот исповедь моя должна все объяснить – и хоть меня будут винить люди строгие, холодные, не понимающие, что увлечение может быть сильнее рассудка и воли, – а все-таки многие не оправдают, а поймут... Если я желала признать нашу жизнь, то именно для дочери, потому что нельзя было дольше скрывать от нее"²⁵⁶... "Дети Герцена не похожи на родителей (...) Иметь такую мать и такого отца и выйти такими обыкновенными, это меня изумляет..."²⁵⁷.

Говоря о Герцене и Лизе, Наталья Алексеевна замечает: «Это странно, что в ней больше его, чем в старших, и он сам это говорил, и дети говорили"²⁵⁸... "А Леля была совсем похожа на него лицом – он этих двух страстно любил". "Я влюблен в Лелю", – говорил он, смеясь..."²⁵⁹.

О старшем сыне Герцена Тучкова-Огарева сообщает: "Саша умен и много знает, и с ним легко, но от него веет холодом, – недаром Герц(ен) называл его l'homme aux froides passions"^{142*}"²⁶⁰... "Он стал отца понимать только после его смерти. О России и русских делах

^{142*} человеком с холодными страстями (франц.).

Герцен с ним почти не говорил. Саша не оправдал его требований²⁶¹... “Александр Александрович был всегда очень хорош со мной – он с семнадцати лет мне все поверял, и Герцен этого желал, потому что он через меня давал ему советы, остерегал его, но делал вид, что ничего не знает, и считал это лучшим для их отношений...”²⁶².

Прочитав в раннем дневнике Герцена (1839) его обращение к рождавшемуся в тот момент сыну – “Тебя, существо неродившееся, тебя, в котором слились два бытия, Александр и Наталия, благословляю тебя, благословляю! Иди в жизнь, иди на службу человечеству, я тебя обрек на трудный путь, иди, благословляю тебя. – Может, погибнешь, но пронесешь чистую душу. – Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а богом для человечества” (I, 334), – Тучкова-Огарева писала Некрасовой: “Какое горячее благословение, а в жизни как все вышло не так, как он мечтал; вот почему он всегда говорил мне: “Я не желаю иметь сына, я слишком многого требую – лучше девочка”... Герцен “не желал иметь сына, говоря, что тяжело, когда сын будет самый обыкновенный смертный”...²⁶³ “Саша (...) много изменился во взглядах, после кончины отца; говорят, чтоб получить профессию в Лозанне, он публично отказался от мнений отца. Герцен был прав, когда говорил, что желает иметь дочерей, и любил их больше: “От сына ждешь, желаешь многого, а выходит на деле не то”²⁶⁴... “К несчастию, Саша Герцен обладает деликатностью, которой столько было в его родителях и в особенности в матери. Я написала короткий рассказ о его жизни и характере. Вы бы увидели там, как он мог быть не деликатен и жесток, – но я не касалась его отношений ко мне в самое тяжелое время моей жизни... Что-то не пишется, и раздумье берет: да нужно ли это в самом деле?”²⁶⁵... “Я не дивлюсь, что вас возмущает поступок Саши, но сердиться на него не стоит – и это тот человек, которого Герцен благословлял на службу человечеству! Впрочем, в его взгляде нет единства, почему же он против напечатанья V тома “Бы(о)го и д(ум)”? Почему он меня просил не объяснять причину гонений и страданий?.. Но это будет для вас непонятно”²⁶⁶... “У Саши какая-то природная страсть к деньгам, жадность (...) Это противоположность отца”²⁶⁷... “Я знаю, что он вырвал хорошие страницы в дневнике отца, а оставил и переписал писанные в мрачные дни (...) И мы не были враждебны друг другу во всю жизнь, но, когда он жил вдали от нас, он подпал под влияние Мальвиды, которая ненавидит меня”²⁶⁸. “Саша Герц(ен) ничуть не занимался и не занимается делами Италии – он предался отчасти науке, а больше еще семейной жизни”²⁶⁹... «Не Саша ли в 3-м томе “Из дальних лет” старался и просил Татьяну Петровну (Пассек) не выпускать из писем (то), что могло бы мне быть неприятно, – он не понимает, что чернить меня – значит унижать отца. Они мещане, оставьте их с их французской благотворительностью, – на что вы пишете к ним, право, не разумею”²⁷⁰... “Да, у меня нет копии с пятого тома (“Былого и дум”) – Саша обещал сделать и прислать и не дал – он даже вынул несколько писем его матери ко мне, где были приписки Гервега – вообще он бесцеремонно обращается с вещами других – а между тем он знал, что Герц(ен) заставлял именно меня говорить с Татой и читать с ней пятый том – то же он желал сделать и относительно Ольги, но трудно было, так как она стала вовсе не русская и не могла ничего понять по-русски...”²⁷¹.

Когда весной 1893 г. Некрасова отправилась в Швейцарию²⁷² для переговоров с А.А. Герценом о частичной передаче Румянцевскому музею рукописей и других материалов его покойного отца, Тучкова-Огарева была уверена, что он не упустит возможности очернить ее, свою мачеху, в глазах московской посетительницы. 4 мая она писала: “Итак, решено: вы скоро едете, увидите Сашу. Он будет непременно меня бранить, пусть, не защищайте, во всяком отзыве есть доля правды. Если б не было за мной никаких вин, мне бы много легче было пережить прошлое. Мы с ним не ссорились (...) Вообще он больше сердится из денег: он считает, что мой зять²⁷³ остался должен Огар(еву), а они ему помогали после кончины отца, и хочется вернуть эти деньги – а дела племянников очень запутаны; стало, я держу себя в стороне от этих дел. Все-таки дети Герцена имеют по 400 000 фр., никто не виноват, что у Саши было 10 человек детей, что он купил виллу во Флоренции дорого, а продал ее дешево. После кончины Герц(ена) одно время у него были капиталы всех нас. Ольга и Мальвида его очень чернили, говоря, что он живет отлично, а нам дает мало денег – но нам посылал по 800 фр. в месяц, а сам – говорила Ольга, – купил себе шкапы в 600 фр. Когда он передавал наши капиталы Гуго Шифу, то вышел недочет в несколько тысяч – меня спросили, что делать? – “Пройти молчанием и помнить, что Саша – сын Герц(ена)”. В свободное время я вам напишу краткий очерк жизни Саши, Наташи и Ольги”²⁷⁴... “Помните одно: если меня бранят – пусть, если мою дочь – остановите, потому что она была еще ребенок и сестра ему, клевета оскорбит память его отца”...²⁷⁵ “Если б моя дочь (Лиза) была жива, я бы постояла за себя – ведь Саша Г(ерцен) вынудил меня сжечь или отдать ему письмо, которое было писано m-me Garibaldi и должно было оправдать меня, или, лучше, объяснить, – но он боялся совершенно ошибочно, что там есть что-нибудь о нем”...²⁷⁶.

К старшей дочери Герцена Тате Наталья Алексеевна относилась с гораздо большей теплотой, чем к остальным его детям от первого брака. "Из трех детей Герцена Тата, конечно, лучшая и самая даровитая (...) Из всех она одна любит Россию и сама сколько-нибудь русская"²⁷⁷... "Он больше всех любил Наташу"^{143*} (...) Он надеялся на ум Таты, до ее сумасшествия", "тоже на ум моей старшей дочери (Лизы), моя меньшая (Леля) была ему необыкновенно симпатична живостью, грацией, большим сходством с ним. Ольгу (Монод) он любил меньше, потому что под влиянием Мальвиды она его вовсе не любила и мало-помалу сделалась от нее иностранкой"²⁷⁹... "Тата похожа на мать несколько и очень недурна, а я имела неправильные черты, фамильный нос Тучковых, а волосы, правда, носила, как Наташа, и не хотела менять прическу, хотя она ко мне не шла"²⁸⁰... "Я тоже бы желала, чтоб вы видели Тату – она славная, талантливая, только ее недоверие к себе – преграда ее талантам, деятельности. Она – олицетворенное сомнение ко всему и ко всем. Слабость ее характера изумительная – кто не стыдится завладеть чужой волей, может ей управлять. Тургенев ее очень мало знал – вероятно, она ему нравилась"²⁸¹... "Наташа очень странное существо. По своей натуре, по симпатиям, она скорее русская, а по слабости характера она дала себя офранцузить, отдала себя в полное распоряжение сестры и зятя (Г. Моно), которых (заметьте) не особенно любила"²⁸²... "Наташа – лучшая из трех, никогда не выражала своего мнения ни о ком. По-моему, это не заслуга, а доказательство какой-то боязливой осторожности, недоверия и слабости характера, она просто игрушка Моно, который сам коренной буржуа"²⁸³. Я любила Наташу – но бог с ними и с ней... Герцен был прав, не любя людей слабого характера"²⁸⁴... Тата мне стоила страшных забот, я ей сберегла не только здоровье, но и рассудок. Прежде она жила в Париже в отдельной квартире около сестры: 76, rue d'Azas"²⁸⁵... "После кончины (Герцена) Наташа была еще в нервном состоянии, а Огарев вызвал ее в Женеву, она ездила на него на несколько дней и, вернувшись, сказала нам, что хочет жить в Женеве. Саша был еще с нами, он пришел в ужас от этого решения и со слезами на глазах просил меня оставить мое намерение поселиться для воспитания дочери в Париже, а ехать с Н(аташей) в Женеву, что я и сделала. Тут немало было хлопот, чтоб спасти ее: с слабой головой после помешательства, в котором ей представлялась вся революция, ее Бакунин придумал посылать в горы с революционными поручениями; ее заклевали, чтоб воспользоваться – для революционных соображений, планов – наследством. Наконец, мне удалось убедить ее оставить это дело, и, чтоб жить дальше от этих революционеров, я поселилась с Н(аташей) и дочерью в Цюрихе – но мы навещали Ог(арева). Потом Наташа оставила нас и уехала в Италию к сестре и Мейзенбуг, которая, к несчастью, не любила, но завидовала ей, потому что Н(аташа), кроме ума, имела что-то такое привлекательное, что все знающие ее были от нее в восторге, а Мейзенбуг, старшее меня на десять лет, все еще желала *пленять сердца* и не могла простить Н(аташе), что ее предпочитали старой и очень некрасивой немке..."²⁸⁶

"Тата – какое-то умное, но безгласное существо, – то и дело варьирует свой отзыв о падчерице Наталья Алексеевна. – Если б вы знали, насколько слабость характера ее имела гибельное влияние на самые страшные события моей жизни, а если б знали, то не дивились бы, что перо падает из рук, когда я хочу писать к ней..."²⁸⁷

Говоря о Г.Н. Вырубове, пытавшем расположиться к старшей дочери Герцена, Тучкова-Огарева вспоминает: "Наташа всегда жалела, что у него такое некрасивое лицо, при вьющихся волосах. Он относился к Герц(ену) очень хорошо, и Нат(аша) нравилась ему, но она ставила выше всего, мне кажется, красоту физическую, потому не вышла ни за Лугинина, ни за Вырубова, за (А.А.) Мещерского бы пошла, он ей нравился, но она боялась его бестактности, – а главное она была существо бесхарактерное, а никто ее не уговаривал. Монод завладел ею очень легко, и она оставила для него меня с дочерью, хотя мы были ей гораздо ближе Ольги – на которую, как и на Мейз(енбуг), она жаловалась..."²⁸⁸

Только изредка в письмах Натальи Алексеевны, когда она говорит о Тате, появляются теплые, почти материнские нотки. Например:

"В воскресенье меня ужасно взволновало известие о пожаре в благотворительном базаре"²⁸⁹... И представьте, что мне вообразилось непременно, что Наташа (Герцен) погибла там – так скверно стало и так жаль ее – и так захотелось ее видеть, чтоб убедиться, что это неправда, – ведь я ее любила, как дочь, и бываю минуты, когда это чувство вспыхивает и прорывается наружу и забывается на мгновение, что пришлось пережить от ее слабости характера. Хотела телеграфировать, писать, и до сих пор ничего не сделала – страшно стало вызывать ее или Монод на переписку – зачем?"²⁹⁰

^{143*}В одном из своих писем Наталья Алексеевна делает следующую (неточную) оговорку: "Никто не звал Наталью Александровну Наташей, в детстве все звали ее *Татой* (...) Может быть, (так называл) Пан Тхоржевский, вечно влюбленный в Тату..."²⁷⁸

И в другом письме при получении фотографической карточки: “Поблагодарите Наташу за фотографию, целую ее тоже прощальным поцелуем...”²⁹¹.

Правда, тут же повторяется навязчивая мысль: “Ей скорей бы сидеть возле меня, чем возле Мейзенбуг, но судьба, судьба и люди!”²⁹². “Крепко целую, а за Наташины фотографии отменно; и, может быть, это для меня самое дорогое, — ах, как я ее любила, как дочь. Она бы меня никогда не оставила, но ее недостаток — слабость характера (...) Гордость и любовь к свободе не позволили мне управлять Наташей, пусть лучше так”²⁹³... “С тех пор я поняла, какой страшный порок — бесхарактерность: она доводит до неисчислимых бед”²⁹⁴... “Наташа Герцен была мне роднее всех — я сделала, что она полюбила русский язык и нашу литературу, но несчастное влияние Monod перетянуло ее в французский мещанский мир, который был так антипатичен ее отцу”²⁹⁵... “Когда-то я любила ее, как дочь (...) но, к несчастью, она неискренна и страшно слабохарактерна — эти две черты я очень не уважаю, от них может произойти много зла”²⁹⁶... “Когда бы мы знали, как слабо и эгоистически Тата поступила со мной и какие страшные последствия произошли... Чтоб любить ее ныне, я должна помнить о ее родителях”²⁹⁷... “Наташа писала (красками) хорошо, но живопись ее не удовлетворяла, ей хотелось более широкой деятельности”²⁹⁸... “И теперь счастья нет в ее жизни, живет около несимпатичной сестры — сам Monod ей вовсе не нравился годы, и она удивлялась выбору сестры, а потом Monod совершенно завладел ею с 1875 году, и я уверена, что она раскаивается в том, что дала такую власть над собой Monod — эта власть заставила ее изменить слову, данному мне около тела ее отца, — слову, данному мне в Париже, — из этого всего вышло для меня разрушение всей моей жизни”²⁹⁹... “Если б она не переехала в Париж, многое ужасное не было бы в моей жизни, но... все-таки я ее люблю, она их дочь, и если б она захотела взглянуть на русского крестьянина, я с удовольствием приму ее на сколько времени она захочет. Теперь ей легко приехать в Россию”³⁰⁰... “Я думала, что Тата никогда с нами не расстанется, но и чувство ее оказалось непечно, несмотря на то, что от Ольги она видела только обиду и какую-то страшную жадность в мелочах, а я, кажется, на деле ей показала мою любовь. Странно, что она нас оставила для Monod, над которым смеялась и который, по-моему, играл странную роль: женился на Ольге из послушания к Мейз(енбуг), а был влюблен в Тату, которая не разделяла это чувство, но все-таки оно льстило ее самолюбию...”^{144*} 301.

“Вы спрашивали тогда, — пишет Наталья Алексеевна, — кто Пенизи: тот самый слепой итальянец, который желал жениться на Тате, а она, видя, что отец ее против такого брака и опасаясь, по словам доктора Левье, что Пенизи отравится, сошла с ума”³⁰²... “Пенизи не сделал себе никакого вреда, а узнав о кончине Герцена, вложил в газету записку: “Вот плоды вашего кокетства. Вы убили вашего отца!”. Она, прочитав это, сказала мне: “И я нашла своего Гервега”^{145*}...”³⁰³.

Герцен мне говорил, что Наташа писала повести в русских журналах. Едва ли это правда: она с моего отъезда русского слова не слыхала и вся ушла в французскую благотворительность — какая участь для русской, для дочери Герцена...”³⁰⁴ Вы удивляетесь, что Наташа не вышла замуж, а я удивляюсь, что такая способная, даровитая натура не сумела, не могла ни в чем проявиться (...) И употребить всю жизнь на благотворительность в Париже, на сладкую болтовню взаимных учтивостей с французами! — это ужасно — это все от слабости характера, оттого, что Monod ею завладел, — у нее гораздо больше общего со мной, чем с сестрой, ведь в ней была русская струнка, я ее воспитала в ней, но теперь она заглухла”³⁰⁶... “Тату лучше не тревожить на мой счет; помощи от нее не приму и к ней не поеду: мы отвыкли друг от друга да и, кроме того, зачем мне ехать, там хорошо, да все чужое, а я хочу умереть дома, т.е. в России...”³⁰⁷.

Наталья Алексеевна написала мемуарный очерк о Н.А. Герцен, от которого уцелели только разрозненные страницы:

“Я видела ее еще в России, совсем маленькой (...) Позже я видела ее во время нашего путешествия с родителями, тогда малютка Тата казалась энергичным и счастливым ребенком. Впоследствии я увидела ее в Лондоне в 1856 году. Семи лет она лишилась матери (тому прошли годы уже) и имела что-то сиротливое в выражении лица. Я рассказывала о нашем приезде — скажу только, что тогда в доме все внимание было обращено исключительно на малень-

^{144*} Как отмечает Наталья Алексеевна, “этот удар” (т.е. психическое заболевание дочери) “имел роковое влияние” на болезнь Герцена.

^{145*} И в другом письме: “В то время я думала о нашей потере, единственным отвлечением от этой мысли был страх за Тату, еще очень больную. В массе газет, присылаемых нам, была газета на ее имя. Когда она ее развернула, выпала записка: “Voilà le fruit de votre coquetterie”. Конечно, это было от Пенизи, поздравлявшего ее со смертью убитого ею отца, — я забыла выражения — помню смысл и начало. Это ужасно на нее подействовало, и я боялась повторения болезни — думала о дочери, которая, как и я, все потеряла с его концом...”³⁰⁵

кую шалунью Ольгу, а Тата была как бы забыта всеми. Но она была любимицей всех эмигрантов, которые собирались в доме Герцена по воскресеньям. Ее кроткое и приветливое личико привлекало к себе всех этих неудачников жизни... Они отдыхали, глядя на нее: кто бегал по саду, играл с ней в мячик, кто пел ей песни, аккомпанируя на фортепиано. Эмигранты брали Ольгу на руки, шутили с ней, ласкали ее, но она странно отвечала на их ласки, выискивая что-нибудь неприятное для каждого и не пропуская случая сделать им какую-нибудь неприятную шалость. Эмигранты замечали тоже, что она ежеминутно дразнила старшую сестру, смиренно выносившую все от Ольги. Когда Мальвида Мейзенбург внезапно уехала из дома Герцена и он просил нас переселиться в его дом³⁰⁸, знакомые наши стали замечать большую перемену в Тате; они мне говорили иногда: "Qu'avez-vous fait, madame, avec Tata qu'elle a une nouvelle expression de figure? Une expression que nous ne lui connaissions pas?"^{146*}

Я недоумевала и смотрела вопросительно на Наташу. Она улыбалась мне светлой и приятной улыбкой.

Слыша не раз от всех тот же вопрос, я спрашивала их, что они в самом деле хотят сказать?

— Да она имеет новое лицо, счастливое и свободное выражение, — отвечали они.

Наташа, казалось, любила меня безгранично, так же, как я ее любила; Герцен говаривал иногда: "За Тату я не боюсь, сейчас готов уехать в Америку, ей хорошо с тобой"...

Но тут надо выписать из моего дневника³⁰⁹.

"Жизнь моя начинала омрачаться, и это повлияло на отношение Таты ко мне. Дети любят свет, а не мрачное настроение.

Когда я уезжала на континент для свидания с сестрой и ее семейством, Наташа поехала со мной, осталась некоторое время у Марии Каспаровны, потом с братом вернулась в Лондон³¹⁰.

Позже, когда я вернулась в Лондон, я нашла в семье новое лицо — miss Reeve, которая была при Наташе в качестве *dame de compagnie*^{147*}, она читала и гуляла с ней, но не давала ей никаких уроков. В одно время Наташа занималась много живописью, но так как Ольга уехала с Мальвидой в Италию и ее тянуло туда, не столько к ним, как в Италию, она стала тяготиться miss Reeve, просила меня передать Герцену, что она никогда к ней не привыкнет, что она ей несыпатична и пр."³¹¹

Сохранился еще один фрагмент того же очерка с рядом не известных ранее подробностей:

"В 1856^{148*} я застала Наташу 11 лет. Она не умела говорить по-русски, но понимала немного. Мальвида Мейзенбург ее очень теснила и ласкала одну Ольгу. Я стала ходить укладывать Н(аташу) для того, чтоб с ней говорить по-русски. Когда она возвращалась из школы пенны, Мальвида посылала ее обедать в кухню — это мне не понравилось, я боялась лишних разговоров прислуги, которая могла не знать или забыть, что можно говорить при ребенке... Н(аташа) была любящая, но никем не пригетая. Отец не замечал стесненную жизнь ребенка; пользуясь покровительством Мальвиды, Ольга ее тоже мучила постоянно. В это эпоху Н(аташа) была нехороша (собой), но она становилась все лучше, и с моего приезда выражение лица ее изменилось. Я слышала [с удивлением] от коротких знакомых, что лицо ее преобразилось, оно выражало тогда веселую и беззаботную уверенность, что ее любят, что она дома. Отец ее часто говорил впоследствии, когда ее лицо так сияло счастьем, что бросалось каждому в глаза: "Я не боюсь за Тату — ей хорошо..." "Не знаю, захочет ли Тата рассказать о болезни и смерти отца — в это время она много вынесла насмешек и неприятностей от сестры своей Ольги, которая и мне сказала при ней: "Я удивляюсь тебе, Natalie, как ты оставляешь больного папу на попечение сумасшедшей". Я оставила больного с Татой, когда ходила ему за рывчиком в Palais Royal, — было вовсе близко от нашей квартиры. Я проходила пятнадцать минут; наша прислуга была итальянка³¹², не сумела бы скоро достать, а больному ужасно захотелось поест рывчика, но оказалось, что он брал в рот, но ни жевать, ни глотать не мог уже. А бедная Тата выслушивала жесткие слова сестры с опущенной головой и с глазами, полными слез..."³¹³.

К дочери Герцена Ольге Александровне (в замужестве Моно) Наталья Алексеевна относилась с неизменной антипатией.

"Monod — эгоистка, хитрая, она никогда не любила Герцена, и я не могу верить, чтоб она

^{146*} "Что вы, сударыня сделали с Татой, что у нее появилось новое выражение лица? Выражение, которого мы на нем не знали?" (франц.).

^{147*} компаньонки (франц.).

^{148*} В автографе ошибочно: 1855. — Ред.

была его дочь. Такое чувство ненависти не бывает у дочери к отцу»³¹⁴... «Герцен считал, что Ольга – его дочь, но что во время беременности у матери было много противоположных чувств, обман и потому она родилась с очень дурными свойствами; я не могу ничего прибавить к этому, только скажу, что всегда была поражена ее сильной нелюбовью к отцу, с пятилетнего возраста и до его кончины»³¹⁵...

О воспитательнице Ольги, «ревнивой и злой» Мальвиде Мейзенбург Тучкова-Огарева обычно отзывается в письмах к Некрасовой, как мы уже видели, с неослабевающей ненавистью. «Это нечистая натура, меня, конечно, ненавидела (...) Жива ли эта нехорошая женщина?...» – осведомляется она в 1894 г., узнав о публикации в России отрывков из мемуаров Мейзенбург³¹⁶. И в другом письме: «Когда прочтете “Mém(oi)res d’une idéaliste”, не пришлете ли? мне давно писали из Италии, что меня там ужасно чернят, приятно и внимательно прочесть»³¹⁷... «Как подвигается ваше чтение записок Мейзенбург? Она давала их читать Герцену, и он говорил, что это очень полезное чтение, потому что он на первых страницах крепко засыпал. Ему приходилось отдавать тетрадь, говоря, что поправлять нечего, все хорошо. Когда вы окончите эти записки, мне очень бы хотелось взглянуть их (!), но я вам скоро их отошлю, добросовестно все прочесть я не берусь, потому что я не верю ее добросовестности, это была очень несимпатичная личность»³¹⁸... «Постараюсь достать “Вест(ник) Европы” и прочту, чем она придумала большее задеть по незажившим ранам. Да, Мейзенбург – страшное существо, глубоко бессердечное! она может пить из черепа врага! Я не могу ни любить ее, ни уважать: всю жизнь она искала заполнить кого-нибудь и всегда находила, что место занято, тогда она ненавидела невинную причину ее разочарования; так, она ненавидела Наташу Герцен за то, что Грегоровиус ей восхищался³¹⁹, madame Stansfield за Маццини и много других...»³²⁰ «Это была очень несимпатичная личность – нельзя описать, как она мучила Тату, ревнуя ее к каждому знакомому и особенно к Грегоровиусу (историку). В то время Тата писала мне в Англию: “Если б можно, я бы ушла к вам пешком...”³²¹ В отместку за то, что Тата всем нравилась, Мейзенбург запрещала ей даже играть на фортепьяно. И может ли серьезная и хорошая личность так поступать?»³²²... «Она ненавидела меня за любовь Герцена. Я бы ей простила эту ненависть, если б она в самом деле любила Герцена, но она влюблялась, как немка, и ухаживала за очень многими и так неразборчива была, что иногда ухаживала и за совершенными дураками, только потому, что они сидели в тюрьме. Герцен очень потешался над ее стараниями увлечь кого-нибудь, и все это оставалось безуспешно и злило ее безмерно...»³²³

Узнав в 1903 г. от Некрасовой о смерти Мейзенбург, Наталья Алексеевна откликается с полной откровенностью: «Я забыла ответить на ваше печальное известие, которое для меня вполне безразлично. Она была дурной, бессердечный человек, хотя сентиментальничала и влюблялась на каждом шагу, когда ей было уже под сорок лет (...) Она могла влюбиться в Гер(цена), но она влюблялась в каждого – этого я уж вовсе не понимаю – и, постоянно отринутая каждым, она делалась злая и ненавидела тех, которые, не желая этого, мешали ей»³²⁴... «Я думаю, что до приезда Огарева в Лондон Герцен мог писать Мейз(енбург) письма, в которых иногда выступал его внутренний мир, но потом он не узнал лучше, смеялся постоянно над ней и не чувствовал себя одиноким при Огареве»³²⁵... «Она ни разу не подумала, за что она теснит эту кроткую девушку слабого характера, миролюбивую, – чем Тата была виновата, что имела симпатичную наружность, ум и веселость, которые привлекали к ней всех? Герцен понял всю ее вину во время сумасшествия Таты, даже он понял радость мести. Он говорил ей³²⁶ при мне: “Я вам никогда этого не прощу”. Ее ответ наминал ответ Каина. “Разве я обязана беречь взрослую девушку? это ее дело”, – говорила она, с трудом скрывая радость. И она может писать о себе как о любящей натуре»³²⁷... «Сколько подавила ревнивая и злобная Мальвида! Она сделала из Ольги пустую иностранку, и Герц(ен) перед смертью понял это, – она мешала соединению семьи – и для чего Герц(ен), зная ее неспособность воспитывать, отдал ей Ольгу? Он говорил, когда сердился, что это было сделано мне в наказание, но чем же Ольга виновата?»³²⁸

«Во-первых, никогда ни за что не могу на вас сердиться, – заверяет Наталья Алексеевна Некрасову в одном из своих писем (1900), – потому что искренне люблю вас; даже не рассердилась бы, если б вы поверили всему тому, что говорит обо мне Мейз(енбург). Я приняла бы это безропотно, как удар судьбы...»³²⁹

«Эту осень, – сообщает в 1894 г. Тучкова-Огарева Некрасовой, – я читала еще с большим увлечением записки по-французски Марии Башкирцевой³³⁰ – они мне были присланы потому, что особа, приславшая их, знала мою дочь (Лизу) и находила много сходства между этими молодыми существами, талантливыми, умными и так скоро отжившими. Хотя обстоятельства жизни различные были, но одинаково безвыходны. Тяжелы эти воспоминания, но пусть они навсегда будут со мной, я не хочу утратить из этой эпохи моей жизни ни одного слова, ни

одного мгновения, это воспоминание – моя жизнь. Если б у меня было больше покоя и силы воли, я рассказала бы вам все, и вы бы подивились, в каком грубом футляре душа живет, что стенки его не разлетелись от всех ужасов наполнявших его”³³¹... “Самое больное место в моей жизни – это воспоминание о кончине моей старшей дочери, но и об этом запишу вам все, потому что вы слишком близко стоите к ним, ко мне, чтоб не слышать от меня всю истину”³³²... “Вы спрашиваете, где похоронена моя дочь? Она была в одной могиле с Герц(еном), но потом его вынули из этой могилы и поставили под памятник – маленькие дети по правую сторону, а дочь – по левую сторону от памятника – перемещение сделано, когда я уже вернулась в Россию – вероятно, Наташа Г(ерцен) была тогда в Ницце”³³³... “Я посылала деньги в Ниццу г-же Марии Полентимо и хотела бы теперь узнать, положила ли она плиту и железную решетку на могиле моей старшей дочери?”³³⁴... “Мой троюродный брат (второй и последний) Д(еспот)-Зенович писал мне о наших могилах, все заросло, и ветки перешли на памятник Герцена; он думал, что это английская могила, а это могила моих детей с английской надписью, а налево старшая дочь, там плита без надписи и без решетки – а я послала все, что нужно...”³³⁵

Надмогильный памятник Герцена – бронзовая фигура во весь рост – работы П.П. Забелло – вызвал глубокое недовольство у Тучковой-Огаревой, не находившей в нем ни портретного, ни психического сходства с оригиналом. “Памятник поставлен ими же”³³⁶ – его делал в Ницце молодой итальянский художник Бало, знавший хорошо А.И. Герцена”³³⁷(...) Признаюсь, мне не нравится вся эта фигура – тут что-то (от) немецкого профессора – и сходства нет. Мне лучше нравился бюст Герцена, сделанный в 58 г. в Лондоне Грассом по заказу книгопродавца Трюбнера...”³³⁸

МОДЕЛЬ ПАМЯТНИКА НА МОГИЛЕ ГЕРЦЕНА
В НИЦЦЕ

Скульптура П.П. Забелло (гипс). (1871–1872)

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва)

* * *

«В 1876 году, когда судьба отняла у меня всё, – писала Наталья Алексеевна, – связь с жизнью была порвана, я искала поступить в больницу в сиделки, в прислуги к больным – меня не принимали – наконец, моя приятельница Georgina Saffi водворила меня в болонскую жен(скую) больницу. Тогда отец звал в Р(оссию). “Ты можешь, – писал он, – и здесь устроить больницу”³³⁹. Он выхлопотал мне позволение вернуться – и я поехала. Вернувшись, я нашла отца очень слабым – дела расстроены – мне пришлось заняться делами, о которых я не имела ни малейшего понятия, – но я находила время и для больных. Я служила 11 лет крестьянам всем, чем могла, – и нынче я занимаюсь больными. Отец жил при мне только полтора года – нечего вам говорить, как тяжело хоронить отца”³⁴⁰, а особенно такого, как он был (...) Мы живем уже пять лет с племянниками Сатинными, но дела плохи от неурожаев, и мне приходится каждое лето приезжать и заниматься уборкой хлеба – не для того, чтоб богатеть, а для того,

чтоб именье не было продано с аукциона. Мы обе старые – мне, кроме книг, ничего не надо, но случайно мы взяли ребенка, который нам не совсем чужой, и этот ребенок – большая забота³⁴¹. Мне вспоминается, как я ехала раз одна делить испольную землю крестьянам, окруженная сотней пеших крестьян. Один был немного навеселе. Он сказал мне: “Земля вся твоя, а сила вся наша!” Как многозначительны эти слова, я их никогда не могла забыть...”.

Наталья Алексеевна вела беспокойную и труженическую жизнь. Крестьяне из соседних деревень, далекие от элементарного благополучия, говорили ей, что даже их жены не согласились бы поменяться с нею судьбой и вести такую тяжелую жизнь, какую вела их бывшая помещица.

«Вы, конечно, догадываетесь, каково мое отношение к крестьянам, я их люблю, несмотря на все их пороки и слабости, – писала она в 1892 г., – только убийство Станиславского³⁴² отдаляло меня от них в продолжении нескольких лет, потом меня опять потянуло к ним: мысль, что отчуждением не сделали^{149*} их лучшими, взяла верх. – “Кому больше дано, с того больше и спрашивается” – между людьми образованными много ль хороших людей? не те же ли слабости и пороки, только прикрытые каким-то лоском? Эти дикие дети природы – кто же их будет образовывать – священники! Нет, они не могут иметь уважения к священникам, потому что последние к ним безжалостны. У нас два года голод, священники же ничего не хотят терять, берут самовольно 3 рубля за похороны взрослого, 5 рублей за венчанье, 1 рубль в церковь, еще 70 копеек за крестьянина, а там за молебны – потом меня опять потянуло к ним: иногда последний в доме. Землевладельцев мало живет в имениях, все больше управляющие, арендаторы. Я переписывалась с Л.Н. Толстым, которого знавала в Лондоне, я надеялась, что он мне поможет относительно крестьян в нравственном и материальном отношении – он не отказался; он просил описание убийства Станислав(кого)³⁴³ и замолк, – наше село пришло в большой упадок – тому 3 года был страшный пожар, и до сих пор выстроены только избы, дворов нет – 117 дворов сгорело. Я думала, что с обширными знакомствами и связями Толст(ого) ему легко было помочь, но он, вероятно, состарился»³⁴⁴... «Для меня нет чужого горя, все мое – я только все подбавляю к своему. Прежде я ждала избавления, то есть смерти, с жгучим нетерпением, теперь спокойно жду и думаю: “Пока жива, послужу тем, которым могу в чем-нибудь помочь, облегчить... но умение, знания мои так ограничены... Что же делать? Все же надо, приходится жить для других, это и есть мое счастье. И крестьяне это чувствуют, они идут ко мне за сочувствием, даже когда не может быть и речи о помощи, – и я думаю о дорогих ушедших³⁴⁵; как бы они радовались, видя доверие и любовь ко мне – и зачем нет будущей жизни; здесь бы жить для других, а там, полные пониманья и нравственной чистоты, созерцать и любить друг друга без земных страстей, вот было бы “чудо-прелесть”, как говорила Наташа Герцен...”³⁴⁶.

«Мне страшно думать, что только три года нас отделяют от XX столетия, а как мало сделано в социальном отношении, особенно в Р(оссии). Образование сельского населения слишком плохо, а далее в городах какое образование для бедного? Гибнут способности и таланты... Почему русское общество так равнодушно? Что за причина непонятной апатии? (...) Если быть борьбе, то пусть будет она между образованными, она не будет так дика. Знание должно быть, как воздух, для всех...”³⁴⁷.

«Мы переживаем особенное время, очень захватывающее душу, – писала Тучкова-Огарева в преддверии 1905 г., – я молодая, чувствую прилив энергии, а одна нога в могиле! И все дорогое там, в этом далеком, неизвестном. Тайна жизни отчасти нам открыта, почему тайна смерти остается тайной? Вы сожалеете обо мне, о моем одиночестве. Я ко всему притерпелась. Тот, кто всего лишился, он непритязателен, он довольствуется малым, его радует, когда он может кому-нибудь помочь. Я радуюсь, когда крестьяне долгоруковские приходят ко мне, чтоб вместе прочесть письмо от дорогого существа, – значит, они чувствуют, что я принимаю участие в их радостях и горестях, я болею о тех, которые на войне³⁴⁸. Один крестьянин мне сказал: “Я не знаю, как мы без тебя жить будем, ты одна у нас жалеешь обо всех”... Я старалась развить это чувство в них, но оно нейдет далее порога своей избы. Быть может, война переменит и это...”³⁴⁹.

В январе 1905 г. Некрасова скончалась. Задушевный диалог внезапно оборвался... Наталья Алексеевна тяжело переживала свое новое горе. Ей было семьдесят пять, казалось, близок конец, но и дальнейшие годы оказались до предела насыщенными событиями, которые потребовали от нее огромного душевного напряжения, энергичных действий и исключительной силы воли. Сношений с семьей Герцена она по-прежнему избегала. Только в 1911 г. состоялась – и то не по ее инициативе и почти случайно – встреча со старшей дочерью Герцена,

^{149*} В автографе: сделали. – ЛЛ.

пятидесятилетней Натальей Александровной, которая вскоре, 23 апреля сообщила об этом своему старому другу Г. Шиффу из Лозанны, где давно уже постоянно жила и куда съехала Наталья Алексеевна. Это письмо-очерк публикуется здесь впервые в моем переводе с французского, по рукописной копии неустановленного лица:

“Вам известно, милый Гуго, как часто я себе задавала вопрос, где теперь находится Натали Огарева, у кого она живет и чем занимается. Я ей несколько раз писала, но ответа не получала³⁵⁰. Каждому русскому, который у меня осведомлялся, не может ли чем-нибудь услужить, я отвечала: “Достаньте мне адрес Натали Огаревой. Очень хочется узнать, как она живет”. Ответа не было.

Года два тому назад разнесся было слух, что Натали Огарева за границей со своей приемной дочерью, очень большой молодой женщиной лет 22–23-х, политически скомпрометированной, посаженной, несмотря на недомогание, в тюрьму, и получившей во время заключения тяжкую болезнь легких. Говорили, что эти дамы скрываются в Генуе под фамилией приемной дочери. Я написала в Геную письмо до востребования и две открытки; все это осталось без ответа и было мне отослано в Blanc Castel³⁵¹ после возвращения моего из Кишинева и Одессы³⁵². Тогда я поставила на Натали крест, решив, что мне так и не удастся что-либо узнать о бедной старенькой Натали, уже перешагнувшей за свои восемьдесят лет; в моем воображении она рисовалась совершенно одинокой, подавленной унынием.

Но вот телефонный звонок Ника³⁵³:

- Приятно ли тебе будет узнать, где теперь Натали Огарева?
- Что за вопрос! Тебе ведь известно, как я старалась достать ее адрес.
- Значит, ты не прочь была бы его получить?
- Полно, не дразни меня, поскорей скажи, что тебе о ней известно.
- Угадай, – ответил Ник, дразня меня и наслаждаясь моим нетерпением.
- Как могу я угадать? В Генуе?
- Нет!
- В Париже или в окрестностях Парижа?
- Нет.

– Пожалуйста, выкладывай, Ник, свою новость, а то я проникнусь уверенностью, что тебе о Натали ничего не известно и что ты только хочешь меня заинтриговать.

И тогда, подчеркнуто медлительно, чтобы вдосталь насладиться моим удивлением, Ник отвечает:

- Так знай же, что... она... в Лозанне.
- В Лозанне?! – повторила я, широко раскрыв глаза и онемев от удивления.
- Что там с тобой происходит? Как понять твоё молчание? Уж не окаменела ли ты от изумления?

– Именно окаменела, – отвечала я. – Но куда же она едет? где живет?

Я не прочь была бы взглянуть на себя со стороны – разинувшую рот, с прижатыми к ушам телефонными трубками.

– Натали Огарева в Круазете, – продолжает Ник, – в клинике доктора Серэ.

– Нет, это невозможно: она нам как-нибудь дала бы знать. Вероятно, здесь какое-то недоразумение, я к ней тотчас же отправлюсь. Однако уже поздно... Отправлюсь-ка я лучше к доктору Серэ, его квартира в городе... Прощай, большущее спасибо за новость. Но как же все-таки тебе удалось узнать? кто тебе сказал?

– Один молодой русский, мой бывший ученик³⁵⁴, видел Натали Огареву и с ней разговаривал.

- Поразительно!
- Будь любезна, сообщи мне, не откладывая, по телефону, чем закончится посещение доктора Серэ.

– Да, да, разумеется.

– До свиданья!

Отбой, завершающий разговор.

Тотчас же после ужина я отправляюсь к доктору Серэ на авеню Florimont. По дороге я встретила Терезину³⁵⁵. Она спросила меня:

- Куда ты так бежишь? Я шла к тебе.
- Пойдем, пойдем поскорее, я все тебе объясню по дороге.

И я ввела ее в курс дела.

– Да, да, – сказал мне доктор Серэ, – в моей клинике находится дама, носящая это имя, то есть у меня не она, а ее дочь; старая же дама сняла две комнаты над бакалейной лавкой Рибери. Она там живет с зятем и ребенком. Им очень тесно, они устроились предельно скромно, но не из чего было выбирать: им хотелось жить поближе к больной, сдавались же только эти комнаты...

Упоминания о *зят*е и *ребенке* меня удивляли все больше и больше – и я уверила себя, что он говорит о совсем другой Огаревой.

– Как же выглядит эта дама? Пожилая она, высокая, полная или же небольшого роста?

– Она невысока, худа и плохо говорит по-французски.

Поскольку Натали по-французски говорила восхитительно, то я перестала сомневаться в том, что здесь какая-то ошибка. Неуверенность все же продолжала меня мучить, и я сказала себе: “Не успокоюсь до тех пор, пока не увижу эту особу собственными глазами”.

– Если ты туда поедешь, то и я с тобой поеду, – заявила мне на следующий день Жермена³⁵⁶. Отпустить тебя одну я не могу. Не исключено, что мне придется тебя защищать... И, кроме того, присутствовать при таком свидании после 36-летней разлуки! Если окажется, что это она, то, сама понимаешь, как мне это будет интересно...

После обеда (а обедают здесь днем) мы отправились вдвоем на Ла Салла, а оттуда элек-тричкой в Круазет – это деревня в нескольких минутах езды поездом в сторону Салла. Воспо-минания более чем полувековой давности теснились и множились в моем бедном мозгу пока мы приближались к бакалейной лавчонке, все явственней различимой сквозь деревья, обрам-ляющие большую дорогу.

Но вот мы, наконец, после часового пути, добираемся от крошечного вокзала Круазет и затем до домика, крыльцо которого усердно подметает приятная на вид женщина.

– Здесь ли живет госпожа Натали Огарева? – спросила я ее.

– Да, сударыня, сообразованно подняться наверх, – отвечает она, не поднимая головы и не прерывая работы, и это безразличие составляло такой разительный контраст с тем, что во мне в тот момент творилось... Меня это даже несколько покорило... Ощупью поднялись мы по неосвещенной деревянной лесенке. Пред нами отворилась дверь, мы вошли в осенен-ную навесом кухню и в приоткрытой двери увидели несколько более или менее взъерошен-ных славянских голов.

– Здесь ли живет Натали Огарева? – спросила я. Ответа не последовало; я повторила свой вопрос по-русски. Тогда от группы отделился молодой человек в русской рубашке, поднялся еще на несколько ступенек вверх и попросил меня (по-русски) следовать за ним. Он открыл дверь на первую площадку; перед нами возникла обширная, очень низкая и чрезвычайно бед-но обставленная комната; молодой человек устремился к черной фигурке, склонившейся в дальнем углу этой комнаты и все так же по-русски сказал: “Наталья Алексеевна, вот Наталья Александровна Герцен, которая пришла повидаться с вами”.

Черная фигурка приподнялась, и, как только я ее увидела в профиль, всякое сомнение улетучилось: конечно же, это была она, бедная старенькая Натали прошлых времен. Я поспе-шила к ней, и мы молча обнялись; она показала мне настолько уменьшившейся в размерах, настолько слабой, сведенной, так сказать, к своему минимуму, что я сочла необходимым под-держать ее, боясь, как бы она не осела, не рассыпалась под грузом своих воспоминаний и вол-нения! Я подвела ее к стулу.

– Вот Зизи – Жермена Моно, которую ты знала, когда ей было всего лишь несколько не-дель, – сказала я. – Ты ее помнишь?

– Ну, конечно же, – ответила мне Натали, и я заметила, что подбородок ее безостановоч-но шевелился, когда она говорила; казалось, она не то жевала, не то ворочала во рту гороши-ну или сухую фасоль; понять ее было нелегко; именно по этой причине д-р Серэ и вообразил, будто она плохо говорит по-французски.

– Теперь у прежней крошки четверо собственных крошек – четыре мальчугана³⁵⁷! С ка-ких ты здесь пор, Натали?

– Около двух месяцев.

– Как же ты не дала нам об этом знать?

– Да я и понятия не имела, что ты в Лозанне. Разве ты не живешь в Париже на улице d’Azas, дом 76, с семьей Моно?

Из последнего вопроса я поняла, как мало она о нас знала; ей ничего известно не было ни о переезде семьи Габриеля Моно четверть века тому назад в Версаль, ни о моем переселении в Лозанну – а ведь с той поры прошло целых одиннадцать лет.

– Как и зачем приехала ты в Лозанну? – спросила я.

– Из-за здоровья моей приемной дочери Ольги, которая серьезно больна; она здесь, в кли-нике. Мы жили в Нерви, близ Генуи, она уже шла на поправку, но при наступлении жары при-шлось покинуть Нерви, и врач наш посоветовал нам перебраться сюда. Но тебе необходимо по-видаться с Ольгой, или, вернее, ей повидаться с тобой – она так слышана о тебе и будет в от-чаянье, если тебя не увидит, но вот... как устроить это? Она находится там, в клинике, наверху.

– Я зайду с ней подвидаться, – сказала я, – если это может доставить ей хоть малейшее удовольствие. Но Расскажи мне теперь хоть немного о себе самой.

И, верная себе как физически, так и в своих душевных порывах, она мне отвечала:

– Что же во мне интересного? Я ничто^{150*}.

– Пусть так, но меня это интересует, – сказала я. – Где же ты жила?

– Все время в деревне, в нашем имении – кроме тех немногих лет, когда Ольга лечилась. Моя мама, удочерившая Ольгу, попросила меня поехать с нею в Пензу. Мама скончалась совсем недавно, 96 лет от роду³⁵⁸. Умирая, она просила меня не покидать Ольгу – и я ее удочерила; не покидаю ее теперь и нянчу ее четырехлетнего сына³⁵⁹.

– Как, это *ты* няньчишь его? – спросила я удивленно.

– При нем молоденькая русская няня³⁶⁰, – отвечала Натали, – но за нею приходится пристально следить; купая же я его всегда сама.

– Ты сильнее, чем кажешься на вид, – сказала я ей.

– Да, я очень вынослива – возможно, потому, что на свое здоровье совсем не обращаю внимания, выхожу в любую погоду. Я выдержала поездку из России в Нерви – и в каких условиях! – с больной и с ребенком, которого мне время от времени приходилось держать на руках, потому что няне нездоровилось. Ольгин муж³⁶¹ тоже выехал, ибо мы *бежали* – ты понимаешь? Узнав, что Ольга посажена в тюрьму и что она больна, я отправилась в дорогу, чтобы добиться ее освобождения, была даже у губернатора (кажется, пензенского)³⁶² и сказала ему, что освободить ее необходимо, что это варварство – держать в тюрьме подобную больную; вначале он слышать ничего не хотел, но под конец сказал: “Так и быть, освободим ее под залог в 2000 рублей”. “Хорошо, – сказала я – вы их получите”. 2000 рублей у меня были – все мое состояние. Однако колебаться не приходилось. Я отнесла свои 2000 рублей губернатору и мы тотчас же пустились в путь, конечно, под чужими именами³⁶³.

– Так вот почему мне не удалось вас разыскать, – сказала я ей.

– Ты искала нас?

– Я не раз писала тебе в Геную, но ответа не получала, так же, как во время беспорядков и погромов в Пензе³⁶⁴, когда написала тебе несколько открыток.

– Этого я не знала. Ничего никогда не получала.

– Как и чем вы здесь живете? – спросила я.

– У Оли есть немножко собственных денег, – этого ей хватило бы, если бы при ней не было ее злуполучного мужа – молодого человека, который тебя сюда привел; что за несчастье – ее встреча с ним, это он втянул ее во все эти истории, приведшие под конец к ее аресту. Но ничего не поделаешь, она его любит, к тому же этот мальчуган... Что до меня, то я получаю крошечную пенсию (...) от литературного кружка в Москве (или в Петербурге?)³⁶⁵. Это мне устроил Пантелеев, узнавший о моих стесненных обстоятельствах. Вот я и *литератор*, благодаря своим мемуарам³⁶⁶. И она залилась смехом, – и получаю 60 франков в месяц. Ты знаешь Пантелеева?

– Пантелеева? Конечно, знаю этого замечательного издателя, публикующего хорошие произведения из убеждения, а не так, как другие, чтоб разбогатеть; лет десять – пятнадцать он провел на каторге в Сибири; кажется, по возвращении в Россию он сделался издателем-идеалистом. В Швейцарию приезжал он не раз и всегда наскоро нас навещал; жена его тоже у нас бывала, когда выезжала за границу; она настолько же толста, насколько он высок и худ, – настоящий Дон-Кихот³⁶⁷.

– Да, да, это так, – и Натали засмеялась. Мне это было очень приятно, так как, разговаривая с ней, я больше всего боялась пробудить в ее памяти слишком тяжелые воспоминания.

Поскольку я тороплюсь, желая, чтобы небольшой мой отчет дошел до вас 26-го, милый Гуго, то я свела в одну беседу все, что говорилось во время трех или четырех посещений. Первое из них было весьма кратковременно, т.к. я опасалась, как бы волнение не повредило бедной старенькой Натали, которой минуло уже восемьдесят два года. Только постепенно убедилась я, насколько *держит она под спудом* то, что творится у нее внутри, – по крайней мере, в тех случаях, когда дело касается общих вопросов. Увидев меня, она не проявила ни малейшего удивления, ни малейшей радости и даже, наоборот, не сказала ничего такого, что могло бы помочь мне угадать ее мысли и чувства...

В ту минуту, когда мы, после первого посещения, собирались уходить, на площадке появилась высокая и здоровая на вид блондинка.

– Вот Оля, – сказала Натали, у нее нет (...) ^{151*}; она прибежала из клиники, чтобы тебя увидеть.

Молодая женщина пожала мою руку с такой силой, что причинила мне боль; при этом она мне сказала:

^{150*} На этом наш первый визит закончился, чтобы не утомлять Натали.

^{151*} Пропуск слова в копии. – ЛЛ.

Н.А. ГЕРЦЕН
С ПЛЕМЯННИЦЕЙ ЖЕРМЕН МОНО

Фотография. Лозанна, 1888. На обороте дарственная надпись Н.А. Герцен племяннику П.А. Герцену: "Al mio caro Pietro. Zia Tata. Lausanne. Octobre 1888" ("Моему дорогому Петру. Тетя Тата. Лозанна. Октябрь 1888")

Музей Герцена, Москва

бушкой" Натальей Алексеевной, а также няней Матрешей. В своей автобиографической книге "Корни жизни. Повесть об одной судьбе" (М., 1986) он сообщает много интереснейших подробностей о тяжелых испытаниях, продолжавших терзать Наталью Алексеевну в последние годы ее жизни, уже после смерти Некрасовой. В это время она была, как он пишет, "сгорбленной, небольшого роста старушкой. И без того крупный нос ее стал словно еще больше, опустился к верхней губе, голубовато-прозрачные глаза казались теперь бесцветными и часто слезились. Густая сеть морщин покрывала ее лицо"³⁷⁰.

После смерти своей приемной дочери Ольги в приснопамятном для русской литературы курортном городке Баденвайлере (1912) Наталья Алексеевна вернулась на родину в самом плачевном состоянии. "Апатия овладела ею, — вспоминает Малышев, — она молча смотрела куда-то невидящим взглядом..."³⁷¹.

В 1912–1913 гг. Н.А. Герцен время от времени переписывалась со своей мачехой. Два письма ее опубликованы в сборнике "Архив Огаревых" (с. 200). Несколько писем и открыток того времени сохранились в разных архивохранилищах и у самого Малышева...

30 декабря ст.ст. 1913 г. (а по новому стилю уже 1914 г.) Тучкова-Огарева скончалась, пережив Герцена на сорок четыре года. Последние слова ее были, отмечает Малышев: "Берегите Алешу".

Похоронили Наталью Алексеевну за оградой Староакшенской церкви, близ могил ее родителей, сестер, зятя, горячо любимой няни. Через несколько дней из Пензы, по словам мемуариста, прибыли жандармы, которые произвели в доме обыск, перевернули все вещи, бумаги, книги, что-то конфисковали... В ее "многострадальной, длинной и невероятной по тяжести обрушившихся на нее ударов жизни, — заключает Малышев, — я был последним из тех, кого она по-настоящему любила"...³⁷².

— Как я рада с вами познакомиться — я о вас столько времени слышу. Муж мой пришел предупредить меня, что вы у мамы, вот я и прибежала... и т.д.

Бедная молодая женщина, она огромного роста, у нее цветущий вид, а она *так больна!*

Славная нянюшка — тоже русского типа, с совершенно русским лицом, живыми карими глазами — дополняла этот разнородный квинтет, в котором из всех пяти человек культурный, просвещенный элемент представляла Натали.

Я, кажется, рассказала вам все, что вам хотелось узнать, милый Гуго; если же не так, то задавайте мне вопросы.

Есть у меня в запасе еще много любопытных подробностей — особенно любопытных для меня самой³⁶⁸... Зизи была в восторге от того, что присутствовала при этой встрече после тридцатилетней разлуки; мы с ней еще несколько раз приезжали вместе в Круазет. Зизи сфотографировала Натали — мне следовало бы послать вам экземпляр столь характерного снимка³⁶⁹.

Упомянутый в письме четырехлетний мальчик, которого нянчила Наталья Алексеевна, — это ее внучатый племянник и приемный сын, — вернее, сын ее приемной дочери Леша — А.А. Малышев, известный впоследствии акклиматизатор жен-шения на Кавказе, доктор сельскохозяйственных наук, писатель. Детство его прошло в почти непрерывных скитаниях по Европе с матерью, отцом и "ба-

КОММЕНТАРИИ

- ¹ РГБ, ф. 196, 18–26.
- ² РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 249.
- ³ РГБ, ф. 196, 18, 18, л. 1.
- ⁴ Там же, ф. 196, 18.17, л. 31.
- ⁵ Там же, 18.22, л. 21 об.
- ⁶ Там же, л. 25.
- ⁷ Там же, 18.18, л. 25.
- ⁸ Там же, л. 1–1 об.
- ⁹ Там же, л. 1 об.
- ¹⁰ Там же, л. 5.
- ¹¹ Там же, 18.23, л. 12.
- ¹² Там же, 18.18, л. 27.
- ¹³ Там же, л. 59 об.
- ¹⁴ Там же, 18.17, л. 20 об.
- ¹⁵ Там же, л. 31.
- ¹⁶ Там же, 18.19, л. 40.
- ¹⁷ Там же, 18.18, л. 22 об.
- ¹⁸ Там же, 18.24, л. 36 об.
- ¹⁹ Там же, 18.20, л. 26.
- ²⁰ Там же, 18.18, л. 64 об.
- ²¹ Там же, 18.21, л. 23 об.
- ²² Там же, 18.18, л. 24.
- ²³ Там же, л. 18.19, л. 5 об.–6.
- ²⁴ Там же, л. 19.
- ²⁵ Там же, 18.23, л. 9.
- ²⁶ Там же, л. 26 об. – Отмечу попутно след. подробности о Герцене в письмах Нат. Ал. к Некрасовой: “Герцен не праздновал своих именин, а только день рождения; над именинами Герцен всегда смеялся, говоря, что глупо праздновать их...” (там же, 18.26, л. 43 об.); “Я нашла в бумагах выписку диакона, где сказано, что я родилась 3 октября 1829 г., а 4 октября крещена, а Герцен, бывало, устраивал 2 июля прогулку в лес, в окрестности Лондона, но внутри я была печальна: лес был не русский” (там же, 18.24, л. 18 об.).
- ²⁷ Там же, 18.26, л. 49 об.–50.
- ²⁸ Там же, 18.19, л. 14 об.
- ²⁹ Там же, 18.18, л. 57.
- ³⁰ Там же, л. 59.
- ³¹ Там же, л. 26.
- ³² Там же, л. 65 об.–66. – Говоря о второй жене, Нат. Ал. имеет в виду себя.
- ³³ Оттиск из журнала “Северный вестник”, 1895, № 9, с. 89–122.
- ³⁴ РГБ, ф. 196, 18.20, л. 7.
- ³⁵ См. воспроизведение фотографии в книге 1-й наст. тома.
- ³⁶ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 10.
- ³⁷ Там же, 18.17, л. 10.
- ³⁸ Оля – приемная дочь Нат. Ал. Ее родной матерью была Н.Н. Сатина – племянница Тучковой-Огаревой, а отцом, по-видимому, местный крестьянин А.Н.С., сын мельника. Свое отчество Оля получила по крестному отцу (см. И.Д. В о р о н и н. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. – Саранская квартира Н.А. Тучковой-Огаревой. Саранск, 1976, с. 93. Автор книги, между прочим, сообщает (с. 93), что в Пензенском областном архиве хранится дело о полицейском надзоре над Тучковой-Огаревой (ф. 5, д. 6219, л. 1–54). Поскольку Оля была рождена вне брака, родственную связь приходилось тщательно скрывать.
- ³⁹ РГБ, ф. 196, 18.19, л. 4.
- ⁴⁰ Там же, л. 49 об.
- ⁴¹ Там же, 18.17, л. 6.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же, л. 5–9 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 27 об.
- ⁴⁵ Они – т.е. Герцен и его первая жена.
- ⁴⁶ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 26–26 об.
- ⁴⁷ Там же, 18.19, л. 40.
- ⁴⁸ Там же, л. 45.
- ⁴⁹ Там же, л. 28 об.
- ⁵⁰ Там же, 18.25, л. 20–20 об.
- ⁵¹ Там же, 18.18, л. 42 об.
- ⁵² Там же, 18.19, л. 6.
- ⁵³ Там же, 18.22, л. 21 об.–22.
- ⁵⁴ Там же, 18.17, л. 7 об.–8. Речь идет о семитомном Собрании сочинений Герцена изд. Ф.Ф. Павленкова (СПб., 1905).

- 55 Там же, 18.18, л. 25–25 об.
- 56 Там же, л. 59. – Нат. Ал. подразумевает свое сближение с Герценом в 1856–1857 г.
- 57 Там же, 18.20, л. 23.
- 58 Там же, 18.17, л. 31 об.
- 59 Там же, 18.20, л. 11 об.
- 60 Там же, 18.26, л. 8–8 об.
- 61 Там же, л. 1 об.
- 62 Братья Сатины – Александр, Алексей, Михаил, Николай.
- 63 РГБ, ф. 196, 18.18, л. 61 об.–62.
- 64 Там же, 18.25, л. 44–45 об.
- 65 Там же, л. 5–5 об.
- 66 Там же, л. 5–5 об.
- 67 См. “Лит. наследство”, т. 63, с. 523 и 536.
- 68 Бульвар Prince Eugène после падения III Империи был переименован в бульвар Voltaire.
- 69 Речь Г.Н. Вырубова над гробом Герцена напечатана в Л XXV, 555.
- 70 Автор надгробной статуи Герцена – П.П. Забелло.
- 71 Литография. Спринка воспроизведена в наст. кн., с. 64. Под снимком – имеется в виду не фотография, а рисунок, изображающий Герцена на смертном одре. Под рисунком, вероятно, рукою художника написано по-французски: “С натуры. И Спринк. Париж. 21 января 70 г.”
- 72 Вырезка хранится в РГБ, ф. 69, 13, л. 213.
- 73 Там же, ф. 196, 18.25, л. 25; ср. 18.18, л. 24 об.
- 74 Там же, 18.23, л. 14.
- 75 Там же, 18.18, л. 57.
- 76 Там же, л. 19 об.
- 77 См. Пассек II, 519–548.
- 78 РГБ, ф. 196, 18.22, л. 34.
- 79 Там же, 18.24, л. 31.
- 80 Там же, 18.18, л. 3.
- 81 Там же, 18.27, л. 3.
- 82 Там же, 18.18, л. 4 об.
- 83 Там же, л. 8 об.–9.
- 84 Н.А. Герцен умерла 2 мая 1852 г.
- 85 В 1904 г. исполнилось 52 года со дня смерти Н.А. Герцен.
- 86 РГБ, ф. 196, 18.27. Намек на мораль басни Крылова “Петух и жемчужное зерно”: “Невежи судят точно так: в чем толку не поймут, то всё у них пустяк”.
- 87 Там же, 18.18, л. 8 об.
- 88 Там же, л. 19.
- 89 Там же, л. 24.
- 90 Там же, 18.25, л. 10.
- 91 Там же, 18.18, л. 10–10 об.
- 92 Там же, л. 27–27 об.
- 93 Там же, л. 27.
- 94 Там же, 18–19, л. 4 об.
- 95 Там же, 18.18, л. 41 об.
- 96 Анненков, 326.
- 97 РГБ, ф. 126, 18.25, л. 9 об.–10.
- 98 Там же, л. 9.
- 99 Там же, л. 12 об.
- 100 Там же, 18.18, л. 28–28 об.
- 101 Анненков, 326.
- 102 РГБ, ф. 196, 18.18, л. 23 об.
- 103 Эмма, Горас и Ада Гервеги.
- 104 РГБ, ф. 196, 18.25, л. 14 об.; ср. 18.26, л. 12 об.
- 105 См. прим. 136.
- 106 Это письмо неизвестно.
- 107 РГБ, ф. 196, 18.22, л. 42–43 об.
- 108 Там же, 18.18, л. 9.
- 109 Там же, л. 9–9 об. (см. прим. 106).
- 110 Там же, 18.19, л. 6–6 об. И письма Нат. Ал., и мемуары свидетельствуют о ее неоспоримом литературном таланте.
- 111 Там же, 18.18, л. 57.
- 112 Там же, 18.18, л. 57.
- 113 См. сб.: Памяти Белинского. М., 1899, с. 212.
- 114 РГБ, ф. 196, 18.70, л. 59.
- 115 РГБ, ф. 196, 18.20, л. 4.
- 116 Вероятно, “Герцен и Н.А. Захарьина” (см.: РМ, 1893, № 1. С. 98–141).
- 117 Младший сын Герцена Володя родился и умер под утро 30 апреля 1852 г. Отмечу, что этим именем, с одобрения отца, А.А. Герцен позднее назвал своего первенца.

¹¹⁸ РГБ, ф. 196, 18.26, л. 14–14 об.

¹¹⁹ Там же, ф. 196, 18.18, л. 25 об.

¹²⁰ Тучкова-Огарева, 159.

¹²¹ Огарев и Нат. Ал. приехали в Лондон из России 9 апреля 1856 г., т.е. через четыре (а не три) года после смерти Н.А. Герцена.

¹²² РГБ, ф. 196, 18.18, л. 19 об. Акварельный портрет Н.А. Герцена на смертном одре (Жюли Массе) и “Похороны Н.А. Герцена на горе Шато в Ницце” (И. Каффи) воспроизведены в “Лит. наследстве”, т. 63, с. 705 и 361.

¹²³ Объемистый “рассказ” Н.И. Утиной (Корсини) “Жизнь за жизнь” был напечатан в “Вестнике Европы” (1885, № 4–6) под псевдонимом *Таль*. Биограф Герцена В.Е. Чешихин-Ветринский назвал его “обработкой”, “во многом фантастической”, внешних отношений Герцена, его жены и Гервега. “В романе выведены страстно любящие друг друга знаменитый писатель, его жена и модный австрийский романист, друг дома. Некая интригантка, жена близкого друга писателя, рядом хитрых маневров сеет между мужем и женою острую рознь и толкает ее в объятия австрийца, чтобы самой предательски занять ее место”. «Роман менее всего может похвастать талантливостью, – заключает биограф, – почему и носит все черты явной, чудовищной слетни, особенно в отношении фигуры “интригантки”, которой приданы некоторые черты женщины, гораздо позднее вошедшей в жизнь Герцена» (Ч. В е т р и н с к и й. Герцен. СПб., 1908, с. 207–208). В последних строках намека на Нат. Ал.

¹²⁴ РГБ, ф. 196, 18.25, л. 23.

¹²⁵ Там же, 18.18, л. 7 об.

¹²⁶ Незадолго до того Нат. Ал. сообщала своей корреспондентке: “Я записываю все, что помню, о жизни Н.А. для вас и надеюсь скоро выслать” (РГБ, ф. 196, 18.20, л. 43).

¹²⁷ Мать Н.А. Герцен – И.А. Захарьина (Фролова). “Это была простая, но еще красивая женщина, на которую Наташа походила, как две капли воды, – писала в своих воспоминаниях Т.А. Астракова под впечатлением о встрече с Фроловой у Герцена в 1840-х годах (к ним она приехала в гости из Шапка, где жила с большой семьей – Пассек II, 324). Сама Пассек охарактеризовала ее как “простую бабу, неотесанную” (см. ниже). Герцен был недоволен ее приездами к дочери, но регулярно оказывал Фроловой и ее семье материальную помощь. – Среди ксерокопий различных документов, присланных “Литературному наследству” Институтом социальной истории (Амстердам), находится и упомянутое в “Былом и думам” прошение в Московскую духовную консисторию (от 4 апреля 1838 г.) невесты Герцена, девицы “Наталии Александровны” (т.е. Александровны) Захарьиной, дочери “иностранки Ивановой (Ивановны) Захарьиной”. В нем она сообщает, что родилась 22 октября 1817 г. в приходе Иоанна Богослова и что крещение ее совершено в том же приходе октября 24 числа. “Ныне же, – пишет она далее, – по смерти родительницы при вступлении моем в законный брак, для удостоверения в совершеннолетии, нужно мне о времени рождения и крещения моего метрическое свидетельство. А потому покорнейше прошу Московскую духовную консисторию для прописанной надобности выдать мне оное”. Простение заверено другом Герцена (а потом и Наталии Александровны), Т.А. Астраковой. Прислана редакции “Литературного наследства” и ксерокопия с копии свидетельства Консистории о выдаче запрашиваемого свидетельства насчет рождения Н.А. Захарьиной “в доме генерала Александра Алексеевича Яковлева (т.е. дяди Герцена) от иностранной дворянки Ксении” и о ее крещении, причем восприемником новорожденной Наталии был тот же генерал Яковлев (ее фактический отец). Иностранка Ксения была придумана для того, чтобы более надежно скрыть ее близкую родственную связь с женихом – Герценом, которому она приходилась двоюродной сестрой. Обнаружение этой связи грозило бы не только признанием брака недействительным, но и подвергло бы брачующихся суровому уголовному наказанию.

¹²⁸ Вероятно, А.Ф. Снаксарев (ср. Павленков, 324).

¹²⁹ А.С. Бирюков, чиновник Министерства юстиции.

¹³⁰ *будочники* – полицейские солдаты.

¹³¹ Сын Герцена Иван, родившийся и умерший в 1841 г. Назван так в честь И.А. Яковлева (ср. Л.Я. Г и н з б у р г. “Былое и думы” Герцена. (Л.), 1957).

¹³² Сын Герцена, также названный Иваном, родился в 1842 г., прожил всего несколько дней.

¹³³ Коля Герцен; назван так в честь Огарева.

¹³⁴ По словам Пассек, горничную звали “Дашкой”, т.е. Дарьей (см. ниже).

¹³⁵ Дочь Герцена Лика (Елизавета), очевидно, названная так в честь Е.Б. Грановской. Родилась 30 декабря 1845 г.

¹³⁶ “Развод”. Здесь имеется в виду прекращение супружеских отношений.

¹³⁷ Из стихотворения А.В. Кольцова “Дума сокола”.

¹³⁸ Й. Рейхель умерла летом 1849 г. (ср. “Былое и думы” – IX, 45).

¹³⁹ Воспитатель Коли – Й. Шпильман.

¹⁴⁰ Акварель художника А. Гийо воспроизведена в т. 61 “Литературного наследства”, с. 323; ср. Х. 258, 491 и XXIV, 492.

¹⁴¹ Ср. “Былое и думы” (Х, 258–262).

¹⁴² Племянница матери Герцена (его двоюродная сестра) Луиза Суццер.

¹⁴³ *горничная* – Л. Меассалер.

¹⁴⁴ Ср. Х, 163.

¹⁴⁵ Письмо Н.А. Герцен к Нат. Ал. от 29 февраля 1852 г. в кн. 1 наст. тома.

¹⁴⁶ Ср. Х, 258–262.

¹⁴⁷ РГБ, ф. 196, 18.25, л. 1–9 об.

¹⁴⁸ Там же, 18.17, л. 29 об.

¹⁴⁹ Там же, 18.21, л. 1–3. *Аза* – прозвище Огарева, часто употреблявшееся в семье Герцена. Встреча с Н.А. Захарьиной произошла в Москве не на Девичьем, а на Ходыньском поле. *Людмила* – подруга студенческих лет Герцена, родная сестра В.В. Пассека. *Полина Медведева* – “вятская возлюбленная” Герцена. *Ребенок* – первенец Герцена Саша.

¹⁵⁰ Имеется в виду копия приведенного письма.

¹⁵¹ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 16.

¹⁵² Там же, л. 64 об.

¹⁵³ Там же, л. 23.

¹⁵⁴ Там же, 18.27, л. 19 об.

¹⁵⁵ Там же, 18.18, л. 47–47 об.

¹⁵⁶ Там же, 18.19, л. 13–13 об.

¹⁵⁷ Там же, л. 13 об.–14.

¹⁵⁸ Там же, 18.17, л. 2 об.

¹⁵⁹ Там же, 18.19, л. 8 об.

¹⁶⁰ Там же, л. 7 об.–8.

¹⁶¹ Там же, 19. л. 8.

¹⁶² Там же, 18.22, л. 20 об.

¹⁶³ Там же, 18.19, л. 25.

¹⁶⁴ Там же, 18.20, л. 8 об. Сестра – А.П. Плаутина.

¹⁶⁵ Там же, 18.17, л. 2–2 об.

¹⁶⁶ Там же, 18.18, л. 67–67 об.

¹⁶⁷ Там же, 18.19, л. 66–67 об.

¹⁶⁸ Побочный брат Огарева – сын крепостной крестьянки, купец второй гильдии *И.И. Маршев* – приобрел в 1847 г. совместно с Огаревым писчебумажную фабрику в Корсунском уезде Симбирской губернии на деньги, данные Огареву займы Герценом.

¹⁶⁹ Герцен шуточно прозвал братьев Немвродовых *Навуходоносорами* (см. XXII, 326; *Звенья* I, 107–108).

¹⁷⁰ РГБ, ф. 196, 18.20, л. 37–38.

¹⁷¹ Там же, 18.25, л. 6 об.

¹⁷² Там же, 18.17, л. 2.

¹⁷³ Там же, л. 2 об.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же, 18.25, л. 6.

¹⁷⁶ Там же, 18.23, л. 15 об.–16.

¹⁷⁷ Там же, 18.17, л. 1–1 об.

¹⁷⁸ Там же, 18.26, л. 12 об.–13.

¹⁷⁹ Там же, 18.20, л. 9. Указание не совсем точное. Отдельные романсы Огарев писал и на тексты своих стихотворений (напр., “Я в кибитке валкой еду да тоскую” (см. *ОРО*, 76, № 582).

¹⁸⁰ “У меня несколько его музыкальных сочинений, они мне очень нравятся, но все это в Акшене. Всего лучше были его фантазии, которых он никогда не записывал”, – отмечала Нат. Ал. в одном из писем к Некрасовой.

¹⁸¹ РГБ, ф. 196, 18.19, л. 13 об.

¹⁸² Там же, 18.20, л. 16–17.

¹⁸³ Там же, 18.17, л. 22–22 об.

¹⁸⁴ Там же, л. 20.

¹⁸⁵ У Е.В. Сальяс де Турнемир было трое детей: сын Женя и дочери Маша и Оля.

¹⁸⁶ РГБ, ф. 196, 18.17, л. 25.

¹⁸⁷ Евдокия Васильевна Сухова-Кобылина (Душенька). Ей посвящен цикл лирических стихотворений Огарева 1840-х годов (см. “Лит. наследство”, т. 61, с. 604–634).

¹⁸⁸ См. об этом выше в публикации писем Нат. Ал. к Н.А. Герцен и Герцену. Письма Огарева того времени свидетельствуют о том, что Елизавету Васильевну он сильно любил и испытывал неподдельную радость от ее пребывания в его доме.

¹⁸⁹ О “Племяннице” Е. Тур и других ее произведениях см. выше.

¹⁹⁰ РГБ, ф. 196, 18.17, л. 29–29 об.

¹⁹¹ Стихотворение “Рыцарь на час” (1860).

¹⁹² РГБ, ф. 196, 18.23, л. 27–27 об.

¹⁹³ Там же, 18.25, л. 25.

¹⁹⁴ Речь идет о Мери Сетерленд и ее сыне Генри.

¹⁹⁵ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 32. Запись о Мери Сетерленд, которую упоминает Нат. Ал., неизвестна.

¹⁹⁶ Там же, 18.26, л. 8 об.

¹⁹⁷ Близнецы Леля-бой и Леля-гёрл, скончавшиеся в Париже в декабре 1864 г.

¹⁹⁸ *Дочь* – Лиза.

¹⁹⁹ Вольная русская типография была переведена в Женеву в 1864–1865 гг.

²⁰⁰ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 30 об.

²⁰¹ Там же, ф. 196, 18.26, л. 8 об.

²⁰² Там же, 18.25, л. 49.

²⁰³ Там же.

- 204 Там же, 18.18, л. 31.
- 205 Там же, л. 13 об. Письма Огарева, на которые Нат. Ал. ссылается, неизвестны.
- 206 Это письмо Огарева неизвестно.
- 207 *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 2 об.–3.
- 208 Там же, 18.18, л. 31 об.
- 209 Там же, л. 34 об.
- 210 Ср. XXIX, 368, XXX, 80, 153.
- 211 *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 49 об.
- 212 Там же, 18.26, л. 3 об. Шарлотта Гётсон покончила с собой 1 июня 1867 г.
- 213 Там же, 18.18, л. 68.
- 214 Там же, 18.25, л. 49.
- 215 Там же.
- 216 Стихотворение “Безлунною ночью плыл труп по реке”. Впервые напечатано в *РП* II, 172 по рукописной копии, снятой Нат. Ал. (см. *Огарев 1956*, с. 764 и 869).
- 217 *РГБ*, ф. 196, 18.17, л. 6.
- 218 Там же, 18.25, л. 51.
- 219 Там же, 18.19, л. 8 об.
- 220 Вероятно, речь идет о портрете Огарева и его первой жены, воспроизведенном в книге И.Д. Воронина “Литературные деятели и литературные места в Мордовии” (Саранск, 1976) между с. 256 и 257, л. 2 об.
- 221 *РГБ*, ф. 196, 18.24, л. 17 об. Портрет не сохранился. Вероятно, именно он висел на стене кабинета Огарева в Гринвиче и воспроизведен как аксессуар на фотографическом снимке этой комнаты (см. “Лит. наследство”, т. 61, с. 569). Этот отроческий портрет (1827–1828) очень нравился Герцену, писавшему в “Былом и думах”: “Живописец чудно схватил богатые каштановые волосы, отрочески неустоявшуюся красоту его неправильных черт и несколько смуглый колорит; на холсте виднелась задумчивость, предвещающая сильную мысль; безотчетная грусть и чрезвычайная кротость просвечивали из серых больших глаз, намекая на будущий рост великого духа...” (VIII, 82–83). Сам же Огарев называл этот портрет “отвратительной живописью”; столь же несправедливо оценивал он и свое лицо (см. *Огарев II*, 188–189).
- 222 *РГБ*, ф. 196, 18.24, л. 17 об.
- 223 Там же, 18.25, л. 2–2 об.
- 224 Там же, л. 15.
- 225 Там же, 18.22, л. 14.
- 226 Там же, л. 14 об.
- 227 Там же, 18.20, л. 42.
- 228 Там же, л. 10.
- 229 Там же, 18.26, л. 15 об.
- 230 Там же, 18.25, л. 3 об.
- 231 Там же, л. 24.
- 232 Там же, 18.25, л. 19.
- 233 Там же, 18.26, л. 20 об.
- 234 Там же.
- 235 Там же, 18.18, л. 10 об.
- 236 Там же, 18.25, л. 9–10.
- 237 Там же, л. 12 об. – После самоубийства Лизы М.К. Рейхель обратилась к Нат. Ал. со следующим сочувственным письмом: “Милая Наталья Алексеевна! Сию минуту узнала я о вашем страшном горе, у меня нет никаких слов для утешения, да оно в настоящую минуту едва ли возможно, но меня влечет сказать вам, как мне близко и чувствительно ваше несчастье, пожать вам руку, обнять вас, плакать с вами, бедная, милая Наталья Алексеевна. Больше ничего не могу сказать вам, я надеюсь через Тату узнать о вас. Туц пришел домой, и, когда я ему сообщала, он очень опечалился и сидит молча, притих. Обнимаю вас еще раз, всем сердцем сочувствующая М. Р е й х е л ь” (*РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 255).
- 238 *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 13–13 об.
- 239 Там же, л. 16–16 об.
- 240 Там же, л. 34 об.
- 241 Там же, 18.26, л. 49.
- 242 Там же, 18.17, л. 32 об.
- 243 Там же, 17.26, л. 49 об.–50.
- 244 Там же, 18.26, л. 49 об.–50.
- 245 Там же, 18.20, л. 21–22.
- 246 Там же, 18.18, л. 4.
- 247 Там же, 18.25, л. 32.
- 248 Имеется в виду коллекция рукописных и иконографических материалов, собиравшихся Некрасов (легли в основу “Комнаты людей 1840-х годов” Румянцевского музея).
- 249 По-видимому, революционный марш или гимн.
- 250 18.24, л. 18–18 об. Нат. Ал., как известно, ходила бок о бок с Герценом, М.К. Эрн-Рейхель и своей сестрой Еленой на революционные демонстрации в Риме в начале 1848 г., см. выше. Рейхель всегда принимала душевное участие в жизни Герцена и его семьи. Именно к ней после смерти своего друга, 24 января 1870 г., в “понедельник вечером”, Огарев написал письмо, очевидное, являвшееся ответом на ее запрос о реальности слуха насчет смерти Герцена. Это письмо Огарева не вошло в свое время в заклю-

чительный том "Летописи жизни и творчества Герцена". Приводим его сейчас: "Старый друг Марья Каспаровна, никто тут не виноват. Герцен не хотел, чтобы мне сообщили, что болезнь сколько-нибудь опасна, и, когда мне сообщили неопределенной телеграммой, и я собрался ехать, несмотря на то, что моя сломанная нога не дает мне способа путешествовать, то вслед за той телеграммой получил другую, что уже поздно и он умер. – Тхоржевский поехал, а я жду здесь – когда кто приедет. Все в Париже здоровы; кажется, Тата совсем выздоравливает, если уже не выздоровела. Ее письма чрезвычайно симпатичны. Что же я вам могу сказать более? Я ни о чем не подумал, потому что и сам недостаточно знал, что и как. За день до смерти Герцен сам писал ко мне две строчки. Я и не ждал, что я его переживу. – Вот все, что могу сказать теперь, предоставляя себе право написать более подробностей, когда их узнаю. – Умер он от pleuresie. – Жму руку Адольфу. – Прощайте" (автограф. РГБ, ф. 69, 8.329, л. 1).

²⁵¹ Сохранилось письмо Нат. Ал. к Мальвине Мейзенбург из Монпелье от 22 декабря 1864 г., которое в какой-то мере опровергает ее постоянный тезис о лютый ненависти, будто бы питаемой к ней Мейзенбург. Письмо написано вскоре после гибели от дифтерии ее детей-близнецов. Когда заболела Леля, Мейзенбург предложила приютить у себя мальчика, чтобы предохранить его от заражения, но Нат. Ал. ей отказала; может быть, по этой причине он заболел и умер вслед за сестрой. Об этом идет речь в письме Нат. Ал. (перевод с французского): «Милый, милый друг, да, если бы вы его взяли, то хотя бы он остался жив... О! поверьте мне, я чувствую, что была и для своих детей такой же мачехой, как для Таты и Ольги. Нет для меня утешения... Единственное облегчение, которого жажду, – это иметь возможность показать вам всем, что я вас люблю; что последние мои дни принадлежат вам столько же, сколько Лизе. Не бойтесь меня больше, милый, бедный друг, я уже не та эгоистичная женщина, которую вы знали, я прошла через истинную скорбь, нахожусь в Чистилище, но еще кричу вам: "Больше не бойтесь меня, немножко меня любите, ибо я крайне несчастна... меня не жалеете, ибо это все заслужено мною..." Прощайте, мне хотелось бы видеть вас, я полна нетерпения видеть вас; если же случится, что мы не увидимся более, то простите меня, простите, простите мне все и от всей души; это единственное облегчение, о котором я молю. Навсегда ваша» (Vinant, 198–199; о датировке см. XXVIII, 23, 29 и 283).

Мейзенбург откликнулась на гибель Лизы (декабрь 1875 г.) длинным письмом, обращенным к Нат. Ал. Приводим его здесь с небольшими купюрами (перевод с французского):

"Я написала бы вам раньше, чтобы горячо поблагодарить за присланный вами портрет Лизы, бедная, бедная Натали, если бы глаза мои не были в последнее время столь плохи – а именно это письмо мне не хотелось бы диктовать. Вам от Нерины известно, что сердце мое не безмолствовало, хотя уста и молчали, и я совершенно правдиво могу сказать, что лишь немногие так сильно страдали с вами, как я. Мне пришлось сделать над собой неимоверные усилия, дабы не совсем изнемогнуть, при жалких остатках моего здоровья от невыразимой скорби. – Узнав, что случилось. Вы знали и никогда не сомневались в том, до какой степени я искренна и как сильно я ее любила с самого ее детства, а увидев ее позднее, уже барышней, во Флоренции, в прошлом году, когда она была здесь, я к ней почувствовала истинно материнскую нежность. Полагаю, что от меня она получала лишь благие советы, и если бы она прислушивалась к моим мнениям, то не оставалась бы во Флоренции, а отправилась бы в Париж, чтобы присоединиться к вам, поскольку я всегда внушала ей понятия о долге по отношению к вам как к первейшему из долгов.

Но стоит ли возвращаться к непоправимому прошлому теперь, когда надлежит лишь оплакивать ее и окружать память о ней ореолом любви и глубоких сожалений? Именно так и живет она в моем сердце, совершенно преобразованная и даже обогороженная своей смертью, которая показала, что она жива и обладала поистине героической душой. И не могу вам не признаться, что со времени ее смерти, я почти прониклась уверенностью, что на нашем земном шаре есть нечто такое, что переживет эфемерное наше существование (...) И я уверена, что Лиза живет той жизнью, которой мы, ограниченные своим разумом, заключены в клетку своей узкой индивидуальности, не можем иметь представления (...) Да проникнет эта мысль в ваше сердце и внесет туда смирение пред судьбой и силу надежды. Дочь ваша обладала душой, способной к гигантскому развитию, в ней жили стремления, которые звали к решению великих задач и презирали мелочность обыденной жизни. Так вот, такие души не умирают, что бы ни говорили материалисты; души эти живут, дабы развиваться в бесконечности. Но, бедная Натали, что будете вы делать? Первая моя надежда в отношении вас – вернее, единственная надежда, – что я увижу, как вы уезжаете в деревню к своему отцу, в Россию и к детям своей сестры – по крайней мере, к тем существам, которых вы любите и которых еще могли бы окружить заботой, если для вас самой – и это мне очень хорошо понятно – все умерло, и раз вам ничто уже не может принести блага. Однако, судя по тому, что говорит мне Нерина, вы на это не решаетесь. А ведь это ваша родина, это ваш народ, который вы так любили прежде, которому вы еще могли бы принести много добра. Но я понимаю и то, что вам трудно покинуть Ниццу, где смерть удерживает вас более, нежели жизнь в другом месте.

Мне хотелось бы вам сказать еще многое, но сделать это сегодня я не смогу из-за состояния моих глаз. Поверьте, однако, что во глубине души я разделяю вашу муку и что я немедленно явилась бы к вам, если бы не подумала, что мой приход может показаться вам неприятным. Но если бы я могла подумать, что это может быть вам приятно, то написала бы вам снова, ибо в самой глубине души я преисполнена сочувствия к вам. – М а л ь в и н а".

Нельзя не отметить, что в письме к своему другу Ф. Ницше Мейзенбург сочла нужным безоговорочно заявить, что Лиза покончила с собой "из ненависти к своей матери, демонической натуре, в которой воля выступает в страшной и губительной форме"; эта женщина, по ее словам, "омрачила последние годы жизни Герцена, коюсть его детей, в особенности Ольги" и жизнь Мейзенбург. "Ее страшное, ее ужасное влияние достигло крайней точки в гибели ее собственного ребенка" (перевод с немецкого, см.: Nietzsche. Briefwechsel. 2 Abt., Bd. V. B.; N.-Y., 1980).

252 РГБ, ф. 196, 18.25, л. 11.

253 Там же, 18.27, л. 23–23 об.

254 См. ниже, с. 615.

255 См. кн. 1-ю наст. тома.

256 РГБ, 18.18, л. 12 об.–13.

257 Там же, 18.25, л. 5 об.

258 Там же, 18.17, л. 9 об.

259 Там же, л. 9.

260 Там же, 18.18, л. 68.

261 Там же, л. 336.

262 Там же, л. 12 об.

263 Там же, 19.19, л. 19 об.

264 Там же, 18.18, л. 39 об.

265 Там же, 18.21, л. 39 об. Очерк Нат. Ал. о Саше Герцене остается неизвестным. Возможно, он входил в состав ее незаконченных воспоминаний, озаглавленных «Три очерка» и предназначенных для печати. Большое место уделено в них пасынку. Младшая дочь Герцена, сыгравшая не совсем благовидную роль в отношении собаки, переименована из *Ольги* в *Берту*. Вот фрагмент из этих воспоминаний:

«Мне хотелось бы описать, насколько смогу, характеры и жизнь детей одного выдающегося писателя. Начну со старшего.

В Лондоне в пятидесятых годах А.А. Герцен был юноша лет 17-ти, от 10 до 15 лет он был необыкновенно хорош собой, как мне говорили и как я видела по портретам: его темно-серые глаза, крутой лоб и разлитое во всех чертах выражение ума, доброты и невинности привлекали к нему всеобщее внимание; но, когда я его увидела, — я ее не купил, она стоит только сто тридцать франков». — «Как, ее приведут?» — переспросил отец, улыбнулся и ничего более не сказал, как будто соображая и решая что-то в себе самом. Вскоре человек доложил, что собаку привели. «А», — сказал отец и, отсчитав деньги, подал их с улыбкой сыну. Последний был вне себя от радости. Собака была действительно прекрасная. По праздникам он ходил с ней гулять, в свободное время бегал с ней по саду, сестры его тоже играли с собакой, она была необыкновенно добрая и ласковая; сначала боялись, чтоб она не укусила меньшую, любившую дразнить всех, но впоследствии успокоились, глядя на ее умные и добрые глаза. Она имела привычку класть свою большую голову кому-нибудь из семьи на колени, махая хвостом, с такой любовью глядела в глаза своими умными, ласковыми глазами. Однако первые опасения оправдались, месяца два спустя случилось нечто очень неприятное у них в доме: их учительница сидела с старшей сестрой (Татой) в маленьком парлере, где последняя готовила обыкновенно свои уроки, а учительница читала; меньшая играла в саду. Возвращаясь с какой-нибудь лекции, А.А. всегда заходил к нам поболтать немного, всегда с своей собакой. В этот день Берта (!) пришла из сада и стала гладить собаку, но мне помнится, что А.А. ее резко остановил. «Так нельзя мучить собаку, Берта, она тебя укусит», — сказал он. — Едва выговорил он эти слова, как Берта опять наклонилась к собаке, которая взвизгнула и огрызнулась... Это совершилось так быстро, моментально, что, когда я обернулась, по лицу Берты текла кровь, она плакала, в руке ее был цельный грифель; я взяла ее на руки и понесла в кухню, чтоб промыть поскорей ее лицо и удостовериться, что глаза целы. Учительница была очень испугана. А.А. шел за мною и старался оправдать, защитить своего друга. «Наташа, да вы все выслушайте, ведь она воткнула ей грифель в ухо, ведь это невозможно, никто не стерпит, она сама виновата, ведь я ее останавливал, она сама слышала», — говорил он перепуганным.

Узнав от Франца о том, что случилось, (Герцен) сам явился в кухню и тотчас послал за фельдшером близживущим. Осмотрев лицо, отец сказал: «Ну, это еще ничего, могло быть и хуже, но ты видишь, что собак нам нельзя держать». Фельдшер немедленно явился и прижег ляписом рану на лице ребенка; их были две, одна маленькая около носа и под глазом. Вероятно, он предположил, что собака может, бешеная; от прижигания раны оставили след навсегда. Потом Герцен сказал сыну, чтоб он подарил собаку садовнику, который продаст ее в свою пользу. И бедный Саша не возражал, хоть это было крайне неприятно для него. Герцен не был особенно ласков с детьми, и меньше всего с Сашей. Каждый раз, как, сойдя вниз из гостиной, где занимался, он заставлял его в маленьком парлере, он очень сердился на сына: «Ты непростительно теряешь время, — говорил резко Александр Иванович, — ты должен много читать в свободное время». — «Иду, иду, — отвечал, улыбаясь, Саша. — Правда, и заниматься-то некогда, — брал чего-нибудь холодного у Франца и опять в омнибус.

Я была у Саши вроде старшей сестры, он любил (со мной) говорить и впоследствии поверять свои скоротечные романы. Иногда Герцен меня спрашивал, о чем мы толкуем с Сашей, — я стеснялась ему дать ответ на этот счет, потому что все говоренное Сашей доверялось мне одной, однако Герцен вывел меня сам из затруднения: «Да я не исповеди от тебя требую, я хочу только объяснить нечто. Во-первых, я гадаю, что он тебе поверяет, но ты пойми, что это даже очень хорошо для меня (узнать) через тебя» (РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 195. Текст подготовлен М.И. Т р е п а л и н о й).

Произошла эта история с собакой не во Франции, а в Лондоне 3 апреля 1859 г. (Так Наталья Алексеевна из-за Ольги "заметала следы"). Герцен упомянул о случившемся в одном из своих писем, особо отмечая, что вследствие досадного происшествия было отменено празднование его дня рождения (см. XXVI, 170).

Другой отрывок из воспоминаний Нат. Ал. также связан с А.А. Герценом и его предполагаемой женитьбой на Эмме Урих (в начале 1860-х годов) и женитьбой на Терезе Феличи (в 1868 г.):

"У Герцена была одна заветная мечта: чтоб сын, когда будет думать о женитбе, женился на русской, а дочери вышли бы за русских, но не суждено было этой мечте когда-нибудь осуществиться; тут еще я приведу доказательства, что Герцен не был деспотом в своей семье. Первый раз как А(лександр) А(лександрович), еще очень молодой, вздумал жениться на племяннице К. Фогга, он писал о том своему отцу и просил его согласиться. По вышесказанному о мечте Герцена относительно его детей можно себе представить какой это был удар для него; девушка эта была немка. С другой стороны, Герцен считал сына еще слишком молодым для совершения такого серьезного шага в жизни. Представив все причины против этого брака, Герцен советовал отложить это намерение, но А.А. настаивал; тогда Герцен согласился, сознавая, что нельзя лишить А.А. права решать свою судьбу.

Через несколько месяцев невеста А.А. посетила нас в Лондоне и даже гостила у нас, Герцен встретил ее как близкую и все время обращался с ней, как с дочерью. Я выразила ему мое удивление, но он отвечал мне с своей светлой улыбкой (если бы она была живописец, как бы я воспроизвела эту улыбку и как бы она осветила многое для многих). "Мало ли о чем мы мечтаем для детей, – сказал он, – они иначе понимают, и пусть будет иначе, и все должно быть забыто". Никто не мог бы подумать, чтоб он был против этого брака, который впоследствии не состоялся. А.А. отправился с К. Фоггом в морскую экспедицию, продолжавшуюся шесть месяцев, а молодая девица сопровождала своих родителей в Америку, где они прожили год. Эта продолжительная разлука молодых людей кончилась тем, что они забыли друг друга. Через несколько лет А.А. опять задумал жениться; на этот раз на итальянке из народа. Опять Герцену не нравился выбор сына, потому что, по его мнению, самое большое неравенство заключается не только в различии образования, воспитания, взглядов, тенденций, но и традиций, передаваемых из поколения в поколение; эти мелочи жизни, к которым привыкают с рождения и которым нельзя научиться в книгах, имеют большое значение в ежедневной жизни.

А.А. настойчиво требовал согласия отца, который опять уступил его желанию. За год до своей женитьбы А.А. каждый вечер читал разные исторические и другие книги своей невесте в присутствии ее родителей. Таким образом он воспитал и образовал ее; впоследствии Герцен ее очень полюбил и удивлялся ее восприимчивости во всем. Деспотический отец в подобном случае не дал бы своего согласия сыну.

Иногда в очень светлом расположении духа Герцен говаривал нам: "Ах вы, бедные мои, как я чувствую, что если б вас всех деспотически вести, вы были бы много счастливее, но это противно моей натуре".

И теперь, после таких страшных испытаний, я, отходящая от сей жизни, сознаю, что он был прав; он мог нас сделать счастливее, если б мы не имели малодушия считать на собственные силы. Это не значит, чтоб я находила хорошим отречение от своей самостоятельности, но он был особенное существо, которому можно было доверить устройство своей жизни и даже жизни детей..." (РГАЛИ, ф. 39, оп. 1, ед.хр. 194, л. 4–6).

И, наконец фрагмент третьей статьи "Опыт очерка характера Александра Ивановича Герцена":

"В моей однообразной глуши доходят до меня слухи, будто некоторые личности, принадлежащие образованному обществу, считают Герцена деспотом, угнетавшим семью невозможными требованиями; поэтому с замиранием сердца, но искренне решаюсь моим неумелым пером описать его характер, привычки, склонности в семейном кругу.

Во второй части моих Записок, которые, по неизвестным для меня причинам, не пропущены цензурой, несколько видны черты великодушной и любящей натуры Герцена.

После воцарения Александра II, в 1856 году, мы приехали в Лондон; мы застали Герцена уже с детьми, при которых была немка Мальвида Мейзенбург, о которой буду говорить впоследствии. Маленькой Ольге тогда было только пять лет, Наталья Александровна одиннадцать, а старшему Александру семнадцатый год. Так как девочки были малы, Герцен ласкал их, но мало ими занимался. Что касается до А.А., то Герцен обращал тогда уже серьезное внимание на его занятия и требовал, чтоб он не только учился, но чтоб знакомился с литературой в свободные часы. Г. сам много читал вслух по вечерам из русской и французской литературы, а по-немецки и по-английски А.А. читал один. При этом постоянном подталкивании А.А. стал первым на всех курсах, посещаемых им, получал даже серебряные и золотые медали и пр. Но один из его профессоров говорил мне тогда еще, что только при такой настойчивости со стороны Г(ерцена) А.А. мог делаться старательным и деятельным учеником.

Г. жил в кругу изгнанников всех стран Европы; надо было иметь много доброты и великодушия, чтоб ужиться с узким эгоизмом иных, с мелким самолюбием других, с приторной добротой немцев и немки; кажется, последнее было всего неприятнее. Не только Герцен выносил их с светлой улыбкой, но даже невидимо помогал многим из них. Между эмигрантами мало было симпатичных, которых Герцен любил, как, например, Ворцеля, Саффи, Таландые...

Наблюдательный и насмешливый ум Герцена не мог не заметить самые малейшие оттенки смешного в окружающих, он постоянно смеялся над ними в глаза и за глаза. Впрочем, насмешка всегда была присуща его натуре: когда находился повод, он смеялся и над близкими, но так добродушно, что мы все сами над собой смеялись, увлеченные его юмором. Помню, что в минуты веселой насмешливости он называл меня "дама в чадре, домовитая хозяйка". Когда я была серьезна или не в духе, он называл меня Иваном Васильевичем Грозным или Людовиком Одиннадцатым. Его характер был преимущест-

венно светлый, открытый, но до того впечатлительный, что в одну минуту мог измениться в самый мрачный. Иногда, возвращаясь домой после обычной прогулки по Лондону в самом светлом расположении духа, он заставлял меня или кого-нибудь из домашних невеселым и сразу становился мрачным и даже угрюмым, тогда уж нелегко было переменить его настроение, он говаривал: “Во мне убили все светлое”. Отношения Герцена к прислуге были прекрасны: в них никогда не проглядывала барская повелительность. Он говорил со служащими просто, ласково, как старший, но говорил мало, потому что не имел времени для долгих бесед. Прислуга любила и уважала его в высшей степени. Во все время, проведенное мною в Лондоне, я никогда не видала, чтоб Герцен рассердился на кого-нибудь из служащих. Одна привычка была в нем какой-то необходимостью. Как бы рано он ни вставал, в 9 часов утра он пил кофий и любил хороший, крепкий кофий, но пил немного, с полчаски, и отправлялся к своим занятиям, но если по какой-нибудь случайности нам подавали плохой кофий, Герцен звонил с горячностью и говорил с жаром торопливо входящему повару: “Que diable, Jules, vous nous donnez un cafe tout-a-fait impossible”^{152*} и уходил в кабинет».

Рассказав о благородном поступке Герцена по отношению к шпиону-эмигранту Нидергуберу (еще до приезда в Лондон Огаревых), Нат. Ал. так завершила свой рассказ: “Чем же мне еще ярче указать на его самоотвержение, на величие его любящей души? Мне, когда я сама сознаю, что недостойна писать о нем, что нужно бы для этого лучшего человека, особенно талантливое перо – однако приходится говорить пока слушают, пока верят” (там же, ф. 39, оп. 1, ед.хр. 192, л. 1–8 об.). В этом последнем очерке Нат. Ал. особенно подробно рассказывает о взаимоотношениях Герцена с А.А. Серно-Соловьевичем и о его пребывании в доме Герцена – замке Буасьер близ Женевы.

²⁶⁶ РГБ, ф. 196, 18.22, л. 2 об.

²⁶⁷ Там же, 18.25, л. 22 об.

²⁶⁸ Там же, 18.29, л. 11. См. прим. 251.

²⁶⁹ Там же, л. 23.

²⁷⁰ Там же, 18.21, л. 17 об.–18.

²⁷¹ Там же, 18.25, л. 10.

²⁷² После поездки Некрасовой в Швейцарию Нат. Ал. писала ей: “Вижу, что Лугано вам понравилось – Герцен знал это место и много раз хотел там пожить, но не пришлось” (РГБ, ф. 196, 18.24, л. 20 об.).

²⁷³ Н.М. Сатин.

²⁷⁴ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 37–38 об. Шифф стал душеприказчиком несовершеннолетних дочерей Герцена.

²⁷⁵ Там же, 18.19, л. 11 об.

²⁷⁶ Там же, л. 6 об.

²⁷⁷ Там же, 18.18, л. 6 об.

²⁷⁸ Там же, 18.25, л. 5 об.

²⁷⁹ Там же, 18.18, л. 36 об.

²⁸⁰ Там же, л. 25 об.

²⁸¹ Там же, л. 43 об.

²⁸² Там же, л. 42–42 об.

²⁸³ О Г. Моно см. статью М. Мерво в кн. 1-й наст. тома.

²⁸⁴ РГБ, ф. 196, 18.21, л. 18–18 об.

²⁸⁵ Там же, 18.18, л. 12.

²⁸⁶ Там же, 18.18, л. 30 об.–31.

²⁸⁷ Там же, 18.18, л. 11. Нат. Ал. упрекает Н.А. Герцен в том, что она не отдалась целиком воспитанию своей младшей сестры Лизы и не предотвратила тем самым ее самоубийства.

²⁸⁸ Там же, 18.25, л. 6.

²⁸⁹ Пожар на “благотворительном базаре” – в центре Парижа (улица Жака Гужона) – произошел 4 мая 1897 г. В огне погибло 132 человека.

²⁹⁰ РГБ, ф. 196, 18.22, л. 22–22 об.

²⁹¹ Там же, 18.25, л. 39 об.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же, 18.24, л. 31–32.

²⁹⁴ Там же, 18.20, л. 19 об.

²⁹⁵ Там же, л. 22–23.

²⁹⁶ Там же, ф. 196, 18.24, л. 20 об.

²⁹⁷ Там же, 18.17, л. 25 об.

²⁹⁸ Там же, л. 7 об.

²⁹⁹ Там же, 18.20, л. 19 об.

³⁰⁰ Там же, 18.25, л. 6–6 об.

³⁰¹ Там же, 18.26, л. 9.

³⁰² О Пенизи см. ниже, в разделе “Н.А. Герцен (дочь)”.

³⁰³ РГБ, ф. 196, 18.26, л. 8 об.

³⁰⁴ Там же, 18.23, л. 11 об.

³⁰⁵ Там же, 18.26, л. 1.

³⁰⁶ Там же, 18.19, л. 19 об.

^{152*} “Какого черта вы нам даете совершенно невозможный кофий” (франц.).

- ³⁰⁷ Там же, 18.22, л. 41.
- ³⁰⁸ Этот эпизод отражен в переписке Герцена и в мемуарах Мейзенбург "Воспоминания идеалистки" и в воспоминаниях самой Нат. Ал.
- ³⁰⁹ Выписка из дневника к публикуемой рукописи не приложена.
- ³¹⁰ Относится к весне 1860 г. См. выше в наст. разделе публикации Л.Р. Ланского и М. Мерво "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Огареву и Герцену".
- ³¹¹ РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 191, л. 1–2.
- ³¹² Горничная Герценов Эрминия (Ерминия).
- ³¹³ РГБ, ф. 196, 18.26, л. 1 об.
- ³¹⁴ Там же, 18.18, л. 49–50. Нат. Ал., вероятно, предполагала, что Ольга родилась от Гервега.
- ³¹⁵ Там же, 18.20, л. 43 об.
- ³¹⁶ Там же, 18.19, л. 4 об. Выдержки из "Мемуаров идеалистки" появились в "Вестнике иностранной литературы", 1894, № 12.
- ³¹⁷ Там же, л. 15–15 об.
- ³¹⁸ Там же, л. 7–7 об.
- ³¹⁹ О Ф. Грегоровиусе и его отношениях с Герценом см. в "Лит. наследстве" т. 96, с. 197–198.
- ³²⁰ РГБ, ф. 196, 18.23, л. 24–24 об. Фрагменты из мемуаров Мейзенбург напечатаны в "Вестнике Европы", 1900, № 11.
- ³²¹ Это письмо неизвестно.
- ³²² РГБ, ф. 196, 18.19, л. 7 об.
- ³²³ Там же, л. 12.
- ³²⁴ Там же, 18.26, л. 17 об.
- ³²⁵ Там же, 18.19, л. 5–5 об.
- ³²⁶ Т.е. о Мальвиде Мейзенбург.
- ³²⁷ См. "Вестник Европы", 1900, № 11.
- ³²⁸ РГБ, ф. 196, 18.25, л. 42 об.
- ³²⁹ РГБ, ф. 196, 18.23, л. 27.
- ³³⁰ Там же, 18.17, л. 1 об.–2 об. Дневник молодой русской художницы М.К. Башкирцевой вышел в Париже на французском языке в 1887 г.
- ³³¹ РГБ, ф. 196, 18.17, л. 1–1 об., 2 об.
- ³³² Там же, 18, л. 30–31.
- ³³³ Там же, 25, л. 4 об.
- ³³⁴ Там же, 18.24, л. 8 об.
- ³³⁵ Там же, л. 11 об.
- ³³⁶ Т.е. детьми Герцена.
- ³³⁷ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 4. Нат. Ал. не знала, что статую для памятника Герцену изваял П.П. Забелла.
- ³³⁸ См. воспроизведение этого бюста работы А. Грасса в "Лит. наследстве", т. 96, с. 65 (хранится в Музее Герцена).
- ³³⁹ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 5.
- ³⁴⁰ А.А. Тучков умер в 1879 г.
- ³⁴¹ Ребенок – незаконнорожденная дочь Н.Н. Сатиной – Ольга.
- ³⁴² См. след. прим.
- ³⁴³ Сохранилось семь писем Нат. Ал. к Толстому за 1892–1893 гг. (напечатаны в сб. "Письма Толстого и к Толстому". М.; Л., 1928, с. 190–209), в которых она просила о присылке ей книг и журналов для крестьян своего имени, пострадавших от пожара. По желанию своего корреспондента она сообщила ему подробности о самосуде, устроенном своими крестьянами в 1887 г. над управляющим ее имением А.В. Станиславским и о ходе судебного процесса над ними. Записка Толстого к Нат. Ал. от 6 августа 1892 г. напечатана в т. 66 Полного собрания сочинений Толстого. М., 1948, с. 243.
- ³⁴⁴ РГБ, ф. 196, 18.18, л. 20 об.–21.
- ³⁴⁵ Имеются в виду Герцен, Огарев и Н.А. Герцен.
- ³⁴⁶ РГБ, ф. 196, 18.24, л. 31–31 об. Нат. Ал. ссылается на Наталью Александровну Герцен, первую жену писателя.
- ³⁴⁷ Там же, 18.23, л. 26 об.
- ³⁴⁸ Речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 гг.
- ³⁴⁹ Ср. выше письмо М. Мейзенбург (прим. 251).
- ³⁵⁰ Эти письма неизвестны.
- ³⁵¹ *Blanc Castel* – дом в Лозанне, в котором занимала квартиру Н.А. Герцен.
- ³⁵² Н.А. Герцен гостила на юге России в 1898 г.
- ³⁵³ Ник – племянник Натальи Александровны Герцен, внук Герцена, Николай Александрович. Вероятно, назван был *Николаем (Ником)* в честь Огарева.
- ³⁵⁴ Лицо неустановленное.
- ³⁵⁵ Терезина – вдова А.А. Герцена.
- ³⁵⁶ Жермена Рист, рожд. Моно – внучка Герцена (дочь Ольги).
- ³⁵⁷ Сыновья Жермены Рист – правнуки Герцена – Леонар, Клод, Ноэль и Марио.
- ³⁵⁸ Наталья Аполлоновна Тучкова, урожденная Жемчужникова (умерла в 1894 г.). Годом ее рождения считается 1802.
- ³⁵⁹ Алеша Малышев был назван так в честь его прадеда А.А. Тучкова.

³⁶⁰ Няня – Матреша. Впоследствии вышла замуж за незаконнорожденного сына Н.Н. Сатиной Константина (умерла в 1966 г.).

³⁶¹ *Ольгин муж* – А.А. Малышев. Ольга Андреевна Огарева познакомилась с ним в 1906 г. (он был тогда студентом Сельскохозяйственного института, она – курсисткой) и вышла за него замуж. 1 июня того же года она была арестована за распространение прокламаций среди крестьян Саратовской и Пензенской губерний и посажена в тюрьму, где у нее начался туберкулезный процесс, вследствие чего она была выпущена под залог. В 1907 г., после рождения сына Алеши, болезнь ее резко обострилась. Наталья Алексеевна увезла ее для лечения в Крым, а потом за границу.

³⁶² По-видимому, речь идет о саратовском губернаторе С.С. Татищеве.

³⁶³ Обо всем этом подробно см. в книге Малышева “Корни жизни”.

³⁶⁴ Массовые волнения и пожары имели место в Пензе в 1901 г.

³⁶⁵ Пенсию Нат. Ал., вероятно, получала от Литературного фонда (СПб.).

³⁶⁶ “Воспоминания” Нат. Ал. вышли первым отдельным изданием в 1903 г. в Москве.

³⁶⁷ Лонгин Федорович и Серафима Васильевна Пантелеевы.

³⁶⁸ Дополнительные подробности о встречах с Нат. Ал., вероятно, так и не были записаны.

³⁶⁹ Судьба этих фотоснимков не установлена.

³⁷⁰ “Корни жизни” – книга Малышева, уже цитируемая выше.

³⁷¹ Там же, с. 25.

³⁷² Там же, с.30.